ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

К. ШОНИЁЗОВ

ЎЗБЕК-ҚАРЛУҚЛАР

(Тарихий-этнографик очерк)

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН" НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ 1964

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

К. ШАНИЯЗОВ

УЗБЕКИ-КАРЛУКИ

(Историко-этнографический очерк)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА" УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1964

Монография написана на обширном этнографическом, полевом, литературном и археологическом материале. В ней детально раскрывается происхождение узбеков-карлуков, дается характеристика их хозяйства, материальной и духовной культуры; кратко рассматривается вопрос об изменениях в семейном и общественном быту, происшедших за годы Советской власти, показывается ликвидация племенной ограниченности и постепенное вхождение карлуков в узбекскую социалистическую нацию.

Книга рассчитана на специалистов — историков, этнографов, археологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. П. ПОТАПОВ

ВВЕДЕНИЕ

Карлуки — одно из многочисленных племен, вошедших в состав узбекской социалистической нации. Их изучение имеет большое значение для выяснения этногенеза узбекского народа. Цель настоящей работы — дать наиболее полное историко-этнографическое описание карлуков, показать их исторические связи с другими племенами и народностями.

Автором использован обширный материал: сообщения китайских династических хроник, древнетюркских орхоно-енисейских памятников, арабские, персидско-таджикские источники. Интересно отметить, что во всех этих источниках нет единообразия в названии племени карлуков. В китайских хрониках карлуки обозначены термином «гэлолу» или «гэлу», в арабских и таджико-персидских источниках о карлуках сообщается под несколько искаженным названием — «харлук», «харлуж», «халлух» и т. д. Термин «карлук» впервые встречается в орхоно-енисейских памятниках.

В написании данной работы большую роль сыграли наблюдения и материалы, собранные автором во время экспедиционной работы за период 1954—1959 гг.; использована также многочисленная русская и иностранная литература.

В историко-этнографической литературе специальных исследований, посвященных карлукам, нет. Однако отдельные упоминания о них имеются в трудах русских и иностранных ученых. Весьма беглое упоминание о карлуках встречается в работе английского путешественника Александра Борнса[1] и русских исследователей Средней Азии Н. Ханыкова, Д. Н. Логофета, В. И. Массальского, В. Л. Вят-

[1] Александр Борнс, Путешествие в Бухару, изд. П. В. Голубкова, М., 1849, стр. 367—487.

кина и Н. Г. Маллицкого[2]. Из русских ученых-синологов дореволюционного периода отметим Н. Я. Бичурина, которому на основе китайских династических хроник удалось собрать большой фактический материал о народах, населявших Среднюю Азию. В разделе о тюрках он приводит важные сведения о происхождении, расселении и передвижении карлуков[3].

Карлукам отведено немало места в работах западноевропейских синологов второй половины XIX в. И. Маркварта, Ф. Хирта, Э. Шаванна[4].

И. Маркварт, изучив дешифрованные тюркские письмена орхоно-енисейских памятников, а также использовав китайские и арабские источники, уточнил хронологию событий, связанную с движением карлуков в составе Восточного и Западного Тюркского каганата, установил топографические названия некоторых пунктов, находящихся во владении карлуков, сопоставив их с современной ему топонимикой[5].

Ф. Хирту принадлежит перевод одной из глав истории династии Тан-Шу, а также некоторых других китайских источников, в которых говорится, что карлуки были разделены на три части. Эти три родовые объединения (Меуло, Чжисы и Ташилы) Хирт отождествляет с уч-огуз[6], упоминаемым в орхоно-енисейских надписях. Насколько прав здесь Хирт, судить трудно.

Шаванн, как и Хирт, собрал многочисленные сведения о тюркских племенах (в основном о западных тюрках) по

[2] Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 65; Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, I, СПб., 1911, стр. 155, 248; В. И. Массальский, Туркестанский край, Россия, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шаньского, т. XIX, СПб., 1913, стр. 283, 285, 287, 764; В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) гг., Изв. Ср.-Аз. Отд. РГО, т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 16, 17, 23; Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 62, 125, 140.

[3] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 262, 265, 270 и след.; т. II, стр. 329; т. III, 1953, стр. 50, 61.

[4] I. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, SS. 30—38; и след; F. Hirth, Nachwort zur Inschriften des Tonjükuk, Zeit des Ku-tu-lu Ilteres Khan), ATIM, Zweite Folge, SS. 1—140; E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux; Сб. ТОЭ, вып. VI, СПб., 1903, стр. 4—36 и др. См. также рецензию В. В. Бартольда на эту работу ЗВО, т. XV, вып. 6, стр. 155 и след.

[5] Об оценке труда Маркварта см. В. В. Бартольд, Новые исследования об орхонских памятниках, ЖМНП, 1899, вып. 9—10, стр. 237—276. См. также его «Памяти Иосифа Маркварта», Известия Академии наук, 1931, № 4, стр. 387—402.

[6] F. Hirth, op. cit., SS. 43—44.

материалам истории китайской династии Тан-Шу, Цзю-Тан-Шу, Суй-Шу, Бэй-Ши, из сочинений буддийских паломников VIII в., энциклопедии Че-Фу-Юан-Гуй (IX в.) и др. Для нас представляют интерес страницы, рассказывающие о карлуках[7]. Однако Шаванн в своем труде не сопоставил данные орхонских памятников со сведениями китайских источников. Поэтому возникают большие трудности в понимании некоторых племенных названий, а также топографических названий пунктов расселения и продвижения карлуков.

Следует отметить, что вышеуказанные западноевропейские синологи не совсем ясно представляли себе развитие общественных отношений у тюркских племен, в том числе карлуков. Для них, как и для всех буржуазных историков, было свойственно деление народов на «культурные» — оседлые — и «некультурные» — кочевые — народы. Историческое развитие общества они рассматривали как смену политических событий.

Из дореволюционных русских ученых — востоковедов и тюркологов, в трудах которых имеются некоторые сведения о карлуках, можно указать на В. В. Григорьева, В. В. Радлова и Н. А. Аристова.

В. В. Григорьев в своих исследованиях[8], в переводах трудов иностранных авторов и примечаниях, сделанных к этим переводам[9], приводит некоторые данные арабских географов-путешественников о карлуках. По мысли В. В. Григорьева, карлуки составляли основное ядро Караханидского государства. Ему принадлежит также теория «толчков», согласно которой вторжение кочевников в области оседлых народов происходило вследствие «...толчков, которые вторгавшиеся получали сами сзади или с боков от других соседних и почему-либо сильных кочевников»[10], что «гонимые и преследуемые сами тотчас же обращаются в победителей и преследователей»[11].

Как видно, указанная теория В. В. Григорьева объясняет набеги и грабительские войны кочевых племен, совершенно игнорируя противоречия, происходившие внутри этих пле-

[7] E. Chavannes, op. cit, pp. 4, 21, 25, 32—35 и след.

[8] В. В. Григорьев, Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе, СП., 1872, стр. 12—36; его же, Караханиды в Мавераннахре, по Та'рихи Мунеджим-баши, ТВОАО, ч. XVII, СПб., 1874, стр. 192—247.

[9] В. В. Григорьев, Дополнения к переводу немецкой книги К. Риттера «Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией», сб. «Восточный Туркестан», вып. второй, СПб., 1873, стр. 195, 101—108 и след.

[10] В. В. Григорьев, Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами, ЖМНП, 1875, № 3, стр. 11.

[11] Там же, стр. 12.

мен. По В. В. Григорьеву получается, что выход карлуков с Алтая был следствием вытеснения их народами, входившими в Восточно-тюркский каганат и владения уйгурских ханов, а перекочевав в Семиречье (766 г.), карлуки усилились и сами уже преследовали племена,входившие в состав Западного каганата. Однако основной причиной массового нашествия кочевников, в том числе карлуков, на земли соседних народов было стремление кочевой знати к грабительским набегам с целью захвата пастбищ соседних племен, скота и рабов. Как указывал К. Маркс, у пастушеских племен «война — это один из самых первобытных видов труда»[12].

В. В. Радлов в своей работе об уйгурах отрицает факт проникновения карлуков в Фергану в VIII—IX вв.[13] Н. А. Аристов приводит сообщения арабских авторов о карлуках, дополняя их сведениями из китайских источников, а при расшифровке названий некоторых географических пунктов указывает на их связи с карлуками[14]. Н. А. Аристов, подобно В. В. Григорьеву, доказывает, что господствовавшие в Туркестане и в Мавераннахре в X—XII вв. тюрки, ханы которых именовались илеками, были карлуками, что некогда они были многочисленным племенем; перейдя к оседлости, карлуки сохранили лишь свое племенное название.

Н. А. Аристов не смог объяснить внутренних процессов, происходивших в среде кочевых племен, и причин образования у них государственной власти, в частности, образования государства караханидов, ядро которого составляли карлуки. Согласно теории Аристова, семья механически превращается в род, род — в племя и племя — в государство. Против этих построений Аристова в свое время выступал В. В. Бартольд[15].

Наиболее ценные сведения о карлуках имеются в трудах В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, А. Н. Бернштама.

Труды В. В. Бартольда основаны на многочисленных арабо-персидских источниках с привлечением русской и западноевропейской литературы[16]. Правда, сообщения В. В. Бартольда о карлуках очень разбросаны и не систематизированы. Более конкретную оценку роли карлуков в истории народов Средней Азии дает А. Ю. Якубовский[17]. Подчеркивая роль карлуков в образовании Караханидского государства и в отюречивании согдийского населения в Семиречье и в Мавераннахре, он говорит также о культурном превосходстве карлуков по сравнению с другими тюркоязычными племенами, расселившимися в Семиречье в VIII—X вв.

А. Н. Бернштам[18] в результате многочисленных археологических исследований установил карлукский период в Семиречье. Особенностью этого периода является усиление реальной связи кочевников-карлуков с оседлыми народами, интенсивный переход карлуков к оседлости и появление у них укрепленных поселений. В области культурного развития карлукский период характеризовался развитием ремесленного производства.

Некоторые данные о карлуках имеются в работах советских ученых С. В. Киселева, Л. П. Потапова, Н. А. Кислякова[19].

---

[12] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Госполитиздат, 1940, стр. 24.

[13] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, предисловие к изданию «Кудатку билик», Записки Академии наук, СПб., 1893, т. XXII, кн. 1, стр. 117—119.

[14] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, журн. «Живая старина», вып. III и IV, СПб., 1896, стр. 282, 297, 303—314 и след.

[15] См. рецензию В. В. Бартольда на вышеуказанную работу Н. А. Аристова, ЗВО, т. XI, 1897—1898, СПб., 1899, стр. 341—356.

[16] В. В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВО, т. VIII, 1893—1894, СПб., 1894, стр. 14, 22—28; Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, ATIM, Neue Folge, 1897, SS. 21—35; Die alttürkischen Inschriften in den arabischen Quellen, ATIM, Zweite Folge, 1899, SS, 18—28; Karluk, Enzyklopaedie des Islams, Bd. II, SS. 820—821; Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч II, СПб., 1900, стр. 71, 73, 205—207 и след; История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 70—71. 72—74; 80—81; Киргизы (исторический очерк), Фрунзе, 1927, стр. 15, 18, 19 и след; Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 8, 21—25, 37—39, 51 и др.

[17] А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Материалы по истории народов СССР, вып. 3, Л., 1933, стр. 21—24; Очерки истории СССР, IX—XIII вв., М., 1953, гл. 4, § 1, стр 476—522 и др.

[18] А. Н. Бернштам, Памятники старины Таласской долины (историко-археологический очерк), под ред. А. Ю. Якубовского, Алма-Ата, 1941, стр. 48, 49; Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942, стр. 11—12; Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 20, 21; Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв., стр. 47—60, 80, 82, 121—139, 168, 188; Труды Семиреченской археологической экспедиции, „Чуйская долина“, под рук. А. Н. Бернштама, М.—Л., МИА, 1950, № 14, стр. 75—76, 127—131, 147; Киргизстан в период карлуков, История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1956, стр. 98—113.

[19] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 610; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 92, 95, 96; Очерки истории СССР, IX—XIII вв., М., 1953, стр. 740—744; Н. А. Кисляков, Очерки по истории Каратегина, Изд-во АН ТаджССР, 1954, стр. 20—21.

О карлуках говорится и в трудах лингвистов-тюркологов А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, А. К. Боровкова, Н. А. Баскакова и венгерского тюрколога Л. Лигети[20].

А. Н. Самойлович с большой осторожностью выделял карлукский диалект тюркского языка, называя его иначе «чагатайским». Н. А. Баскаков, а вслед за ним и Л. Лигети при классификации тюркских языков выделяют уже специальную карлукскую группу, которая, как отмечает Н. А. Баскаков, создавалась в эпоху караханидов (X—XI вв.) в результате взаимодействия западных и восточных тюркских языков, с одной стороны, и таджикско-иранских языков Средней Азии, с другой. К карлукской группе тюркских языков, по классификации Н. А. Баскакова, относятся две подгруппы: карлукско-уйгурская и карлукско-хорезмская.

Этнографическое изучение карлуков началось сравнительно недавно. Впервые этот вопрос был затронут в статье А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышевой[21], где говорится о расселении карлуков, некоторых родовых делениях, а также дается краткая характеристика хозяйства и быта карлуков Кулябской области Таджикской ССР. В нескольких работах[22] Б. Х. Кармышева дает ценные сведения о карлуках, расселившихся как в Таджикистане, так и в южных и западных районах Узбекистана. Отдельная статья посвящена жилищу карлуков[23].

[20] А. Н. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Труды Петроградского института живых восточных языков, вып. 4, Петроград, 1922, стр. 13; его же, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 11—19; С. Е. Малов, Таласские эпиграфические памятники, в кн. М. Е. Массона, «К истории открытия древне-тюркских рунических надписей в Средней Азии», М.—Л., 1936 (материалы Узкомстариса), вып. 6—7, стр. 26; А. К. Боровков, Очерки истории узбекского языка, III, Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. XVI М.—Л., 1958, стр. 216—217; Н. А. Баскаков, К вопросу о классификации тюркских языков, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XI, вып. 2, 1952, стр. 121—134; Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, Acta Orientalia Academiae Sciearum Hungaricae (Acta Orient. Hung.). Regiget. L. Ligeti, t. IV, Budapest, 1954, p. 93—97.

[21] А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева, Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Изд-во АН ТаджССР, 1953, стр. 79—95.

[22] Б. Х. Кармышева, Сведения об узбекских родах семиз и кесамир, Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, Сб. СИФНСА, 1953, стр. 102, 107; Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, 1954, стр. 2, 8, 14—16 и след.; Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, КСИЭ, вып. XXVII, М., 1955, стр. 14—19 и др.

[23] Б. Х. Кармышева, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, ИООН АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956, стр. 13—23.

Антропологические данные о карлуках имеются в работах Л. В. Ошанина[24], который на основе исследования карлуков Южного Таджикистана приходит к выводу, что карлуки являются типичными представителями брахицефальной европеоидной расы среднеазиатского Междуречья.

В данной монографии отмечены лишь те работы, которые имеют наиболее важное значение в изучении карлуков. Использованная литература о хозяйстве и быте карлуков указана в примечаниях и в конце книги.

В заключение автор выражает свою глубокую признательность доктору исторических наук Н. А. Кислякову и кандидату исторических наук Б. Х. Кармышевой за большую помощь, оказанную при написании настоящей монографии.

[24] Л. В. Ошанин, Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбеков Южного Таджикистана, ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LXII, 1957, стр. 34—35, 41—43 и след.; Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 2, Ереван, 1958, стр. 69, 72.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КАРЛУКАХ

(происхождение, расселение и продвижение карлуков)

Первые письменные упоминания о карлуках под названием гэлолу (иногда гэлу) встречаются в «Таншу» — исторической хронике китайской династии Тан (618—907 гг.)[1]; спустя почти сто лет о них, но уже как о карлуках, упоминается в надписях орхоно-енисейских надгробных памятников[2].

По данным этого источника, гэлолу (карлуки) произошли из «тукюеского (тюркского. — *К. Ш.*) дома»[3]. Тукюесцы, как племенная группа, сложились в IV в. Они происходили из гуннского объединения и в результате внешних политических событий в первой половине V в. оказались в горах Гаочана (севернее Турфана). Здесь их покорили жужане и переселили на южные склоны Монгольского Алтая[4]. Жужане жестоко эксплуатировали тукюесцев. В 552 г. тукюесцы подняли восстание против своих угнетателей, которое привело к падению Жужанского каганата. Созданный в середине VI в. Тюркский каганат. не был устойчивым. В нем происходила непрерывная междоусобная борьба между многочисленными тюркоязычными племенами Алтая, в результате чего в 588 г. он распался на два самостоятельных каганата — Западный с центром в Семиречье и Восточный с центром в Монголии.

Согласно китайским источникам середины VII в., племя карлуков состояло из трех крупных родовых объединений: меуло (мэули), чжисы (пофу) и ташилы[5], кочевавших в этот период в Западном Алтае[6], вероятно, по реке Чарыш (один из притоков которой, по мнению Н. А. Аристова, назывался Карлык)[7] и далее на юго-запад, по обоим берегам Иртыша[8], до современной Семипалатинской области[9], вокруг оз. Зайсан, по всей Джунгарии, включая Тарбагатай. Незначительная часть их кочевала также в районе Хангайского хребта[10].

Обширные кочевья трех указанных карлукских родовых объединений находились как бы на стыке Восточного и Западного каганатов. В 646 г. восточнотюркский хан Чеби подчинил карлуков Западного Алтая, а Ашин Хэлу (будущий правитель Западного каганата) — карлуков, расселившихся в Тарбагатае (Северо-Западная Джунгария)[11].

Однако карлуки не прекращали борьбы. Междоусобица среди членов царствующего дома, межплеменные войны, а также давление внешних врагов в VII в. ослабили Западный и Восточный каганаты. Воспользовавшись этим, карлуки на некоторое время приобрели независимость.

Из районов расселения карлукских родовых объединений — мэуло, чжисы, ташилы — в 657 г. были созданы три административные области: Инь-Шань, Дами, Сюань-Чи, правителями которых были назначены главы ука-

---

[1] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 263, 288, 347.

[2] См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 12, 41, 42; ЗВО, т. XII, вып. II—IV, Сб. ТОЭ, вып. IV; А. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок, VI—VIII вв., стр. 46—49; Г. И. Рамстедт, Как был найден Селенгинский камень; он же, Перевод надписи Селенгинского камня, ТТКОПОРГО, т. XV, стр. 36, 39—47.

[3] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.

[4] Слово «тукюе», или «тугю», на языке тукюесцев означало «шлем». У Бичурина тукюесцы встречаются также под названием «дулга» (т. I, стр. 220—221), что на монгольском языке также означает «шлем». Такое название предки тюркоязычных племен получили, вероятно, по ассоциации, вызываемой местом их расселения на Алтае, центральная часть которого представляла собой вид шлема, обращенного углублением кверху (Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 226—227).

[5] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347. См также Liu Mau Tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-küe), Bd. II, wiesbaden, 1958, S. 585, прим. 300.

[6] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.

[7] Н. А. Аристов, указ. соч., стр. 297.

[8] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.

[9] В. Бартольд, Историческое значение старотюркской надписи, см. AtlM, Zweite Folge, S. 29.

[10] Хангайские горы у Бичурина упоминаются под названием Удэ-гянь (т. I, стр. 347), а в надписи Селенгинского камня значится Этюкен, что одно и то же (Г. И. Рамстедт, Перевод надписи Селенгинского камня, ТТКОПОРГО, т. XV, стр. 44); Л. П. Потапов доказал, что Этюкен — горный хребет, находится в северо-западной части Тувы и отнюдь не соответствует только Хангайскому хребту (см. «Новые данные о древнетюркском «Ötükän», журн. «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 111).

[11] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 263, 289.

занных родовых объединений. Впоследствии от рода чжисы отделилась некоторая часть карлуков, а из районов их расселения была образована четвертая административная область — Гинь-Фу[12].

В конце VII в. возродился Восточный каганат; отдельные районы расселения карлуков были насильно включены в его состав.

Однако карлуки не прекращали борьбы за свою независимость, о чем свидетельствуют строки 41—42 в большой надписи на памятнике, поставленном в честь Кюль-Тегина и его брата Могилян-хана. «Когда Кюль-Тегину было двадцать семь лет[13], народ карлуков вследствие свободы и независимости стал [нам] врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг[14]. В этом сражении Кюль-Тегину было тридцать лет[15]; сев верхом на своего белого [коня] героя Шалчи, он бросился в атаку, двух мужей он заколол [копьем], одного за другим; мы убили [многих] карлуков и [оставшихся] покорили...»[16].

В период беспрерывных войн с Восточным и Западным каганатами, а также с местными властями, многочисленные группы карлуков спустились из районов своего прежнего расселения (Алтая и Тарбагатая) на юг[17] и юго-восток и проникли на территорию Западного каганата. Здесь между двумя крупнейшими племенами — карлуками и тюргешами — началась борьба за господство в каганате, которая в начале VIII в. приняла особенно ожесточенный характер.

Тюргеши кочевали между реками Чу и Или, главная ставка их князей находилась в г. Суябе. В 712 г. карлуки в союзе с племенами Хуву и Шуниши предприняли большой поход против тюргешей, однако разбить их окончательно не удалось.

В дальнейшем тюргеши несколько усиливаются. В 40-е годы VII в. они начали играть заметную роль в политической жизни Западного и Восточного каганатов, но к середине VIII в. в междоусобной борьбе тюргеши теряют свое могущество, что было использовано карлуками. В 751 г. карлуки

[12] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.
[13] Кюль-Тегин умер в 731 г. в возрасте 47 лет; если во время восстания карлуков ему было 27 лет, то восстание можно датировать 711 г. О времени смерти Кюль-Тегина см. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 41—42.
[14] Эта вершина, по-видимому, находится где-то в горах Тарбагатая.
[15] Сражение на вершине Тамаг происходило в 714 г.
[16] С. Е. Малов, указ соч., стр. 41—42.
[17] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.
[18] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, М., Изд-во восточной литературы, 1963, стр. 33.

усилили давление на тюргешей и стали переселяться на богатые пастбищами районы Семиречья.

Хотя немало карлуков проникло в Семиречье, на юг и юго-восток за Тяньшаньские горы и в Фергану, основные массы их до середины VIII в. все еще оставались в Алтайских горах (по обе стороны Черного Иртыша, в Южном Алтае и Тарбагатае).

В этот период уйгурский хан Пэйло (в древнетюркских памятниках — Моюн-Чур) решил подчинить своей власти все тюркские племена Восточного и Западного каганатов. Действуя в союзе с карлуками и басими, Пэйло в 742 г. одержал окончательную победу над ханами Восточного каганата. Затем хан Пэйло нанес удар по басими, а после их разгрома (745 г.) обратил оружие против карлуков.

После многолетней борьбы уйгурам удалось покорить племена карлуков, расселившиеся в районе Хангайского хребта и Танну-Ола[19], а карлуки, оставшиеся жить по Иртышу, Южному Алтаю и Тарбагатаю, к этому времени объединились под властью единого племенного вождя — шеху[20].

В 766 г., победив тюргешей, карлуки передвинулись в глубь Семиречья. Столицей карлукских ханов (ябгу) стал Суяб (город на реке Чу). Вождь карлуков сделался властителем территории от Джунгарского Алатау до Сыр-Дарьи; лишь незначительным группам карлуков удалось проникнуть за Сыр-Дарью. Характеризуя этот период в истории карлуков, бухарский ученый 'Ауфи (XIII в.) писал: «Их родина находилась у горы Йун-С[21], в которой [добывают] золото. Халлухи были подданными тогузгузов (т. е. уйгуров. — *К. Ш.*), но, восстав против них, они вторглись в землю Тюркестана[22], а некоторые из них пришли [даже] в страну Ислама»[23].

Таким образом, со второй половины VIII в. территория расселения карлуков простиралась от оз. Балхаш и Джунгарского Алатау до Сыр-Дарьи, включая также часть Ферганской долины. Наиболее достоверные сведения об этих районах дает неизвестный автор «Худуд ал-алем» (X в.)[24].

[19] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.
[20] Высший титул у тюрков — ябгу — переводится китайцами как «шеху» или «шэху» (Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. III, стр. 303).
[21] Йун—С— под этими горами, видимо, имелся в виду Алтай. См. V. Minorsky, Hudud al-Alam, London, 1937, p. 286.
[22] Имеется в виду Семиречье.
[23] См. В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. I, стр. 99—100.
[24] Худуд ал-алем, рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, Л. 1930.

Он делит страны, лежащие к северу от экватора, на 45 областей и на 42-м месте помещает область карлуков — «Халлух». В главе «Слово об области Халлухов и ее городах» автор указанного сочинения пишет: «На востоке от нее — некоторые из областей Тибета, области ягма и область тогузгузов. С юга — некоторые из областей ягма и область Мавераннахр. На западе — область гузов и на севере — область чигилей и тогузгузов»[25].

Основными районами расселения тогузгузов (уйгуров) в середине IX в. были районы Урумчи, Турфан, Хами[26], Аньси и земли, граничащие с северо-восточной частью Тибета[27]. Приблизительная граница между владениями карлуков и тогузгузов проходила по рекам Черчен, Тарим[28] и частично Аксу. Земли, лежащие к западу и юго-западу от этих рек, принадлежали карлукам, а к северо-востоку, востоку и юго-востоку — уйгурам. Южным соседом карлуков, как указывается в рукописи, было племя ягма; границей между ними служила река Нарын, названная в рукописи Хатлам[29].

Племени ягма к середине X в. принадлежали земли, расположенные в основном к югу от верховьев Нарына, включая древние города Ат-баши, Канджагар-баши до Кашгара включительно. По словам Гардизи (середина XI в.), племя ягма выделилось из состава тогузгузов и поселилось между владениями карлуков и кимаков[30].

Это сообщение Гардизи соответствует данным китайских историков, отмечающих, что племена хойха (уйгуры или тогузгузы) в 840 г. потерпели поражение от хагасов (киргизов); 15 уйгурских колен во главе с министром Сичжи Панделэ бежали к карлукам в северо-западные пределы Джунгарии — Тарбагатай[31]. В таком случае место расселения этих огузов должно было находиться между землями племен кимаков, которые кочевали к северо-западу от Тарбагатая, по левому берегу Иртыша, и карлуков, перенесших свои кочевья к тому времени (середина IX в.) в Семиречье, а затем дальше на юг, к юго-востоку от Или.

[25] Худуд ал-алем, л. 17б.

[26] А. Ю. Якубовский, Арабские и персидские источники об уйгурском — Турфанском княжестве в IX—X веках, ТОВ, Л., 1947, т. IV, стр. 424 и 431.

[27] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 334—335.

[28] Граница между карлуками и тогузгузами по Тариму отмечалась А. Ю. Якубовским (см. «Очерки истории СССР», IX—XIII вв., стр. 484; История Узбекской ССР, т. I, книга первая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 240).

[29] Худуд ал-алем, л. 9б.

[30] В. Бартольд, О поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг., Зап. АНИФО, т. I, № 4, СПб., 1897, Приложение Гардизи, стр. 108.

[31] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 334 и 338—339.

Расселившиеся между кимаками и карлуками племена ягма, по словам Гардизи, постоянно терпели притеснения от своих соседей. К тому же внутри самого племени происходила междоусобная борьба, в результате которой часть ягма переселилась на «расстояние одного месяца пути»[32] от своих прежних районов, что примерно соответствует Кашгарии. Другая же часть их осталась в Тарбагатае и впоследствии переселилась в районы среднего течения Или и далее к югу до Иссык-Куля, о чем имеется указание в «Худуд ал-алем»[33].

Гардизи объясняет переселение племени ягма на северо-запад Кашгарии союзом с каким-то тюркским хаканом, с которым они договорились совершать «совместные нападения во все стороны». Главой какого племени являлся указанный хакан, сказать трудно. Однако отметим, что часть Восточного Туркестана[34], в том числе город Кашгар, до прихода сюда ягма принадлежала карлукам, и владетели Кашгара избирались из среды карлуков, а несколько позднее (видимо, в конце IX или в начале X в.) — уже из ягма[35]. Под термином «хакан» понимался тогда глава тюрок; он употреблялся в смысле «предводитель предводителей, подобно тому, как персы говорят шахиншах»[36]. Предводитель карлуков, по словам Мас'уди, назывался «хаканом над хаканами»[37].

Все это наводит нас на мысль, что упомянутый Гардизи хакан, вероятно, был одним из карлукских ханов.

К моменту проникновения карлуков на Заилийские земли (т. е. на земли, лежащие к югу от Или до Сыр-Дарьи) Мавераннахр был завоеван арабами, которые проникли сюда с начала VIII в. К середине IX в. они уже прочно обосновались на некоторых землях к северу от Сыр-Дарьи — от восточной границы Ферганы (приблизительно от слияния Нарына с Карадарьей) до Исфиджабской области включи-

[32] В. Бартольд, О поездке в Среднюю Азию..., Приложение Гардизи, стр. 108.

[33] Худуд ал-алем, л. 18б.

[34] В понятие Восточного Туркестана входит район между 35 и 43° с. ш. и 72—90° в. д. Восточный Туркестан включал города Кашгар, Куча, Аксу, Уч-Турфан, Карашар, Янги-Гиссар, Яркенд и Хотан; см. «Сборник географических, топографических материалов по Азии», вып. XXIII, СПб., 1886, стр. 2, 3, 12.

[35] Худуд ал-алем, л. 17б.

[36] Ал-Хорезми, Мафатих ал-улум, перевод С. Волина (см. МИТТ, стр. 217).

[37] К. Риттер, Землеведение, география стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный Туркестан, выпуск второй. Перевод с дополнением и критическими замечаниями В. Григорьева, СПб., 1873, стр. 285.

тельно. В 893 г. Исмаил Самани предпринял большой поход против тюрок и захватил город Тараз[38]. Однако он не смог перейти реку Талас, так как карлуки оказали его войскам упорное сопротивление.

Таким образом, Тараз продолжительное время был крайним рубежом между владениями карлуков и так называемым мусульманским миром. Даже после завоевания арабами Ферганы карлуки удерживали в своих руках весь район между Нарыном и Карадарьей с городами Узген, Бискен (Избаскент), Селат (Кокан-Кишлак), Хефтдех[39] (семь селений). Главным центром указанной области был город Хатлам (на месте теперешнего Кетмень-Тюбе), ставший резиденцией карлукских правителей[40].

Западными соседями карлуков, как указывалось в рукописи «Худуд ал-алем», были гузы (или огузы)[41]. По сообщению Истахри, в середине X в. гузы занимали территорию по восточному и северному берегам Каспия, огибая мусульманские владения Джурджана[42] до Фараба[43] и Асфиджаба[44], соседями их были на западе хозары, на северо-западе булгары, на северо-востоке кимаки и на востоке карлуки[45]. По этим сообщениям Истахри можно понять, что гузы граничили с карлуками по линии Фараб — Асфиджаб.

Приблизительно на ту же линию указывает ал-Макдиси. По его данным, «Беркут и Баладж — два города, находившиеся недалеко от Исфиджаба, к западу от него, — являлись крепостями против огузов. Это был самый восточный район расселения туркмен-огузов в X в.»[46].

Дальними соседями карлуков на севере и северо-западе являлось тюркское племя кимаков. По сообщению Гардизи, кимаки жили на Иртыше[47]. Часть кимаков к середине X в.

[38] В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 71.
[39] По предположению А. Бернштама, Хефтдеху соответствуют многочисленные руины между Масса (Избаскент) и Кугуртом (Акман, Чука-Тепе); см. его «Древняя Фергана», стр. 31.
[40] Там же.
[41] Худуд ал-алем, л. 17б.
[42] Джурджаном арабские географы называли Ургенч. Однако в данном случае под Джурджаном понимается страна Хорезм в целом.
[43] Фараб, позже называемый Отраром, находился у теперешней ж.-д. ст. Тимур (см. МИТТ, т. I, стр. 67).
[44] Асфиджаб (или Исфиджаб) соответствует кишлаку Сайрам, близ Чимкента (см. МИТТ, т. I, стр. 177—178).
[45] Сведения Истахри нами приведены из работы В. Григорьева, «Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе...», стр. 13.
[46] История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 270.
[47] В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию..., Приложение Гардизи, стр. 106, 107.

продвинулась к Сыр-Дарье, в район Саурана[48], и таким образом стала соседом гузов.

Киргизы среди соседей карлуков в рукописи «Худуд ал-алем» не упоминаются, но зато в главе о киргизах говорится, что соседями их на юге, кроме тогузогузов, частично были карлуки. Один из киргизских родов, называемый ксайм или кесайим, видимо, был карлукского происхождения. В указанной рукописи сказано, что «это племя отличается от киргизов. Его язык ближе к языку халлухов»[49]. Киргизы к середине X в. занимали верховья Или[50] и по ее притокам Шарын и Текес подходили к восточному берегу Иссык-Куля. Они владели также северными и отчасти южными склонами Восточного Тянь-Шаня[51].

Из рукописи «Худуд ал-алем» видно, что к середине X в. карлукам принадлежала обширная территория от границ владений гузов на западе до пределов Тибета на востоке и от владений кимаков на Иртыше на севере до границ Саманидского государства на юге[52].

Сведения «Худуд ал-алем» дополняются данными других мусульманских источников. По сообщению Истахри, карлуки были расселены «от Исфиджаба до отдаленнейших мест Ферганы»[53], т. е. по Истахри, земля карлуков находилась к востоку от земли гузов, на запад от земли тогузогузов, к югу от земли кимаков[54]. По данным Мас'уди, в его время (первая половина X в.) карлуки жили «по всей Фергане, Шашу и окрестным местам»[55], а по сведениям Ибн Хаукаля (середина X в.), «требовалось 30 дней пути, чтобы пройти через земли карлуков с запада на восток»[56]. Арабский путешественник Абу Долеф (X в.) сообщает, что ему пришлось ехать по земле карлуков 25 дней[57].

Хотя сведения арабских и персидских источников и дают нам представление об обширности владений карлуков, однако под «владениями карлуков» в данном случае подразумеваются не только земли, на которых жили карлуки, но и территория, которую занимали тюркские племена чигиль,

[48] Сауран (или Сабран) — город на нижнем течении Сыр-Дарьи, возле нынешней ж.-д. ст. Сауран, недалеко от г. Туркестана (см. МИТТ, т. I, стр. 183).
[49] Худуд ал-алем, л. 17б.
[50] Там же, л. 6а.
[51] Там же, л. 17б, 18а.
[52] Там же, л. 18а.
[53] МИТТ, т. I, стр. 178.
[54] Там же.
[55] К. Риттер, указ. соч., стр. 202.
[56] Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 484.
[57] См. В. Григорьев, указ. соч., стр. 35.

тухсы, аргу, ягма. Поскольку верховная власть над указанными племенами в середине X в., по-видимому, принадлежала главному военачальнику карлуков — ябгу (в арабских источниках — джабгу), мусульманские источники приписывали всю указанную территорию карлукам.

Чтобы уточнить территорию непосредственного расселения карлуков, остановимся кратко на районах, где жили подвластные карлукам племена — тухсы, аргу[58], чигиль (о районах расселения ягма уже говорилось выше).

В рукописи «Худуд ал-алем» о тухсы говорится как о северном соседе карлуков[59]. Гардизи (середина XI в.) сообщает, что территория, на которой жили тухсы, начиналась «по левую сторону, как перейти перевал»[60]. К середине X в. они продвинулись значительно дальше к югу и вместе с карлуками жили вдоль западной оконечности Тянь-Шаня[61]. Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщает, что аргу жили в области городов Исфиджаба, Тараза и Баласагуна[62].

Племена чигиль занимали второе место после карлуков по численности среди тюркских племен Семиречья. Они жили на территории к югу от Или до Сыр-Дарьи, а по сведениям «Худуд ал-алем» (середина X в.), — к западу и отчасти к юго-востоку от Иссык-Куля[63]. Из текста указанной рукописи нельзя не заметить, что земли, занимаемые чигилями, принадлежали карлукам и что все районы, где они жили, были также местом расселения карлуков[64].

Махмуд Кашгарский считал, что название «чигиль» относится к трем группам тюрок[65]. «Первая из них — племя кочевников — обитает в Куясе[66], а этот город за Барсаганом[67]. Вторая группа — близ Тараза, где находится их город Чигиль...»[68]. Где проживала третья группа, Махмуд Кашгарский не указывал. Данные предыдущих источников пополняются сведениями о чигилях Гардизи. «Все окрестности Иссык-Куля заняты джикилями», — сообщает Гардизи[69].

Из всех приведенных сведений, почерпнутых из ряда источников, ясно выступает тот факт, что владения чигилей были составной частью владений карлуков. Это наводит на мысль о родственно-близких отношениях чигилей с карлуками. В. Бартольд, анализируя взаимоотношения этих племен, утверждал, что чигили выделились из среды карлуков[70]; на тесную близость их указывали также Н. А. Аристов[71], А. Ю. Якубовский[72].

К середине X в. основная масса карлуков жила к юго-западу от Иссык-Куля[74], по бассейнам рек Талас, Чу[75], и к северу от этого озера, до среднего течения Или включительно. Они жили также к югу от Иссык-Куля, по обоим склонам Тяньшаньских гор, в бассейне Нарына, в Фергане и Тохаристане.

Карлуки, проживавшие к югу от Таласа, в Исфиджабской области и на Сыр-Дарье, перешли в мусульманство. Ибн Хаукаль (X в.) писал: «Сюткенд [лежит] к западу от р. Шаш, в нем есть мечеть, и в нем собираются тюрки из [разных] племен гузов и карлуков, которые уже приняли ислам»[76].

Наиболее подвижная часть карлуков, огузов, аргу и других тюркских племен неоднократно переходила на левый берег Сыр-Дарьи и через Кызылкумы могла доходить до долины Зеравшана, где уже с середины VIII в. значительная группа их вела оседлый образ жизни[77].

Некоторые историки отрицают тот факт, что в прошлом карлуки владели Ферганской долиной. Так, В. В. Радлов, приводя высказывания Мас'уди о принадлежности Ферганы карлукам, писал, что слово «карлук» попало в текст Мас'уди по ошибке, так как они никогда не жили в Фергане, где до середины X в., по его мнению, обитали уйгуры[78]. В. В. Рад-

---

[58] Тухсы и аргу являются остатками племени тюргеши (кит. туцюши).
[59] В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию..., Приложение Гардизи, стр. 25.
[60] В. Бартольд, Очерки истории Семиречья, стр. 23—24. Этот перевал, находящийся на западной оконечности Заилийского Алатау, вероятно, соответствует перевалу Кастек.
[61] Худуд ал-алем, л. 16а.
[62] Баласагун соответствует развалинам Ак-Пешин, находящимся у Токмака (см. Труды Семиреченской археологической экспедиции, № 14, стр. 10, 13, 21).
[63] Худуд ал-алем, л. 3б и 18а.
[64] Там же, л. 18а.
[65] МИТТ, т. I, стр. 311.
[66] Куяс — город, расположенный на юго-восток от оз. Иссык-Куль.
[67] Барсаган, или Барсахан, по указанию автора «Худуд ал-алема», находился на южном берегу оз. Иссык-Куль.
[68] Город Чигиль был расположен примерно в 3 *км* от г. Тараза (теперь Джамбул).

[69] В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию..., Приложение Гардизи, стр. 114.
[70] В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 71; он же, Очерки истории Семиречья, стр. 22.
[71] Н. А. Аристов, указ. соч., стр. 312.
[72] Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 484.
[74] Худуд ал-алем, л. 13б.
[75] Худуд ал-алем, л. 17б и 18б; см. также К. Риттер, Землеведение, выпуск второй, стр. 222.
[76] МИТТ, т. I, стр. 184.
[77] История народов Узбекистана, т. I, стр. 153.
[78] В. В. Радлов, указ. соч., стр. 117.

лов приводит доказательства того, что караханидские ханы вышли из среды уйгуров; он игнорирует также исторические факты о принадлежности карлукам большей части Ферганы еще с начала VIII в.[79]

Точную дату проникновения карлуков в Фергану и далее на территорию Тохаристана установить не удалось. По-видимому, это произошло в период борьбы Восточного и Западного каганатов с внешними врагами, когда часть карлуков, притесняемая ханами обоих каганатов[80], в середине VII в. переселилась в верховья Нарына до Кетмень-Тюбе включительно, а затем на юго-восток, к Кашгару, Яркенду, Хотану и даже проникла в Тохаристан.

Это подтверждается сообщением о том, что в 648 г. карлуки, проживавшие в Кашгаре, Яркенде, Хотоне, выступили против тюргешей, совершавших нападения на Восточный Туркестан[81].

Прочно обосновавшись в верховьях Нарына и частично в Восточном Туркестане, карлуки к середине VIII в., тесня племена Западного каганата[82], двинулись вниз по Нарыну, заняв Восточную Фергану до слияния Нарына с Карадарьей; наиболее подвижные группы поселились на землях Центральной Ферганы.

Продвижение карлуков в глубь Ферганы вызвало серьезные опасения со стороны арабов. При халифе Махди (775—785) арабские войска во главе с наместником Мавераннахра Ахмедом б. Асадом вторглись в долину и заняли город Касан — столицу ферганского царя[83]. Махди через своих послов потребовал покорности от ряда государей, среди которых упоминаются согдийский ихшид, ферганский царь, карлукский джабгу, хакан тогузогузов, владетель Шаша, тибетский царь[84], — все они, видимо, составили своего рода антиарабскую коалицию. Многие из них были вскоре подчинены арабами.

Однако карлуки продолжали оказывать арабам упорное сопротивление. При Харуне ар-Рашиде (786—809) наместник Мавераннахра Гидриф б. Ата послал в Фергану армию

[79] А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, стр. 6—8.
[80] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 347.
[81] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 294—295.
[82] Ферганская долина к моменту проникновения туда карлуков, а затем арабов, входила в состав Западного каганата.
[83] В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 206.
[84] Там же, стр. 207.

во главе с Амра б. Джемала, чтобы вытеснить оттуда войска карлукского джабгу[85], но цели не добился. Другой наместник Мавераннахра, Мамун (809—813), будущий халиф (813—833), жаловался своему везиру Фадлю б. Сахлу, что «карлукский джабгу и тибетский владетель вышли из его повиновения». Фадль посоветовал ему написать письмо джабгу и хакану (владетелю Тибета) с предложением пожаловать им те области, которыми они владели, и обещать помощь в борьбе с другими царями. По замечанию В. Бартольда, подобными мерами арабы пытались «сохранить внешнее благополучие»[86].

Согласно китайским источникам, в начале 90-х годов VIII в. пришли в движение карлуки, которые жили в предгорьях Хангая (захваченных тогдашним уйгурским ханом Пэйло в 755 г.). Заняв местность Шенту-Чуан[87], принадлежавшую уйгурам, они вместе с тибетцами и шатосами[88] захватили Бай-Тьхын (Бишбалык)[89]. Правда, в 791 г. уйгурам удалось отвоевать этот город[90].

Указания китайских источников подтверждаются надписью, сделанной на хорошо известном уйгурском памятнике в Каракоруме[91]. В строке XX этого памятника говорится, что уйгурский хан (Ачжо), напав на галу (карлуков) и туфан (тибетцев), разбил их войска и, преследуя бегущих, «достиг государства Бахена» (китайское название Ферганы). В следующей XXI строке сообщается уже о вторичном походе Ачжо против карлуков, когда он «дошел до Чжень-Чжуе»[92] (букв. — жемчужная река), современное название реки Нарын.

Следовательно, после первой победы над войсками карлуков и тибетцев у крепости Бэй-Тьхын уйгурский хан Ачжо преследовал бегущих до границы Ферганы, видимо, со стороны Оша и Узгена. При вторичном разгроме карлуков Ачжо дошел до верховьев Нарына[93].

[85] В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 207.
[86] Там же.
[87] Какой район входил в понятие Шенту-Чуан, определить не удалось; предположительно, он находился где-то в юго-восточной части Хангая.
[88] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. I, стр. 329.
[89] Развалины Бишбалыка находятся в 47 *км* к западу от Гучена, близ Джимисара, см. V. Minorsky. Hudud al-Alam, стр 272.
[90] Сб. ТОЭ, вып. III, СПб., 1897, стр. 27.
[91] Там же, стр. 26—27.
[92] Там же, стр. 26.
[93] Там же, стр. 32; см. также Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. III, стр. 213.

Из тех же источников становится известно, что карлукам принадлежало владение Синьчен[94], которое лежало «в ста с небольшим ли[95] от Ши на северо-восток»[96] (названием Ши китайцы обозначали Ташкентский оазис)[97]. Следовательно, область Синьчен должна была приблизительно соответствовать югу и юго-восточной части Кураминского и Чаткальского хребтов.

Все эти сообщения неоспоримо свидетельствуют о том, что карлуки в конце VII — первой половине IX в. жили в Ферганской долине, служившей им надежным тылом в борьбе за обладание Восточным Туркестаном.

В рукописи «Худуд ал-алем» дважды отмечается близость владения карлуков к Тибету, под которым понимались, видимо, горные области юго-восточной части Памира и земли, лежащие к северо-западу от границы Тибета, включая области Яркенда и Хотана. Указанные территории, а также другие области Восточного Туркестана, по всей вероятности, находились во владении карлуков, которые вместе с другими тюркскими племенами выступали против внешних врагов[98].

Арабский географ Мас'уди писал, что тюрки-халлухи (карлуки) в его время господствовали в Тибете[99], понимая под ним район Яркенда и Хотана[100]. Бируни, современник автора «Худуд ал-алем», также отмечал, что тюрки Мавераннахра владели и Западным Тибетом[101], название которого Бируни приводит правильно. Тюрки несомненно пришли сюда вместе с караханидами, среди которых ведущая роль принадлежала карлукам.

Карлуки Семиречья (VIII—X вв.) состояли из многочисленных родов. К сожалению, источники не дают о них исчерпывающих сведений. Из рукописи «Худуд ал-алем», следует, что на южном берегу озера Туз-Куль[102] были расположены семь карлукских родов; между Куланом и Мерки[103] расселились три рода, а несколько родов (сколько именно, в рукописи не указывается) — в большом селении Ганкасир[104] и его окрестностях. В Карминкате расселилось карлукское родовое объединение (колено) Лабан. По сведениям 'Ауфи, у карлуков «было девять родов: три — джигилей (чигили), три х-ские, один н-да (или б. два), один Квалин и один т-хсин»[105]. Помимо чигилей, разобрать названия других родов почти невозможно. Трудно также сопоставить названия указанных родов с сохранившимися до нас родовыми и племенными делениями.

По сообщениям 'Ауфи, каждое карлукское колено объединяло несколько родов. В таком случае карлуки, как название племени, объединяли несколько колен, а последние — несколько родов. Глава карлукского племени носил титул ябгу, а его помощник — кудеркин[106]. Во главе родовых объединений (колен) стояли эльтибери, а родовых общин — беги. Такая иерархическая лестница существовала в карлукском обществе до середины VIII в. К этому времени, возможно, относится высказывание Абул-Гази о том, что карлуки, «поставив одного лучшего из своей среды государем над собой, по смерти его опять избирали кого-нибудь». Здесь речь идет о выборности карлукских вождей, а употребляемый Абул-Гази термин «государство» нельзя понимать в подлинном его смысле.

С захватом карлуками Семиречья (в середине VIII в.) функция ябгу значительно расширяется: вместо главы одного племени он делается верховным вождем всех племен и народностей, расселившихся на данной территории. Власть ябгу в этот период была настолько неограниченной, что арабо-персидские источники называли управляемые ябгу территории государством, а его самого — государем. В действительности же государства, в нашем понимании, у карлуков этого периода, да и раньше не существовало. Ябгу по-прежнему выбирали на собрании родовой аристократии —

---

[94] Название Синьчен у китайцев, кроме указанной области, носили еще город в Манчжурии и район у Нахшеба (Карши); см. Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. III, стр. 47—216.

[95] Китайское ли равно примерно 579 *м*.

[96] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. II, стр. 329.

[97] Н. Я. Бичурин, указ. соч., т. III, стр. 216.

[98] Там же, т. I, стр. 229.

[99] К. Риттер, указ. соч., стр. 285.

[100] Там же.

[101] Там же.

[102] Туз-Куль — Соленое озеро. В. В. Бартольд предположительно говорил о тождественности оз. Туз-Куль с оз. Иссык-Куль. См. его введение к рукописи «Худуд ал-алем», стр. 20. В. Минорский отождествляет Туз-Куль с Шур-Кулем (Соленое озеро), расположенным на высоте 5000 футов над уровнем моря на южных склонах Тянь-Шаня, примерно в 140 *км* к северо-востоку от Кашгара и к югу от Таушкана. Эти районы находились тогда в сфере влияния карлуков. См. V. Minorsky, Hudud al-Alam, p. 184.

[103] Кулан и Мерки — крупные поселения карлуков (Худуд ал-алем, л. 18а). На месте первого находится теперь ж.-д. ст. Луговая, на месте второго — ж.-д. ст. Мерки в Джамбульской области КазССР (см. Очерки истории СССР, IX—XIII вв., М., 1953, стр. 484).

[104] Ганкасир находился к востоку от Мерки.

[105] В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. I, стр. 100.

[106] А. Ю. Якубовский, Сельджукидское движение и туркмены в XI веке, Известия АН СССР, 1937, № 4, стр. 927.

бегов и эльтиберов; последние выполняли также функции военачальников.

По требованию верховного вождя все подвластные ему военачальники родов, племен, а также городов в случае войны выставляли определенное количество войска. Обычно военачальники родовых общин (беги) являлись одновременно и владетелями отдельных городов. Например, военачальник одного из чигильских родов по имени Янал-тегин был владетелем города Беклик. Его род выставлял 7000 воинов, а принадлежащий ему город — 3000 воинов.

В исторических документах нет конкретных указаний на обстоятельства, сопровождавшие проникновение карлуков как в Восточный Туркестан, так и в Тохаристан. У Гардизи мы находим, что карлуки, усилившись, «вступили в сношения с тохаристанскими хайталами[107], те потребовали от них женщин, халлуху дали им женщин»[108]. Гардизи не сообщает, к какому периоду относятся его сведения. Однако, учитывая его упоминание о том, что часть карлуков была подчинена тогузогузам, можно предположить, что сношения карлуков с хайталами относятся к середине VIII в., когда одна часть карлуков, усилившись в борьбе с Восточным и Западным каганатами и получив самостоятельность, в 766 г. захватила земли бывшего Западного каганата. Карлуки, расселившиеся у гор Хангая, как уже отмечалось, были подчинены в 755 г. тогузогузским ханом Пэйло.

Еще до Гардизи арабский историк Табари (конец IX — начало X в.) упоминал о войне арабов с тохаристанскими карлуками[109], в которой глава тохаристанских карлуков в 709 г. был убит арабским полководцем Кутейбой ибн Муслимом.

Антиарабское движение в Тохаристане, возглавляемое карлуками, было настолько мощным, что этим решил воспользоваться тюркский хан, живший около Невакета (город на реке Чу). В 737 г. армия хана дошла до границ Тохаристана и, соединившись с войсками джабгу карлуков, начала войну против арабов[110].

Весьма возможно, что продвижение части карлуков в верховья Нарына, Восточный Туркестан и Тохаристан[111]

[107] В. Бартольд отождествляет хайталов с эфталитами. (Отчет о поездке в Среднюю Азию..., Приложение Гардизи, стр. 108).

[108] В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию..., Приложение Гардизи, стр. 104.

[109] МИТТ, т. I, стр. 105.

[110] Ат-Табари, указ. соч., стр. 1494, 1496 и др.

[111] По определению В. Бартольда, страна тохаров (Тохаристан) начиналась за Железными воротами, или проходом Бузгаля; в состав ее

может быть отнесено к середине VII в., когда усилилась миграция тюркских племен.

В Тохаристане карлуки занимали обширную территорию — от бассейна реки Сурхоб-Вахш до Северного Афганистана включительно. Географ Якуби (конец IX в.) указывал, что Вахш вытекал из владений тюрков-карлуков и проходил через области Памир, Рашт и Камедж[112]. В. Бартольд отмечает, что под Памиром в то время понимали также Алай; Рашт в X в. соответствовал Каратегину; область Кумедж находилась в верховьях Кафирнигана[113]. Ибн Рустс (начало X в.) также писал, что «в Джейхун (Аму-Дарья. — *К. Ш.*) впадает несколько рек, из них большая река называется Вахшаб. Она проходит по верхней части страны тюрков-карлуков и течет в область Памир, затем в область Рашт»[114].

Следовательно, карлуки жили в Алайской долине, граничащей с Каратегином. Карлукские племена, постоянно пополнявшиеся за счет притока карлуков из Семиречья, Ферганы и Восточного Туркестана, с целью захвата новых пастбищ для скота стали продвигаться вниз по реке Сурхоб. Проникнув в Каратегин, они, возможно, на некоторое время даже завладели этой областью.

Якуби (IX в.) указывал, что от Вахшгарда (по Бартольду, нынешний Файзабад)[115] в четырех фарсахах[116] проходила граница с владениями тюрков[117]. Если допустить, что это были тюрки-карлуки, то указанная граница как раз и соответствует юго-западным границам Рашта (Каратегина).

Правда, под тюрками в других источниках (например, у Макдиси) понимались и кумиджии, которые жили в верховьях Кафирнигана[118], но этот древний оседлый народ не мог оказать арабам такого серьезного сопротивления, какое им оказали в начале VIII в. на границе с Каратегином тюрки-карлуки вместе с туркменами и другими тюркоязычными

«входила область к северу, так и к югу от верхнего течения Аму-Дарьи», включая и область Бадахшана. «...Карлукский князь... [был] верховным владетелем Тохаристана в обширном смысле, в состав которого входил и Бадахшан» (В. Бартольд, Таджики, Исторический очерк, Сборник статей «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 97; там же: А. А. Семенов, Материальные памятники арийской культуры, стр. 116).

[112] В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 71—72.

[113] Там же, стр. 172.

[114] BGA, VI, стр. 24.

[115] В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 72.

[116] 1 фарсах или парсанг (перс.) — около 8 *км*.

[117] В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 72.

[118] Там же.

племенами[119]. Именно против них арабы в конце VIII в. построили оборонительные стены и 700 укрепленных пунктов[120] на границе с Каратегином, которые должны были закрывать карлукам и туркменам проход в Гиссарскую равнину.

О карлуках, поселившихся в Тохаристане, упоминается и в «Худуд ал-алеме»[121]. Из городов, принадлежавших карлукам, называются Балх, Газни, Астах или Истох (чтение сомнительное) и Баркавон[122]. Видимо, последние два города, как и Газни, находились на территории Забулистана (область между Сеистаном и Индией). Мас'уди также указывал, что карлуки и гузы (туркмены) жили в «стране области Гарч[123], Буста[124] и Бистама[125], около области Седжестан»[126]. Арабский географ Идриси (XII в.) писал, что халлухи расселялись до Северной Индии, в Гуре[127] и в некоторых областях Западного Седжистана[128], что халлухи — «народ тюркского происхождения, который в древние времена перешел в эти места»[129].

Таким образом, карлуки к X в. владели не только Тохаристаном, но и обширной территорией на северо-востоке, востоке и юго-востоке современного Афганистана. Что же касается упомянутых здесь туркмен, то они, вероятно, жили в Северо-Западном Афганистане — в областях Гузган и Горчистан.

Районы кочевий карлуков распространялись и на северную и северо-западную части Индии — Кашмир и Пешавер. Китайский путешественник Хой Чао (726 г.)[130] говорит о господстве тюрок в трех областях: Каписа (северо-восточная часть Афганистана), Гандхара (соответствует, приблизительно, Пешаверу) и Гибинь (Кашмир). По замечанию

[119] Н. Г. Маллицкий, указ. соч., стр. 125.
[120] В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 72.
[121] Худуд ал-алем, л. 16а, 21б.
[122] Там же, л. 21а и 22б.
[123] Гарч — так в средние века назывался округ в районе верховьев Мургаба.
[124] Буста — город и область на р. Гильменд в Афганистане, теперь Кала-и-Бист.
[125] Бистам — главный город области Кумис в Северо-Восточном Иране.
[126] Там же.
[127] Гур — средневековое название горной области в верховьях рек Герируда и Гильменда, расположенной между Гератом и Бамианом, позднее вошедшей в состав Афганистана.
[128] Седжистан соответствует Сеистану.
[129] Geographie d'Edrisi, vol. 1—11, p. 444, 457.
[130] А. Н. Бернштам, Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726 г.), стр. 187—195.

Шаванна, Гандхара и Гибинь в период правления династии Тан входили в единое понятие Каписа[131].

Основателем тюркской династии в Гибине, как предполагает Шаванн[132], являлся военачальник по имени Гэлотачжи, который носил титул тегиня и который завладел Гандхарой в 711 г. В 719 г. он был избран царем Гандхары — Гибиня[133].

Исходя из этих замечаний Шаванна, А. Бернштам полагает, что «в имени основателя династии Гибиня (Гэлотачжи. — *К. Ш.*) первые два иероглифа следует считать племенным именем «гэло», т.е. «карлук», поскольку это этническое наименование пишется иероглифами именно так. Собственно именем тогда остаются иероглифы «тачжи», что также является, быть может, одной из транскрипций имени «таджик». Титул тегин указывает, что здесь находился один из сыновей карлукского владетеля[134].

Из вышеизложенного следует, что карлуки, проникнув в середине или в последней четверти VII в. в Тохаристан, укрепили там на некоторое время свою власть, возглавляемую уже наследственным вождем — ябгу. Ябгу тохаристанских карлуков вскоре (с начала VIII в.) распространил свое влияние и власть на земли северо-восточной и восточной части современного Афганистана, а также на Северную и Северо-Западную Индию. Как видно из описания Хой Чао, во главе покоренных ими областей были поставлены князья с титулом тегина (ша) из числа родственников ябгу.

Расселившиеся в новых районах тюрки-карлуки ассимилировались с местным оседлым населением, прежде всего эфталитами, у которых они переняли буддизм. Об этом свидетельствует тот факт, что по указанию тюркского князя Гандхары (Пешавара) были построены буддийские храмы[135].

Часть карлуков перешла к оседлому земледелию, а другая продолжала заниматься скотоводством, кочуя в горах Забулистана[136], в высокогорных районах Северо-Восточного Афганистана, а также в северо-западной части Кашмира.

Бируни отмечал, что «Северный и часть Восточного края этой, индийской уже, страны (Кашмира. — *К. Ш.*) принадлежат тюркам, властвовавшим в Хотане и Тибете»[137]. Дальше он указывает, что Инд вытекает из гор в пределах

[131] Сб. ТОЭ, VI, СПб., 1903, стр. 130.
[132] А. Н. Бернштам, Тюрки и Средняя Азия..., стр. 131.
[133] Там же, стр. 131.
[134] Там же, стр. 190.
[135] Там же, стр. 190—191.
[136] Худуд ал-алем, л. 21а, 22б.
[137] К. Риттер, указ. соч., стр. 284.

тюрков, занимающих Гилгит, Ассури и Шалатас[138]. Те тюрки, которые господствовали в Хотане, Яркенде и на северо-восточных склонах Памира, были карлуками; очевидно, тюрки, упоминаемые Бируни, также могли быть карлуками.

Однако в Тохаристан проникали тогда не только тюрки — карлуки и огузы, но и ряд других тюркоязычных племен, например, халаджи. Племя халаджи, как и карлуки, центрально-азиатского происхождения. В указанный период (IX—X вв.) они жили в районах Буста, Кабула и Забулистана, приблизительно совпадавших с районами расселения карлуков.

По сведениям Мухаммеда ибн Бекрана (начало XIII в.), карлуков неправильно называли халаджами. Приводим его полный текст о карлуках. «Халадж, группа из тюрков из пределов Халлухов [карлуков] попала в пределы Забулистана и в окрестности Газны. Там есть степь и они поселились там. Затем, вследствие жаркого климата, цвет их изменился в сторону черноты; язык также изменился и стал другим языком. Одно племя [таифе] из них попало в пределы Баверда и поселилось в Дергезе. Халлухов люди называют, с искажением халаджами»[139].

Сказать что-либо о том, насколько правдивы указания Мухаммеда ибн Бекрана о происхождении халаджей от карлуков, затруднительно, ибо этот вопрос требует специального исследования. Основные массы халаджей сосредоточивались в южной и юго-восточной частях Афганистана и подвергались в дальнейшем сильной ассимиляции афганскими племенами. С начала XIII в. они, как и карлуки, уже не играли самостоятельной политической роли и обычно служили наемниками в армиях различных феодальных вождей. Карлуки служили, например, в войсках Чингиз-хана, участвовали в индийских походах Тимура. По указанию якобы самого Тимура часть карлуков была переселена в местность Хазара (северо-западная пограничная провинция Индии)[140].

То же самое происходило и с халаджами. В составе армии завоевателей или самостоятельно они проникали на

[138] К. Риттер, указ. соч., стр. 284.

[139] Извлечение из Джехан-нама Мухаммеда ибн Наджиба Бекрана, пер. под ред. А. А. Ромаскевича (см. МИТТ, т. I, стр. 349).

[140] H. J. Raverty, Notes on Afghanistan and part of Baloochistan, geographical, ethnographical, and historical, extracted from the wtitings of the little known Afghan and Tajzjik Historians, Geographers and Genealogists, the Histories of the Ghuris, the Turk sovereigns of the Dihli Kingdom, the Mughal sovereigns of the House of Timur, and other Muhammadan chronicles, and from personal observations, London, 1881, pp. 260—288, 292, 298, 350.

территорию Индии, где их военачальникам иногда удавалось основать собственные династии[141], как было, например, с гильзаями, основавшими в Дели свою династию.

Автор «Худуд ал-алем» отмечал, что районы расселения карлуков экономически были наиболее развитыми. Карлуки оседали в селениях и городах, находившихся главным образом на торговом пути, идущем из Передней Азии, через владения гузов, карлуков, тогузогузов, в Китай. Оседлые карлуки и другие тюркские племена занимались земледелием, ремеслом и торговлей[142].

IX в. явился переломным в жизни тюркских племен, обитавших к северу от Сыр-Дарьи. К этому времени у карлуков, чигилей, аргу, тухсы, ягма, населявших территорию нынешней Киргизии, часть Казахстана и Узбекистана, усиливается рост феодальных отношений и переход к феодализму.

Главы крупных родов и племен стремились стать независимыми от верховного военного вождя ябгу, что служило причиной непрекращающихся междоусобных войн и раздоров. Арабский путешественник (X в.) Абу-Долеф писал, что карлуки «друг друга постоянно обижают и притесняют, друг другу завидуют»[143].

Для прекращения междоусобицы карлуки нуждались в сильной государственной власти. Ф. Энгельс, подчеркивая, что «государство есть продукт общества на известной ступени развития», писал: «Государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожирали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»»[144].

Для тюркских и иных племен такой силой явилось, несомненно, Караханидское государство, в управлении которым карлукам принадлежала ведущая роль.

[141] W. Barthold, Khaladj, Enzyklopaedie des Islams, Bd. II, Leiden, 1913, S. 939.

[142] Подробно о переходе части тюркских племен к земледельческому труду см. А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии, стр. 22—24.

[143] В. Григорьев, Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе, стр. 35.

[144] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1950, стр. 176.

* *
*

С образованием государства караханидов (X в.) переселение тюркских племен на территорию Мавераннахра носит массовый характер. Карлуки и другие племена в основном расселялись в районах Самаркандской и Бухарской областей.

Завоеванная караханидами территория от Или до Аму-Дарьи была разбита на отдельные уделы, управляемые членами караханидского дома — илек-ханами. Самым крупным уделом был Мавераннахр со столицей в Самарканде.

В 1089 г. Мавераннахр был завоеван сельджукидским султаном Мелик-шахом. Однако вскоре после его ухода из Мавераннахра в Самарканде вспыхнуло восстание, направленное против господства сельджукидов. Восставшие карлуки и чигили обратились за помощью к своим соплеменникам в Кашгаре и в Тянь-Шане, в частности, к предводителю чигилей (он же владетель Атбаша)[145] Якуб-Тегину. Это событие заставило Мелик-шаха вернуться в Мавераннахр. Около Узгена состоялась решающая битва, закончившаяся разгромом Якуб-Тегина.

В начале XII в. значительная территория Мавераннахра оказалась в руках ставленника сельджукидов Арслан-хана (1102—1130). По сведениям Ибн ал-Асира, в его войсках служили карлуки. В 1130 г. карлукские военачальники организовали мятеж против Арслан-хана, который попросил помощи у сельджукидского хана Султан-Санджара. Войска сельджуков осадили город и после непродолжительного штурма заняли его. На самаркандский престол был поставлен хан Махмуд. Но и после подавления восстания карлуки продолжали борьбу против сельджукских захватчиков.

Между тем на границы Семиречья стали совершать набеги кочевые племена кара-китаев. Семиреченский илек-хан оказался бессильным организовать оборону страны, что вызвало недовольство всего населения. Восставшие карлуки совместно с племенами кангли осадили Баласагун — столицу семиреченского правителя. Перетрусивший илек-хан обратился за помощью к каракитайскому царю. Воспользовавшись этим «приглашением», кара-китаи заняли Баласагун, куда и перенесли свою столицу[146].

[145] Атбаш — средневековый город на Тянь-Шане.

[146] Джувейни, Тарих-и-джегангуша, изд. Мирзы Мухаммеда Казвини, GMS, vol. XVI, 2, Leiden—London, 1916, стр. 86—87.

Вскоре кара-китаи захватили все Семиречье, Шаш, Кашгар и в 1137 г. нанесли крупное поражение под Ходжентом мавераннахрскому правителю Махмуду, тем самым открыв себе дорогу на Самарканд. Однако кара-китаи, обложив город данью, возвратились обратно. Этим воспользовались карлуки Самарканда и Бухары, которые начали активную борьбу против Махмуда. Последний был вынужден просить помощи у Султан-Санджара. Тогда карлуки в свою очередь обратились за помощью к каракитайскому гурхану. В 1141 г. недалеко от Самарканда, в так называемой Катванской степи, войска кара-китаев в союзе с карлуками встретились с армией сельджуков. Потеряв в этом сражении 30 тыс. убитыми, Султан-Санджар и Махмуд бежали с поля боя[147].

Заняв Самарканд, кара-китаи назначили правителем области Тамгач-хана Ибрагима. Это вызвало недовольство среди карлуков, которые хотели видеть на самаркандском престоле своего хана. В 1156 г. восставшие карлуки убили Ибрагима[148].

Наследник Ибрагима Джалал-ад-дин, желая отомстить за смерть отца, приказал убить предводителя самаркандских карлуков Бейгу-хана. В стране началось массовое преследование карлуков. Многие из них бежали в Хорезм к хорезмшаху Мухаммеду-ил-Арслану (1156—1172), у которого стали просить помощи в борьбе против мавераннахрского хана[149]. Хотя Ил-Арслан поддерживал дружественные отношения с Джалал-ад-дином, он все же решил начать войну с самаркандским правителем. В июле 1158 г. войска хорезмшаха подошли к Самарканду и потребовали сдать город. Увидев грозную армию хорезмийцев, самаркандские имамы и улемы обратились к хорезмшаху с просьбой о мире. Ил-Арслан согласился на мир, но с условием «восстановить карлукских эмиров на [прежних] их местах с великим почетом и уважением»[150].

Кара-китайский гурхан был серьезно обеспокоен усилившимся влиянием карлукских эмиров в Мавераннахре. В 1164 г. он потребовал от самаркандского правителя клыч Тамгач-хана Мас'уда выселить карлуков из Бухарской и Самаркандской областей в Кашгар, запретить им носить оружие и предложить заняться земледелием или каким-либо

[147] Ибн ал-Асир, указ. соч., стр. 57.

[148] Там же, стр. 133.

[149] Джувейни, указ. соч., стр. 15.

[150] Там же.

другим трудом. Это вызвало возмущение со стороны карлукской военной знати. Собрав войска, они двинулись на Бухару с намерением занять ее, однако недалеко от города были разбиты.

Спустя некоторое время между войсками Мас'уда и карлуками, во главе которых стоял талантливый военачальник Айяр-бег, произошло новое сражение. В этой битве карлуки были наголову разбиты, а их полководец взят в плен и казнен[151].

Во второй половине XII в. большая группа кочевых карлуков была вытеснена кара-китаями из Семиречья к северу от реки Или, где они образовали свое государство (видимо, некоторое время зависимое от кара-китаев) со столицей в Каялыке[152].

В исторических документах точных сведений об обстоятельствах, сопровождавших образование этого государства, и о его правителях пока не обнаружено. Имя одного из ханов (Арслан-хан) карлукского государства[153] встречается в связи с описанием завоеваний Чингиз-хана. В январе — феврале 1211 г. Чингиз-хан послал в страну карлуков и уйгуров Хубилай-нойона, подчинившего карлукского хана Арслана и государя уйгуров. Вскоре Арслан-хан явился в ставку Чингиз-хана, находившуюся на реке Керкулен и с «выражением рабской покорности» вручил ему богатые подарки и отдал за него свою дочь[154]. Чингиз-хан в свою очередь выдал за Арслана одну из девушек своего семейства, а также обещал ему защиту и покровительство[155].

Осенью 1219 г. Чингиз-хан, как известно, двинулся против хорезмшаха Мухаммеда в сторону Отрара. В Каялыке к монгольскому войску присоединился с шеститысячным отрядом Арслан-хан, который затем участвовал во всех

[151] Однако казнь Айяр-бега нам кажется сомнительной, так как имеется упоминание о том, что в 560 г. хиджры (1164—1165) он участвовал в составе войска хорезмшаха Ил-Арслана, в походе против кара-китаев (Джувейни, указ. соч., стр. 17). По рассказам Джувейни, Ил-Арслан «отправил в Амуйе впереди [себя] своего военачальника Айяр-бега, который был из карлуков Мавераннахра». Недалеко от Амуйе (соответствует нынешнему г. Чарджоу в ТуркмССР) произошло сражение между хорезмшахом и кара-китаями. Войска Айяр-бега были разбиты, а сам он попал в плен. Исход этого сражения дал возможность караханидам окончательно завоевать Мавераннахр.

[152] Каялык — город, расположенный к северу от р. Или.

[153] Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, книга первая, стр. 151; книга вторая, стр. 163 и 254; см. также Абул-Гази-хан, Родословное древо тюрков, стр. 35.

[154] Абул-Гази-хан, указ. соч., стр. 35.

[155] Там же.

походах Чингиз-хана вплоть до сражения с хорезмшахом Джелал-ад-дином на Инде в ноябре 1221 г. Любопытно отметить, что в отряде Джелал-ад-дина также были карлуки.

За участие в походах против хорезмшаха Мухаммеда и его сына Джелал-ад-дина, а также за покорную службу сын Арслан-хана (имя которого установить не удалось) получил от великого хана Мангу (1251—1259) в удел Узген и Фергану[156]. Таким образом, карлуки хотя и находились в вассальной зависимости от монголов, все же сумели на некоторое время сохранить видимость суверенитета своего государства и даже временно овладеть Ферганой и Узгеном. Другие сведения о карлуках в период владычества монголов (с начала XIII в. до середины XIV в.) в арабско-персидских и иных источниках отсутствуют.

К началу XIII в. основные массы карлуков успели перейти к оседлости, однако каялыкские группы и часть карлуков, обитавших на степных просторах нынешних Самаркандской, Бухарской и Сурхандарьинской областей, все еще вели кочевой образ жизни. Карлуки, поселившиеся в Илийской долине и к северу от нее, в силу пока еще не выясненных обстоятельств, не смогли там удержаться надолго. Воспользовавшись покровительством монгольских ханов, карлуки спустились к югу от Или и заняли районы, прилегающие к Сыр-Дарье, где они кочевали до вторжения кара-китаев. Однако теперь карлуки уже не имели своего ханства, а были одной из племенных групп, живших на территории монгольских владений. Впоследствии они были подчинены другими завоевателями.

В описаниях походов Тимура[157] среди племен (кереиты, аргыны, дуглаты и др.), живших к северу от Сыр-Дарьи, упоминаются и карлуки, обитавшие на землях от Таласа до Сыр-Дарьи. Эти же карлуки вместе с другими 23 племенами[158] помогли в 1429—1430 гг. деду Шейбани-хана Абулхайру занять престол в городе Торе (на Иртыше)[159].

Карлуки, расселившиеся в Семиречье и в основном пере-

[156] В. Бартольд, Карлуки; см. Enzyklopaedie des Islams, Bd. II, S. 821.

[157] Cherefeddin Jezde, Histoire de Timur-beg, t. I, p 27, 43, 85; t. II, p. 439; t. III, p. 220.

[158] Кият, мангыт, байлы, кунград, тангут, йиджан, дурман, кушчи, утарчи, наймани, угриш-наймани, тубай, таймас, джат, хитай, барак, уйгур, кенегес, уйшун, курлаут, имчи, туман, минг (А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы, по истории таджиков и узбеков, Средней Азии, вып. I, Труды АН ТаджССР, т. XII, 1954, стр. 24).

[159] А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков..., стр. 24.

шедшие к оседлости, участвовали в завоевательных походах Шейбани-хана и его преемников на Мавераннахр. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Абдулла-хан, один из потомков Шейбани-хана, в конце XVI в. пожаловал карлукскому военачальнику — крупному феодалу Назарбию в качестве союргала город Пскент и прилегающие к нему районы[160]. Отсюда можно предположить, что некоторая часть карлуков была расселена в отдельных районах (в частности в Пскенте, Паркенте)[161] Ташкентского оазиса.

Карлуки, жившие к северу от Сыр-Дарьи и в Фергане, по-видимому, в большинстве превратились в оседлых земледельцев, постепенно теряя свои родовые и племенные названия. Часть карлуков-скотоводов продолжала кочевать в Карнаб-Чуле, Каршинских степях, а также на территории современного Таджикистана. В исторической литературе конкретные сведения о них пока не найдены. В труде историка Махмуда б. Вели «Моря тайн в отношении доблестей благородных», написанном в середине XVIII в. на персидском языке[162], имеется упоминание о карлуках, проживавших в основном в Афганистане. В четвертой части своего труда автор, описывая город Балх и церемониал при дворе Аштарханида Надир-Мухаммеда, сообщает, что во время торжественных приемов наряду с вождями других племен занимали почетные места и вожди карлуков.

На территории Афганистана до наших дней живут потомки «тохаристанских карлуков». Однако мы, к сожалению, не располагаем материалами, указывающими на районы их расселения. Единственное упоминание об афганских карлуках имеется в книге Бурхан-уд-дина Кушкеки[163]. Этот труд дает некоторое представление о местах расселения тюркских племен, в том числе карлуков, в северо-восточной части Афганистана в первой четверти XX в.

---

[160] П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 26, 28.

[161] Любопытно отметить, что в 15 *км* к северо-востоку от населенного пункта Паркент, по данным 1926 г., имелся кишлак Карлик; жители его в переписи 1926 г. называли себя киргизами и казахами.

[162] См. В. Бартольд, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке, ЗРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. (Сборник в честь семидесятипятилетия Григория Николаевича Потанина), СПб., 1909, стр. 293—308; см. также предисловие А. А. Семенова к сочинению Мухаммед Юсуфа Мунши «Муким-ханская история», перевод, примечания, указатели А. А. Семенова, Ташкент, стр. 19—20.

[163] «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану, или отчет о поездке в 1920 г. главнокомандующего военного министра Сердара Мухаммед-Надир-хана Гази в сопровождении Мавлеви-Бурхан-уд-дин-хана Кушкеки»; перевод с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под редакцией, с предисловием и примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1926.

По сведениям Бурхан-уд-дина Кушкеки, карлуки живут в Таликане, Дераиме и Тешкане, Шахри-и-Бузурге и в Рустаке. Из указанных районов больше всего карлуков живет в Рустаке: 29 селений с 1211 дворами[164]. Надо думать, что карлуки встречаются и в других районах Афганистана, но, к сожалению, о них у нас нет никаких данных.

* *
*

Для более полного представления об историческом ходе расселения карлуков необходимо вкратце описать ту часть их потомков, которая до наших дней проживает на территории современного Узбекистана и Таджикистана[165].

В Узбекской ССР карлуки, хотя и в небольшом количестве, встречаются на территории Самаркандской, Бухарской и Сурхандарьинской областей, т. е. в районах бывшего Бухарского ханства.

В Самаркандской области[166] карлуки живут в двух небольших кишлаках, находящихся ныне в Пахтакорском районе. Один из них — Каттакалык — находится в двух километрах к востоку от районного центра Пахтакор, в котором по переписи 1925 г. был всего 21 двор с 72 жителями. Другой — Юкорикалык — находится в 8—10 *км* к северо-востоку от Каттакалыка, в котором насчитывалось 40 семейств. Карлуки обоих кишлаков держали тесную связь с карлуками Каганского района Бухарской области. В XVIII в. в районе Миankаля[167], входящего ныне в состав Самаркандской области, проживало значительное число карлуков: первый хан из династии Мангытов Мухаммед Рахим (1753—1758) насильно переселил карлуков из Несефа[168] (Карши) в Миankаль.

---

[164] Таликан — округ в Афганистане, расположенный восточнее Ханабада; Дераим и Тешкан — селение и волость, расположенные к югу от Файзабада (в Афганистане); Шахри-и-Бузург — город к северу от Файзабада; Рустак — город к западу от Файзабада (Бурхан-уд-дин Кушкеки, указ. соч., стр. 7, 58, 59, 112, 200—203).

[165] Основными источниками для освещения данного вопроса служат сообщения русских и иностранных путешественников, военных, ученых, этнографов (особенно советских), а также списки населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР (вып. I, V—VII, Самарканд, 1925—1926).

[166] Здесь и далее указывается административно-территориальное деление Узбекистана, существовавшее до 1962 г.

[167] Миankалем называется местность между двумя реками (рукавами Зеравшана): Карадарьей и Акдарьей.

[168] История Узбекской ССР, т. I, книга вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 43.

Александр Борнс, побывавший в Бухаре в первой половине XIX в., указывал, что карлуки выставляли 600 конных гвардейцев, расквартированных в Кермининском округе[169]. Позднее карлуки Миankаля растворились среди других узбекских племен Самаркандской и отчасти Бухарской областей.

Сохранить свои племенные названия могли только те карлуки, которые долгое время проживали в одном и том же кишлаке.

В прошлом больше всего карлуков жило, по-видимому, на территории нынешней Бухарской области. Однако они еще задолго до революции ассимилировались с местным земледельческим населением. По данным 1925 г., в бассейне канала Шахруд было зарегистрировано лишь 2175 карлуков. В Бухарском оазисе встречаются кишлаки с наименованием Каллук, Каллукон, Каллук-хона и т. п., что свидетельствует о местах жительства карлуков в прошлом[170]. В списках населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР встречается три кишлака под названием Карлык или Каликон (Қалуқон)[171], жители которых, однако, уже не называли себя карлуками. Два из них отмечены в сельской общине Зирабад Багаутдинской волости (теперь Каганского района). В одном из них (Қалиқоне)[172] было 32 двора со 126 жителями (узбеки); в другом (Қалуқоне)[173] был 21 двор и 86 жителей (узбеки), третий кишлак (Қалиқон) находился на территории сельской общины Сеплон той же волости. Там было зарегистрировано 34 двора со 142 жителями (таджики).

В последнее время было установлено, что, кроме указанных кишлаков, в Бухарском оазисе имеются еще четыре кишлака, носящие наименования Каликон или Каллык. Три из них (помимо описанных уже выше) расположены в Каганском районе: Каликон находится на территории сельсовета Тути-кунда, в котором до революции жило 18 семейств; Каллык — в колхозе им. Ахунбабаева (сельсовет Ўба-чўли), в котором жило более 100 семейств карлуков и ургенжи; в Чўл-каллыке, после революции переименованном в кишлак

[169] Александр Борнс, указ. соч., стр. 487.

[170] См. «Материалы по районированию Средней Азии» (кн. 1. «Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, Ташкент, 1926, стр. 210, 211, 268).

[171] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР, вып. VI, Самарканд, 1925, стр. 4, 8, 20.

[172] Этот кишлак и теперь носит то же название.

[173] Под тем же названием он существует и теперь. Калукон — по-таджикски означает «карлуки».

Ўба-чўли (теперь центр сельсовета), карлуков было очень мало; кишлак Каллык находится на территории Бухарского района, примерно в 20 *км* к северу от Бухары. В нем когда-то было 110 карлукских хозяйств, из которых теперь осталось только два; жители, его считавшие себя узбеками из карлукского рода, имели родственные связи с карлуками в Миankале.

Были известны также карлуки, жившие в районе Багауддина[174], а также Кагана и в районе Карши. До революции каршинские карлуки приезжали в селение Каллык Бухарского района наниматься к здешним баям чабанами или чинокчиями (сборщиками хлопка).

В Алатском районе, на территории колхоза «Москва», находится кишлак Каллык, в котором, по переписи 1925 г., было всего 14 дворов с 53 жителями обоего пола[175]. Во время поездки к карлукам Алатского района в 1954 г.[176] выяснилось, что под названием Каллык-кишлак понимался не кишлак, а место, где проживало несколько карлукских семей, делившихся на три группы: Хасвой-каллык (6 семей, проживающие здесь и поныне); Ашак-каллык (ранее здесь жили две семьи, теперь осталась одна); Чур-Чўл-каллык (6 семей, считавших себя выходцами из карлуков Кассанского района Кашкадарьинской области).

Недалеко от теперешнего кишлака Хасвой, в кишлаке Мухтар, до революции жило 6 семей карлуков, родственники семьи крупнейшего богача Батыр-каллыка. Кроме указанных кишлаков, карлуки до революции жили отдельными семьями в следующих местностях: Ува, Ася, Джен, Караул, Кувача. Некоторые из них живут теперь в разных колхозах и даже в разных районах Бухарской области.

Карлуки Алатского района в целом считают себя выделившимися из числа тех карлуков, которые и теперь проживают в Кассанском районе Бухарской области.

Следует отметить, что территориальная близость карлуков Алатского района к туркменам, а также обычай жениться на девушках-туркменках, видимо, несколько повлияли на их физический склад, быт и язык. Язык алатских карлуков, внешность, домашний обиход, быт и обычаи очень близки к туркменским. Однако туркмены левого берега Аму-Дарьи,

[174] Багауддин — большое селение в 7—8 *км* к северо-востоку от Бухары, где находятся могила и надгробный памятник Баха-ад-дина Нахшбенда (ум. в 1388 г.).

[175] Список населенных мест..., вып. VI, стр. 4.

[176] В поездке летом 1954 г. к карлукам Алатского и Кассанского районов, кроме автора, участвовала Б. Х. Кармышева.

особенно чарджуйские, не признают их за туркмен, называя карлуков этническим термином «тат». Туркмены правобережья называют татами вообще всех оседлых жителей[177] по правому берегу Аму-Дарьи, включая Таджикистан. В отличие от других татов жителей Таджикистана они называют «таджик татлари», т. е. таджикскими татами.

Самый крупный кишлак Қаллык, в котором карлуки живут и до настоящего времени, находится в Қассанском районе Қашкадарьинской области на землях совхоза «Мубарек». Здесь вплоть до образования колхозов (1929—1933 гг.), сохранились яркие черты патриархально-родового быта. По сведениям 1926 г., в этом кишлаке насчитывалось 258 дворов с 1043 жителями обоего пола. В настоящее время здесь живет лишь половина указанного населения. Карлуки всегда были искусными овцеводами (особенно по каракульским овцам), поэтому часть их переселилась в каракулеводческие совхозы «Мубарек» и «Қаракум», где и работает чабанами. В настоящее время кишлак Қаллык целиком находится на территории совхоза «Мубарек», вошедшего в июне 1960 г. в состав Қаганского района Бухарской области.

Местность, где теперь находится кишлак Қаллык и его возделываемые земли, в прошлом, по рассказам старожилов, принадлежала жителям кишлака Қасан (ныне районного центра). Более 200 лет тому назад она была занята карлуками, которые до этого кочевали в степях Қарши и Қарнаб-чўла, где им принадлежали огромные пространства — от Қурака до Хилала и от Қарнаба до Занжил-Сарая[178].

О том, что карлуки жили на границах Бухарского оазиса и в самом оазисе, говорит и тот факт, что вплоть до первых десятилетий XX в. карлуки Қассанского района хоронили своих умерших родичей на мазаре Хочкаб[179], находящемся

[177] В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана» указывал, что туркмены называют татами оседлых жителей Туркестана (стр. 24). Вышеприведенные факты говорят о том, что туркмены и теперь не перестали называть их татами. Еще у Махмуда Қашгарского в его «Диван Лугат ат-Турк», т. II (пер. на узб. яз. Муталибова, стр. 325) приведено несколько вариантов толкования термина «тат», из которых видно, что татами называли как ираноязычные (таджики), так и тюркоязычные (тухси, ягма, уйгуры, табгач) народы. Однако до сего дня подлинный смысл термина «тат» еще не раскрыт.

[178] Местность Курак, по рассказам старожилов, находится недалеко от г. Каган, в районе кишлака Туркмен-оглы; кишлак Хилал находится к юго-востоку от г. Карши; Қарнаб — большой кишлак, центр сельсовета, находится в Пахтакорском районе Самаркандской области; Занжил-Сарай, по рассказам старожилов кишлака Қаллык, находился недалеко от большого кишлака и крепости Куня-Шахар, в 7 *км* к юго-западу от ж.-д. ст. Мубарек.

[179] Местность и мазар Хочкаб находится примерно в 15 *км* к северу от г. Қаган в 115 *км* от кишлака Қаллык Қассанского района.

между ж.-д. разъездом № 85 (к северу от Қагана) и ж.-д. ст. Кую-Мазар. По-видимому, район Хочкаба и некоторые культурные районы Бухары, находящиеся на границе с Қарнаб-чўлом, где до сих пор несколько кишлаков носит наименование «Қаллык», долгое время (может быть, с X в. до середины XVIII в.) служили местом проживания карлуков. Упомянутые нами карлуки имеют до сих пор родственные связи с карлуками, проживающими в Алатском и Қаганском районах.

Қарлуки Қассанского района вплоть до образования колхозов (1929—1933 гг.) вели полукочевой образ жизни и сохраняли свои родовые деления. Они отрицают свою принадлежность к племенам узбеков дештикипчакского происхождения. У этих карлуков, а также у карлуков Пахтакорского района вплоть до коллективизации (а среди старожилов и по настоящее время) существовал обычай при встречах спрашивать род (уруғ сўраш). Это делалось для того, чтобы различать «своих», т. е. определить принадлежность того или иного лица к карлукам определенного рода и местности, от «чужих» — не карлуков. По существующему обычаю при встречах спрашивают: каердан, уруғинг ким? (откуда, кто ты родом?). При этих опросах, если встречающиеся из узбекских родов и племен, то они перечисляют имена своих предков до седьмого колена, а если они карлуки, то должны произнести следующие слова:

Отим қулон,
Қамчим илон,
Ўтиришим чорбағиш,
Еймишим пичча билан тўш.
Асли элим сўрасанг,
Чингизхонли каллыкман.

Конь мой подобен кулану[180],
Нагайка моя, как змея.
Сижу я, подложив под себя ногу,
Ем я грудинку и край.
Если спросишь, откуда буду я родом,
То скажу, что я из страны Чингиз-хана.

Если в ответах роды незнакомых друг другу карлуков совпадают, то от радости они обнимают и прижимают друг друга к груди и должны прослезиться или сделать вид, что плачут.

Упоминание о стране Чингиз-хана, под которой подразумевается Монголия, свидетельствует о том, что карлуки Қассанского, Пахтакорского и родственные им племена Алатского и Қаганского районов являются потомками карлуков, расселившихся до VIII в. н. э. в некоторых районах гор Хангая.

[180] Кулан — дикая лошадь.

Их, видимо, имел в виду Абул-Гази-хан, который писал, что они «основали свое жительство в высоких горах Монголии и... около четырех тысяч лет жили в этом обиталище»[181].

О карлуках, живших оседло в Карши, упоминал еще Ханыков[182]. Местожительство их — Карлук-хона — прежде находилось за крепостной стеной Карши, а теперь входит в состав города. Одна часть карлуков занималась земледелием, а другая — ремеслом.

Карлуки Карлук-хона, возможно, за последние 100 лет ассимилировались с другими узбекскими племенами г. Карши и его окрестностей. В настоящее время в Карлук-хоне почти не найдется человека, который называл бы себя карлуком.

В Каршинском районе, или бывшем Несефском вилайете, еще в начале XVIII в. существовал кишлак Ходжа-Карлук[183], который теперь находится на территории совхоза «XX партсъезд» Бешкентского района Сурхандарьинской области. Однако карлуки теперь в этом кишлаке не живут: еще в середине XVIII в. часть их была переселена в районы Миankаля[184].

Карлуки живут еще в двух районах: Шурчинском и Сарыассийском. В Шурчинском районе имеется крупный кишлак Карлюк, в котором, по рассказам его старожилов[185], жило около 360 семей, а по сведениям 1925 г., было 120 дворов с числом жителей в 636 человек обоего пола[186]. В настоящее время в кишлаке живет примерно 300 карлуков. Около 40 семей живет и работает на территории второй Шурчинской РТС. Кишлак Карлюк расположен на левом берегу реки Карлюк (ветвь Халкаярдарьи), которая берет начало в горах Байсунтау.

Давность существования кишлака установить не удалось. Но исходя из того факта, что карлуки указанного кишлака вплоть до Октябрьской революции вели полуоседлый образ жизни, жили в юртах, занимались скотоводством и земледелием, можно предположить, что эти карлуки поселились здесь приблизительно в середине XVII в.

[181] Абул-Гази Бахадур, Родословное древо тюрков, стр. 35.
[182] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 65.
[183] См. «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве», вып. I. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954, стр. 90, 92, 93.
[184] История Узбекской ССР, т. I, книга вторая, стр. 43.
[185] Нам удалось побывать у карлуков Шурчинского района в августе 1955 г. Нашими собеседниками были старожилы кишлака Карлюк: Рузикулов Умар-ата 100 лет, его сын Умаров Амин 65 лет, Худоёр-бобо 80 лет, Каримов Чори 65 лет и др.
[186] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР, вып. VII, Самарканд, 1925, стр. 13.

Жители кишлака Карлюк Шурчинского района называют себя карлуками. Но в кишлаке Карлюк жило также несколько семей из других узбекских племен: кунград, баташюз и т. п. Карлуки не выдавали своих девушек замуж за жителей других кишлаков, хотя сами брали себе жен со стороны; это позволяет считать, что карлуки Шурчинского района подвергались значительной ассимиляции остальным узбекским населением.

По словам старожилов кишлака Карлюк Шурчинского района они много слышали о существовании карлуков в Каршах и в пределах Таджикистана, но сами с ними не имели никаких связей. Также нужно отметить, что по внешнему виду, обычаям, языку карлуки Шурчинского района имеют близкое сходство с карлуками Кассанского района.

В Сарыассийском районе, на территории сельсовета Дашнабод, карлуки проживают в кишлаках: Тағчиён[187], Бойқишлок, Зағнавот, Позил-Қўчди, Қул-Мазор, Қул, Чол-Миён, Сари-Мазор, Бўйро-Пўш, Нелоба[188]. Во всех этих кишлаках теперь живет более 600 семей карлуков.

В прошлом эти карлуки вели полуоседлый образ жизни: летом кочевали в предгорьях Гиссарского хребта, а зимой жили в районе Тоғчиён.

Карлуки Сарыассийского района находятся в родственных отношениях с карлуками Регерского района и Чилла-Мазора Таджикской ССР. Последние до недавних пор носили хоронить тела своих умерших на мазар, называемый Бобо-Зирак, недалеко от Тағчиёна — свидетельство того, что эти районы в прошлом также были кочевьями карлуков, живущих теперь в Чилла-Мазоре.

По приблизительному подсчету, всех карлуков (т. е. тех, которые все еще причисляют себя к племени карлуков, проживающих в южных и западных районах Узбекской ССР) насчитывается около 10 тысяч.

О карлуках, проживающих на территории Таджикистана, Н. Г. Маллицкий в свое время писал: «Живут карлуки в горах по Каратаг-дарье, по верховьям Яван-Су, в Гиссарском вилайете, в Бальджуанском и Кулябском туманах»[189]; общую

[187] Имеются два кишлака Тоғчиён: Каттатагчиен, где живут карлуки (не доезжая 10—12 *км* к югу от месторождений Шаргунского угля); Кичиктогчиён, где живут таджики (на 2 *км* севернее Каттатагчиена).
[188] Из этих кишлаков шесть (Зағнавот, Позил-Қўчди, Қул-Мазор, Қул, Сари-Мазор, Нелоба) отмечены в списке населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР, вып. VII, стр. 16—17. В общей сложности в этих кишлаках имелось 135 дворов, насчитывающих 623 жителя.
[189] Н. Г. Маллицкий, указ. соч., стр. 62.

численность карлуков в Таджикистане он определял примерно в 7000 человек[190]. Карлуки Таджикистана являются, повидимому, остатками тех племен, которые вошли в историю под названием «тохаристанских карлуков».

Поскольку карлуки, проживающие в Таджикистане, изучены Б. Х. Кармышевой, частично опубликовавшей результаты своих исследований[191], укажем лишь на тех карлуков, которые по сей день живут в Регарском и Шахринавском районах. В Регарском районе карлуки живут в следующих кишлаках: Ташкалак — около 80 семей; Ок-Мазор —70; Ширкент —60; Нура —50; Кадичи —50; Дербект —30; Равот —13; Сешанби —12 семей карлуков. В Шахринавском районе: Окджар — около 100; Бош-камар или Горим-Сой —30; Чинор — 30 семей карлуков. Родственные им карлуки, по рассказам старожилов, живут также в кишлаках Гиссарского района: Ду-Чинор (30 семей), Лангар (15 семей).

Приведенные данные о карлуках и их соседях свидетельствуют о том, что каждое из узбекских племен, прежде чем войти слагаемым в формировавшийся узбекский народ, прошло длинный и сложный путь развития. На протяжении этого исторического пути тюркоязычные племена и народности нетюркского происхождения, проживавшие в культурных земледельческих областях — бассейнах рек Сыр-Дарьи, Зеравшана, Кашкадарьи, Сурхандарьи и низовьях Аму-Дарьи, ассимилировались друг с другом, создавая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, т. е. элементы будущей нации. Но в нацию узбекский народ сформировался лишь благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей для этого все необходимые социально-экономические и политические условия.

---

[190] Там же.

[191] А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева, Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, ИООН АН ТаджССР, 1953, № 3, стр. 73—93; см. также Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана; она же, Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир, Сб. СИФНСА, стр. 99—110; Этническая группа «тюрк» в составе узбеков, СЭ, 1960, № 1, стр. 2—22.

Глава II

ХОЗЯЙСТВО

С начала VIII в. н. э. бóльшая часть карлуков стала переходить к оседлому образу жизни, постепенно ассимилируясь с другими народами. Отдельные племена продолжали кочевать. Скотоводство и связанные с ним домашние промыслы по-прежнему играли главную роль в их хозяйстве. В начале XVIII в. эти карлуки переходят к оседлости, сохраняя, однако, полукочевой образ жизни вплоть до коллективизации сельского хозяйства в СССР.

Зимой они жили в кишлаке, а с наступлением весны откочевывали со скотом на летние пастбища, так как в окрестностях селений все земли были заняты под сельскохозяйственными культурами[1].

На территории нынешнего Узбекистана карлуки вели полуоседлый образ жизни в пределах Пахтакорского района Самаркандской области, в Бухарском и Алатском районах Бухарской области, в низовьях Кашкадарьи и Каршинской степи, в юго-восточной части Байсунтау и на юго-западных склонах Гиссарского хребта (Шурчинский, Сарыассийский районы Сурхандарьинской области).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ВОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

В конце XIX и начале XX в. основным занятием карлуков являлось земледелие[2].

---

[1] О хозяйственной деятельности карлуков, проживающих на территории Таджикской ССР, см. А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева, Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, ИООН ТаджССР, стр. 73—93; Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана; она же, Сведения об узбеках рода Семиз и Касамир, Сб. СИФНСА, стр. 99—110.

[2] Формы землепользования среди карлуков рассматриваются на примере Бухарского ханства.

В указанный период в Бухарском ханстве, где проживала основная масса карлуков, существовало несколько категорий земельной собственности: 1) государственные земли (амляк), верховным распределителем которых был эмир; 2) частновладельческие земли (мульк); 3) земельные пожалования (танхо), предоставляемые служилым людям во временное или пожизненное пользование; 4) земли, принадлежавшие духовным учреждениям (вакф) и 5) общинные земли.

Из числа указанных категорий карлукские дехкане пользовались небольшим количеством амляковых, мульковых, а также некоторой долей общественных земель. Значительная часть пахотной земли находилась в руках карлукских баев и зажиточных дехкан. Владея основными средствами производства — землей, сельхозорудиями, а также скотом, — они жестоко эксплуатировали трудящихся дехкан и рядовых овцеводов.

Так, в кишлаке Карлык Куня-Зияддинского амлякдарства Зияддинского бекства в начале XX в. было 21 карлукское хозяйство с 72 жителями обоего пола[3], которые имели около 1500 танапов пахотной (богарной, поливной, приусадебной) земли. Крупнейший карлукский феодал этого же кишлака Гани-Найиб владел 500 танапами пахотной земли, из них 200 танапами на правах «мулька» и 300 — амляковой земли (богарной); в его хозяйстве имелось 30 пар рабочих волов, 4 отары каракульских овец, 20 голов рабочих верблюдов[4] и 50—60 наемных рабочих-етимов[5]. Другой крупный бай этого же кишлака — Тилявбай владел 300 танапами пахотной земли, у него было 2 отары каракульских овец, 15 голов рабочих верблюдов, 25—30 батраков.

В другом кишлаке, Каллык Калыкского амлякдарства Денавского бекства, в начале XX в. было 120 хозяйств с числом жителей 636 человек обоего пола[6], имевшие 1850 танапов пахотной земли (богарной, поливной и приусадебной)[7]. Только 6 баев этого кишлака владели 700 танапами земли. Из них

[3] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР, вып. VI, стр. 47.

[4] Из этих верблюдов баи составляли караваны и отправляли в различные города Средней Азии. Таким образом, караванная торговля давала баям дополнительные доходы.

[5] Етим — узбекское слово, обозначающее «сирота», в данном случае — «бедняк, нанимающийся к баю на различные работы». В качестве етимов нанимались не только сироты, но и лица, имеющие отца и мать, даже женатые люди, которые жили лишь продажей своего труда.

[6] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР, вып. VI, стр. 13.

[7] Пахотной земли в этом кишлаке, по сравнению с другими кишлаками, было очень мало.

самый крупный — Халматбай — владел 200 танапами земли, имел 15 пар рабочих волов, 2 отары гиссарской породы овец, 18 рабочих верблюдов, постоянно держал до 30 етимов. 15 зажиточных хозяйств этого же кишлака имели в среднем по 50 танапов земли, по 2—3 пары рабочих волов, 150—200 гиссарской породы овец, держали 1—2 етимов; 50 хозяйств этого же кишлака имели в среднем по 6 танапов земли, по одной голове рабочего скота, 8—10 голов овец и коз; 30 хозяйств кишлака насчитывали в среднем по 3,3 танапа земли, включая и приусадебные участки), а остальные 19 хозяйств были безземельные. В таблице приведены наиболее полные данные по двум кишлакам (первый условно обозначен цифрой I, второй — II).

Виды земельных владений	Количество хозяйств		%		Количество земли в танапах		%	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Владения крупных баев	5	6	23,8	5	1200	700	79,9	37,8
Зажиточные хозяйства	6	15	28,6	12,6	280	750	18,6	40,5
Малоземельные дехкане	7	80	33,4	66,6	20	400	1,5	21,7
Безземельные дехкане	3	19	14,2	15,8	—	—	—	—
Итого	21	120	100	100	1500	1850	100	100

Земельные владения карлуков, проживавших в кишлаках Каллык Алатского и Тоғчиён Сарыассийского районов, установить было трудно, так как в этих кишлаках население смешанное в этническом отношении. Отметим лишь, что из 14 семей карлуков Алатского района самым крупным баем был Батыркаллык, который владел 150 танапами пахотной земли и имел 3 отары каракулевых овец, до 15 етимов и других наемных рабочих. Остальные жители этого кишлака, за исключением двух-трех зажиточных семей, были малоземельными дехканами.

Карлуки Сарыассийского района перешли к земледелию значительно позже (в конце XIX в.) остальных карлуков, поэтому среди них не было крупных землевладельцев. Из 500 карлукских семей этого района было всего восемь крупных баев, владевших не более чем 100 танапами пахотной земли

(богарной и поливной); каждый из них имел по 4—5 пар рабочих волов, одной отаре овец гиссарской породы и до 10 етимов.

Из приведенных выше сведений видно, что почти вся земельная площадь находилась во владении карлукских баев и зажиточных дехкан, лишь незначительные земельные участки были собственностью малоземельных и безземельных дехкан, живших исключительно продажей своей рабочей силы.

До сих пор речь шла исключительно о пахотных землях, что касается пастбищных земель, то они находились как бы в общинном пользовании указанных кишлаков. Так как малоземельные дехкане не имели большого количества скота, то общественные пастбища фактически также находились в пользовании крупных баев и отчасти зажиточных семей.

На частновладельческих землях карлуки сеяли почти все виды культур, которые с древнейших времен производились в Узбекистане[8]. В данной работе кратко опишем лишь посев и уборку пшеницы и ячменя, так как они являются основной земледельческой продукцией карлуков, и связанные с ними обряды, а также некоторые земледельческие орудия.

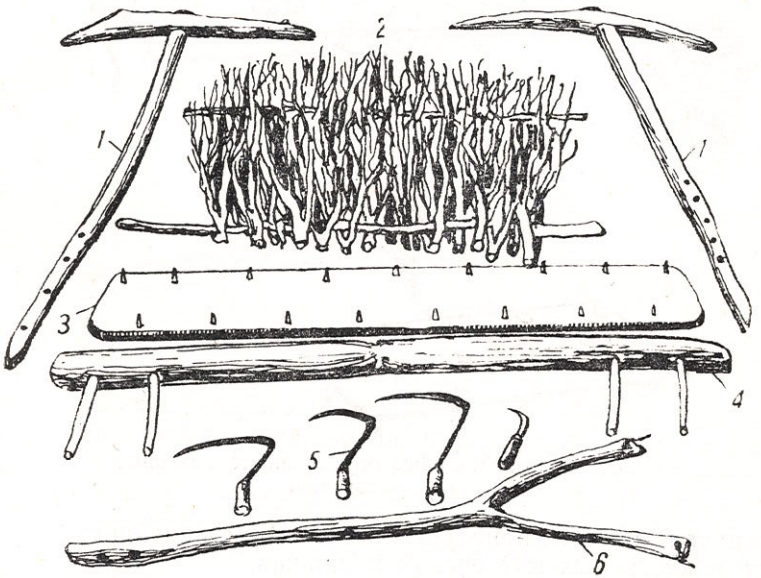
Озимую (трамаи) пшеницу сеяли в сентябре — октябре, яровую (бохори) — в конце или в начале марта. На один танап высевали 2—2,5 пуда пшеницы и получали урожай до 33 пудов. Озимый ячмень высевали в сентябре, яровой — в начале марта. На один танап высевали до двух пудов ячменя и собирали до 30—35 пудов урожая.

На богарных землях зерно разбрасывали (сеяли) руками, а затем вспахивали, сверху бороновали, во многих же местах борону после пахоты вообще не применяли. Техника обработки на поливных землях была гораздо сложнее. Особую трудность представляла обработка годового пара (намарза), под который земли оставлялись после яровых посевов. Осенью и зимой поля из-под яровых посевов, предназначенные под пар, не вспахивались, а только поливались. На засоленных почвах (шўр) число поливов доходило до пяти, в ноябре поливали один раз, в декабре — один-два и в январе — один-два. На незасеянных землях обходились одним-двумя поливами. В марте пар поливался один раз и через несколько дней земля вспахивалась дважды омачом, после чего пар оставался без обработки до мая. В первой половине мая пар

[8] См. Н. Ханыков, указ. соч., стр. 144—150; М. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, Сборник «Русский Туркестан», вып. I, М., 1872, стр. 250—251; Н. Дингельштедт, Опыт изучения ирригации Туркестанского края, Сыр-Дарьинская область, часть II, СПб., 1893, стр. 15—16; А. И. Шахназаров, указ. соч., стр. 114—119.

вновь начинали пахать. В зависимости от свойств почвы число этих летних вспашек доходило до 8 (на засоленных почвах). Летом пар не поливался. Осенью, перед посевом за 10—15 дней, пар обильно поливался и через некоторое время удобрялся навозом.

После полива пара навоз разравнивался, перепахивался один-два раза и разрыхлялся деревянной бороной (мола); по равному полю засевали озимые (пшеницу и ячмень), затем 1 — 2 раза пахали омачом на глубину до 15 *см* и разравнивали бороной. Если годовой пар предполагалось засеять хлопком, то операция заканчивалась осенним поливом. Пар оста-

Сельскохозяйственные орудия дореволюционного периода:

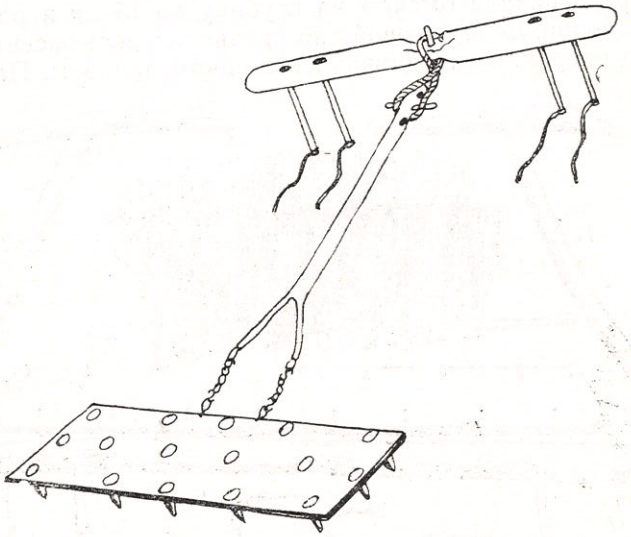
1—деревянная соха (омоч); *2*—борона из веток (шохмола); *3*—деревянная борона (мола); *4*—ярмо (буюнтурук); *5*—серп (урок); *6*—дышло (мола-пойча)

вался на всю зиму, весной удобрение перемешивали с почвой путем вспахивания. Затем поверхность пашни разрыхляли, подравнивали бороной и засевали хлопком и яровыми.

Короткий пар (шудгор) в отличие от годового применялся после озимых. После уборки озимых почву поливали и через несколько дней подвергали пахоте 3 — 4 раза. Если предполагали занять участок под хлопок или под другие яровые, участок этот запускался. В ноябре и в декабре его поливали 2—3 раза и так оставляли до весны. В марте участок

поливали, через 2—3 дня пахали, бороновали и приблизительно в апреле засевали хлопком или яровыми.

Для обработки почвы под посев требовался специальный инвентарь: «омоч» (местная соха), «бўюнтурук» (ярмо), «тиркиш» (ремни из сыромятной кожи), «мола» (деревянная борона местного образца), «мола-пойча» (дышло), «занжир» (цепь), «гаврон чўп» (длинная палка для вождения волов), «тиш» (чугунный лемех). Все эти предметы приготовлялись

Сельскохозяйственные орудия, подготовленные к боронованию

до начала пахоты, приобретались они на ближайших базарах или в кустарных мастерских кишлаков.

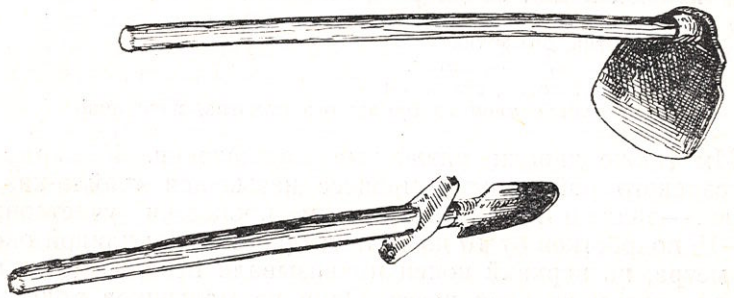
Еще до начала пахоты дехкане одного кишлака объединялись в так называемое «шерик»[9] («ҳамгав», «олгав», «ҳамкўш»)[10].

Перед выходом на пахоту практиковался обряд Ис (букв. — запах). В каждой семье женщины жарили в масле слоеные лепешки, пышки и т. п. Масло предварительно растапливали в котле, затем бросали туда тесто. Считалось, что умершие предки, услышав запах жареного масла, ниспошлют своим родным удачу. Нажаренные лепешки и пышки ели все члены семьи, часть их раздавали соседям, а также давали по куску волам, идущим на пахоту. Рога волов мазали маслом, на них навешивали амулеты (тумор), предохранявшие от дурного глаза. По обычаю, первую борозду проводил старший по возрасту мужчина, а если в данной семье его не было, то просили это сделать одного из почетных стариков кишлака.

После посева пшеницы и ячменя дехкане ждали дождя. Если год был засушливым, делались жертвоприношения (ху-

[9] «Шерик» — термин, происходящий от арабского слова «шарик», что значит в переводе «товарищ», «соучастник». Под ним подразумевается совместная обработка земли, пахота, посев, жатва, уборка урожая и другие работы (см. Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936, стр. 30).

[10] Термины «олгав», «хамгав» и «хамкуш» равнозначны по своему смыслу с термином «шерик».

1—кетмень (кетмень — род мотыги с широким лезвием); *2*—лопата (бел);

дои)[11], давали «дарвишона»[12], читали в мечетях молитвы, прося у бога дождя, а также совершали обряды, призванные, по поверью, вызвать дождь. Среди них особый интерес представляет обряд сув-хотин (водяная дева) или сўз-хотин[13].

У карлуков Пахтакорского района для этого делали куклу длиной около метра, наряжали ее в старое женское платье, повязывали на голову платок, одна из женщин поднимала ее

[11] При жертвоприношениях резали быка или барана, варили кушанья и угощали беднейших жителей кишлака или путников, чтобы они, поев, молили бога. По убеждениям дехкан, бог услышит их голос быстрее, чем голос обеспеченных, и пошлет на землю дождь.

[12] Дарвишона — букв. «подаяние странствующим дервишам», но в данном случае имеет несколько иное значение. 2—3 человека ходили по дворам, собирали деньги и отдавали их нищим или беднейшим жителям данного кишлака и просили их молить бога, чтобы он послал дождь.

[13] О подобных обрядах см. Г. Арандаренко, О метеорологических познаниях туземцев Зеравшанского округа, ТВ, 1877, № 22. Карлуки Кассанского района, поймав черепаху, привязывали ее за ноги шнурком и вешали на крышу дома или на сук дерева, полагая, что бог, видя мученья черепахи, пошлет дождь.

над головой и в сопровождении двух женщин ходила по дворам, напевая:

Сув-хотин — Султон-хотин,
Кўланкаси майдон хотин.
Водяная дева ты — княжна,
У тебя широкая тень.

В домах их радостно встречали, давали деньги или немного зерна, муки, хлеба; из ведра, наполненного водой, обливали куклу, а заодно и женщину, державшую куклу. В кишлаке Қаллык Шурчинского района такая процессия называлась «сўз-хотин». Мужчина, надевший женское платье, держал над головой деревянную или глиняную чашу и в сопровождении 2—3 человек ходил по дворам, напевая:

Сўз-хотин, сўз-хотин
Кўйнакларинг бўз-хотин.
Сўз-хотин, сўз-хотин
Рубаха твоя из бумажного полотна, женщина!

Им также давали различные подношения. У карлуков Қассанского района этот процесс назывался «чайла-казак» (букв. — шалаш казака). Здесь в процессии участвовало 10—15 подростков от 10 до 15 лет; брали палку длиной около 1,5 метра, на верхний конец привязывали небольшую палочку, так что получался крест. Один из мальчиков поднимал крест над головой, и все подростки ходили по дворам, напевая:

Чайла қазоқ йиғлайди,
Нону патир тилайди.
Чайла-казак плачет,
Просит он хлеб да патир[14].

Обряды, связанные с вызыванием дождя, имеют глубокую древность у тюркских народов. Еще Ибн ал-Факих (начало X в.)[15] и Гардизи (середина XI в.)[16] рассказывали о существовании у карлуков, гузов, тогузоузов камня, при помощи которого они вызывали дождь, снег, град. Абу-Долеф (X в.) придавал этому камню другой характер. Он писал, что у карлуков есть камень, который пользуется великим уважением: «перед камнем этим суд творили и во славу его жертвы заколяют. Қамень этот зеленого цвета»[17]. Махмуд

[14] Патир — слоеная сдобная лепешка из пресного теста.
[15] МИТТ, стр. 153.
[16] В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию ..., стр. 10—104.
[17] В. Григорьев, Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе, стр. 35.

Қашгарский (XI в.) называл этот камень ят или ет[18]. Здесь характерно поклонение отдельным элементам природы (в данном случае камню)[19] и силам, «которые человек считает наиболее влиятельными или наиболее к нему расположенными»[20].

Карлуки в указанный период были шаманистами, в то же время среди них были распространены магия и культ природы. С течением времени старые поверья кочевых племен, связанные с вызыванием дождя, были преданы забвенью и заменены земледельческими обрядами сув-хотин, сўз-хотин и др. Обряд сув-хотин имеет некоторое сходство с вождением русалки у языческих славян[21].

С середины мая приступали к уборке ячменя, а с начала июля убирали пшеницу. Основным орудием при уборке урожая служил ўроқ (серп). При жатве применялась товарищеская взаимопомощь, называемая «ҳашар» или «кўмак». Все дехкане в назначенный день шли на поля того, кто назначал хашар, и работали до наступления темноты. Хозяин поля, на котором был организован хашар, обязан был зарезать барана и на поле устраивалось угощение. На следующий день хашар мог производиться у другого жителя данного кишлака. Несомненно, что хашар являлся чисто товарищеской взаимопомощью родственнику, соседу, односельчанину. Однако этот обычай очень часто использовался в интересах местных баев, в таком случае хашар выступал в качестве одной из форм феодальной повинности[22].

Одновременно с жатвой начинали вязку снопов. Полная рука колосьев называлась «ғавза»: 15 — 20 и более ғавза, сложенные вместе, составляла «боғ» (сноп). Снопы вязали к вечеру, в конце рабочего дня. Если жатва происходила хашарным способом, то из числа присутствующих выделялись 2 — 3 человека (боғбанд) специально для связывания снопов; связкой служили жгуты из травы, растущей тут же на

[18] Махмуд Кашгарский, указ. соч., т. III, стр. 8.
[19] Поклонение большим камням существовало у ряда народов и сохранилось до нашего времени (см. С. Е. Малов, Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая, «Советская этнография», М. — Л., 1947, № 1, стр. 151—160; М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 148—149; С. А. Токарев, Сущность и происхождение магии, ТИЭ, т. I, М., 1959, стр. 65—69.
[20] М. О. Косвен, указ. соч., стр. 148.
[21] Н. П. Гринкова, «Вождение русалки» в селе Верейка Воронежской области, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 178—184.
[22] Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма ..., стр. 29—30. О хашаре см. также В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта женщин туземного населения Ферганы, Қазань, 1886, стр. 20.

поле вместе с зерновыми. Для предохранения урожая от сильного ветра 10 — 15 и более снопов складывали в кучу, называемую «ғанак»[23] (у карлуков Шурчинского и Сарыассийского районов). В конце жатвы сжатый хлеб переносился в большую кучу, называемую «ғарам» или «хирман»[24]. До места сложения гарам снопы переносили жнецы на спине или перевозили на ослах и лошадях[25]; в некоторых районах, в частности у карлуков Шурчинского района, для перевозки снопов использовали сани-волокуши — «чигана»[26]. После их перевозки на гарам снопы развязывали.

Когда на поле оставалось незначительное количество неубранного хлеба, один из жнецов кричал: «Қуен кочти!» (букв. — «Заяц бежит»); затем эти слова периодически повторялись другими участниками хашара. Это делалось для того, чтобы ускорить темп работы, убрать оставшийся урожай, не оставляя его на завтрашний день. Каждый жнец имел право ежедневно взять для себя по одному снопу ячменя или пшеницы.

По обычаю, если кто-либо из жнецов найдет стебель пшеницы с двумя колосками (кўшша бош буғдой) — признак обильного урожая на данном поле, хозяин в виде вознаграждения дарил ему сноп пшеницы.

После окончания уборки дехканин вместе с семьей собирал оставшиеся на поле колосья, что называлось «навқон», а также колосья с короткими стеблями — «башоқ» (башоком называли собственно пучок этих стеблей, который можно зажать в

[23] У таджиков Каратегина этот термин произносился, как «гонук» (см. Н. А. Кисляков, Очерки по истории Каратегина, АН ТаджССР, 1951, стр. 18); у таджиков бассейна р. Хингоу — «ганык» (см. Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники у таджиков бассейна р. Хингоу, СЭ, М. — Л., 1947, № 1, стр. 119).

[24] «Ғарамом» называются снопы, сложенные в большую кучу, а термином «хирман» — собственно куча перемолотого, но еще не отделенного от соломы зерна, в последнем случае куча называлась бы «чош» (ток). Однако термин «хирман» во многих кишлаках отождествляют с терминами «ғарам» и «чош», т. е. термины «ғарам» или «чош» заменяются термином «хирман».

[25] Перевозка снопов на лошади происходила таким образом. Один человек сидел на лошади, перекинув через седло длинную веревку, другой передавал с земли снопы — на каждую сторону лошади по два снопа, ездок подтягивал концы веревки к себе и закреплял снопы.

[26] Чигана — сани-волокуши — была распространена среди земледельцев-таджиков (см. Н. А. Кисляков, Старинные приемы ..., стр. 120—122; он же, Очерки по истории Каратегина, стр. 118; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу, стр. 70).

руке[27]. На полях состоятельных людей навкон и башок собирали бедняки, нищие — жители данного кишлака или пришлые из других кишлаков.

При молотьбе использовали волов и лошадей, в редких случаях (если небольшой гарам) и ослов. При этом на животных надевали намордники, чтобы они не могли есть зерно. Если гарам очень большой (особенно при общинном земледелии), то молотьба производилась частями, стебли разбрасывали вокруг гарама и пускали по нему волов и лошадей[28]. На небольших гарамах (у индивидуальных земледельцев) стебли сразу разбрасывали на гумне, что по обмолачиваемому хлебу могли ходить волы и лошади. В таких случаях сначала пускали чопар[29], а для молотьбы использовали нескольких волов или лошадей: этот процесс назывался «галлагов» (букв. — много быков), а сама молотьба — «ҳўп». Периодически железными вилами поднимали нижние слои обмолачиваемого хлеба, где оставалась неизмельченная часть колосьев. После того, как дехкане убедятся, что колосья достаточно перемолоты, хлеб провеивался деревянными вилами, в результате чего зерно отделялось от самана (соломы). Но и после этого зерно окончательно не очищалось; оставались еще неразмельчанные колосья, называемые «чор», по которым опять гоняли волов или лошадей; процесс этот назывался «пойхоб». Затем зерно провеивалось деревянной лопатой (курак), после чего пропускалось через чиғил (решето с широкими глазками); оставшийся чор после чиғила, если его много, молотили прежним способом, а если немного, то деревянным молотком (тўкмоқ) или палкой, после чего опять пропускали через чиғил. Пропущенное зерно после чигила пропускали через «ғалвир» — решето с узкими глазками[30]. Только теперь зерно считалось очищенным от сора и собиралось в кучу (чош).

После этого набирали полное решето зерна, обходили вокруг чоша, высыпая зерно через край решета с таким расче-

[27] Термины «навкон» и «башок» применяли и ферганские дехкане, см. В. Наливкин и М. Наливкина, указ. соч., стр. 20.

[28] На общинных землях карлуков Кассанского района на молотьбе использовали исключительно лошадей.

[29] Чопар — плетенка-волокуша — применялся для подравнивания поверхности обмолачиваемого хлеба. Чопар делался из ветвей, связанных крепким жгутом из тала, его длина — 1,5 и более метра. В чопар запрягали волов или лошадей.

[30] При помощи чигила пропускали зерно (вместе с ним проходит пыль), задерживая при этом мелкую солому и неразмельченную головку зерновых (пшеницу, ячмень, сорго и пр.); при помощи галвира задерживалось зерно и пропускалась исключительно пыль. Операция с галвиром проводилась для окончательного очищения и отсеивания зерновых от пыли и грязи.

том, чтобы, когда круг окажется замкнутым, половина зерна в решете осталась и была высыпана поверх чоша. Этим якобы «опоясывается» чош («чошни бели боғланди»). Делается это для того, чтобы предостеречь чош от дурного глаза, чтобы бобо дехкан (покровитель дехкан) умножил количество зерна в куче.

Весь процесс очистки зерна, начиная с момента провеивания его, происходил под строгим наблюдением представителя амлякдарства (местной административной власти), называемого «дорға»[31]. Вечером после окончания рабочего дня приходил дорға и ставил клеймо на кучу зерна, снять которое владельцы чоша не имели права; утром следующего дня вновь приходил дорға, снимал клеймо и работа по просеиванию возобновлялась. Так продолжалось каждый день до тех пор, пока зерно не было окончательно очищено от сора и образован чош. Тогда дорға проделывал по четырем сторонам чоша углубления и засыпал туда немного земли, на которую ставил определенный знак (печать); если после этого из кучи будет взято хотя бы немного зерна, то куча опустится, земля сползет, а печать испортится. За сохранность знака, а следовательно и зерна, несли ответственность сами дехкане. В таком виде чош находился до прихода амлякдара, который обязан был определить количество зерна и назначить налог с урожая, называемый «харадж». Так как в амлякдарстве было много селений, то прихода амлякдара нужно было ждать долго, иногда до наступления зимы и выпадения снега. Единственное средство ускорить приход амлякдара — обещать ему через аксакала один или два батмана зерна в качестве взятки или же определенную сумму денег.

Амлякдар являлся на чош в сопровождении дорги, мирзы-писца, аксакала, амина, мираба и других лиц. Определив на глаз размер зерна в чоше в батманах, амлякдар приказывал записать в налоговой книге размер хараджа. Количество зерна в чоше зависело от количества засеянных полей, а также от урожайности в данном году. Размер чоша у бедняков колебался от 3—4 до 10—15 батманов, у зажиточных дехкан доходил до 60—70 и более батманов, а у баев до 200 и более. С поливных земель платили от 1/10 до 4/10 части урожая, а с богарных — 1/5 часть урожая. Помимо налога, с каждого чоша выделялась доля «за службу» (хак), называемая «кафсан»[32], следующим лицам: амлякдару, дорге, мирзе, аксакалу, амину, мирабу и др. Каждому из них давалось по галвиру (решету) кафсана, т. е. около одного пуда зерна, что для бедняков это было очень ощутительно и нередко вместе с харадж составляло почти половину урожая.

Перед тем, как дать кафсан и сложить зерно в мешки, дехканин проводил обряд очищения, называемый «хақулло» (букв. — божья доля). Сидя лицом по направлению к западу, он наполнял решето зерном и высыпал его в сторону от чоша. Хақулло как милостыня давалась бедным и служила как бы очищением всего остающегося на чоше зерна от загрязнения пометом и мочей животных при молотьбе, после чего зерно считалось годным для употребления. После того, как оно окончательно убиралось с чоша и укладывалось в мешки, дехканин, взяв несколько горстей зерна, рассыпал его на том месте, где находился чош, — это была доля бобо дехкана (покровителя дехкан).

Остановимся несколько на водопользовании. Правила водопользования у карлуков были такими же, как у окружающих их узбекских и таджикских земледельцев[33]. В отличие от земли вода находилась в общественном пользовании. Это объясняется трудностями, связанными с устройством ирригационных систем, содержанием каналов в исправности, периодической их очисткой и т. д.

Уход за арыками производился жителями кишлаков. Помимо этого, они вносили известную плату — «об пули»[34] на содержание главного магистрального канала, а также, исходя из доли получаемой воды, выраженной в «тошах», по требованию водной администрации выставляли ежегодно на строительство дамб и плотин определенное число людей — «лойкаш»[35] и поставляли различные материалы. Контроль за очисткой арыков и наблюдением за порядком водопользования вели аксакалы, амины и мирабы.

[31] Амлякдарствами назывались административно-податные единицы, на которые в Бухаре делились области-бекства; во главе амлякдарств стояли чиновники-амлякдары, имевшие особых людей — дорга, следивших за уборкой урожая и сохранностью его до определения размера налога.

[32] Кафсан — букв. «охапка» или «пригоршня» (см. Б. И. Искандеров, указ. соч., стр. 40).

[33] Подробно о водопользовании см. Д. Н. Логофет, указ. соч., т. II, стр. 82; Г. Арандаренко, Ирригация Туркестанского уезда, ТВ, 1874, № 26; В. В. Радлов, Средняя Зеравшанская долина, ЗРГО по отделу этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 9—13; К. К. Пален, Орошение в Туркестане (Отчет по ревизии Туркестанского края), СПб, 1910; Н. Дингельштедт, указ. соч.; Вяткин, Каршинский округ, Изв. Ср.-Аз. отд. РГО, XVIII, Ташкент, 1928, стр. 25; Л. И. Дембо, Земельный строй Востока, 1927, стр. 89—98; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.

[34] «Об пули» (тадж. «об» — вода, «пуль» — деньги), т. е. плата за воду. За пользование водой платили все земледельцы от 1 танги до 2—3 тенег в год за танап поливной земли.

[35] «Лойкаш» (тадж. «лой» — глина, «каш» — таскать, поднимать), т. е. люди, поднимающие глину.

Распределение воды между водопользователями происходило по давно установленному правилу, согласно местным обычаям. В арык (распределитель второго порядка)[36], обеспечивавший водой несколько кишлаков, поступало известное количество воды из магистрального канала (распределитель первого порядка). В свою очередь из арыка выходили один или несколько более мелких арыков (распределитель третьего порядка), каждый из которых снабжал водой один кишлак. От малых арыков выделялась оросительная сеть (шох), обеспечивающая водой одну или несколько хозяйственных групп[37] (распределитель четвертого порядка), откуда вода по мелкой оросительной сети (шох-обча) поступала непосредственно на поля дехкан. Объем воды в арыках измерялся на глаз. Для определения воды в магистральном канале, а также арыках второго и третьего порядка применялся термин «тегирмон» — количество воды, приводящее в движение одну мельницу; «тош»[38] — половина воды одного тегирмона, «уччайрак-тош» — 3/4 части тоша, «ярим-тош» — половина тоша, «чайрак-тош» — 1/4 часть тоша. Для распределения четвертого порядка применялся термин «қулок»[39] — мера воды, поливающей за сутки 10 и более танапов земли[40] и т. д. Для более мелких оросительных сетей, из которых вода идет непосредственно на поле отдельных хозяев, применялись термины «ботман» — количество воды, необходимой для орошения площади земли, засеянной батманом семян[41], и «чорак». А. И. Шахназаров неправильно считал, что чорак — количество воды, необходимой для орошения площади земли, засеянной одним чораком семян[42]. По Шахназарову получается, что одного чорака семян (около 2 *кг*) хватит для посева 1/16 танапа или 37,5 сажен (162,2 $м^2$) земельной площади, где можно поместить небольшой глинобитный дом бесхозяйственного двора. Для такой площади выделение специальной доли воды крайне бессмысленно.

«Чорак» — таджикское слово, искаженное «чор-як», обозначающее у жителей Бухарской области 1/4 часть меры веса, длины или какого-либо предмета[43]; чорак как мера веса равнялась в Бухаре 5 фунтам (малый чорак) и 10 фунтам (большой чорак). По-видимому, чорак как мера воды применялась для земледельцев, имеющих площадь земли засеянной 1/4 батмана или 2 пудами семян; этого количества семян хватало на один танап участка, засеянного пшеницей или ячменем, два-три танапа джугары (сорго) и на 5—6 танапов люцерны.

Для примера приведем систему водопользования в двух карлукских кишлаках. Қишлак Қаллык Бухарского района пользовался водой из арыка Денав, в который вода поступала непосредственно из магистрального канала Шахруд. Водой этого арыка пользовались следующие кишлаки: Қўльштрум, Лаби-Парвиз, Қайрағоч, Туркон, Атлон, Равот, Махалля, Галожин, Денав, Қаллык. Длина арыка была 8 *км*, водоизмещение — 2 тоша (или один тегирмон). От Денав-арыка (распределитель второго порядка) вода расходилась по десяти отводным каналам (распределители третьего порядка) непосредственно к указанным кишлакам. Қишлаки Лаби-Парвиз, Қайрағоч, Галожин пользовались водой по полдня; кишлаки Қўльштрум, Атлон, Равот — по одному дню; кишлак Махалля — полтора дня; кишлаки Туркон, Денав, Қаллык — по два дня. Следующая очередь приходилась через каждые 12 дней.

[36] На таких арыках для задержания воды, с целью полива земель одного из кишлаков, сооружалась плотина, которая в Бухарском оазисе обозначается термином «даргот».

[37] Хозяйственная группа состоит из 2—3 и более хозяйств водопользователей.

[38] «Тош» — букв. «камень». Мельница, как известно, имеет два каменных жернова. Тош — один из этих жерновов, «икки тош» (два жернова) составляют «тегирмон» (мельницу).

[39] «Қулок» — букв. «ухо». Этим термином пользовались земледельцы для обозначения количества воды, вмещающейся в самую мелкую оросительную сеть, из которой вода попадала непосредственно для орошения полей. После полива вода из этой сети в определенном месте (қўлок) закрывалась земляной насыпью. Термин «қулок» применялся и для определения воды на более крупных сетях, вода из которых обеспечивала хозяйство нескольких дехкан. Если говорят «бир», «икки» и более «қулок» воды, значит вода, находящаяся в этой сети, может вмещаться в одну и большее число мельчайших сетей.

[40] Величина меры «қулок» в литературе определяется различно. В одном источнике қулок составляет поток воды в 1 аршин ширины и 1/4 глубины, орошает от 30 до 50 десятин, т. е. 120—200 танапов (см. Н. Дингельштедт, указ. соч., стр. 204, 300); в другом источнике қулок равняется 1 куб. футу в одну секунду и способен оросить 29,2 десятины земли (см. А. И. Шахназаров, указ. соч., стр. 97); К. К. Пален, в работе «Орошение в Туркестане» (Отчет по ревизии Туркестанского края), в одном случае (стр. 83) указывает, что қулок равен $1^1/_4$—$1^1/_2$ сек. футу, способен оросить свыше 50 десятин земли, а в другом случае (в Джизакском уезде), что қулок равен половине тегирмона, и в сутки может оросить 10 танапов (там же, стр. 133, приложения).

[41] На один танап сеется приблизительно 1,5—2 пуда пшеницы или ячменя; бухарский танап равен 8 пудам, следовательно, один батман семян можно высеивать на 4—5 танапах земли. Если землевладелец получает два, три и более батманов воды, значит он поливает 10, 15 и более танапов земли, что имела только зажиточная и богатая части населения.

[42] А. И. Шахназаров, указ. соч., стр. 97.

[43] Чорак как мера длины, например, применяется для обозначения $^1/_4$ части таша. Один таш равняется 8 верстам 447 саженям (см. Н. Ханыков, указ. соч., стр. 113); как мера площади чорак применяется для обозначения 1/4 танапа — «чорак-танаб».

Отводной канал каждого кишлака в свою очередь делился на несколько водораспределительных каналов (распределитель четвертого порядка). Каждая такая сеть обеспечивала 2—5 хозяйств. Отводный канал кишлака Каллык делился на 8 распределительных каналов, каждый из которых способен был пропустить воду для орошения 50 танапов земли за сутки. Как сказано выше, вода в распоряжение кишлака давалась на двое суток. В самом кишлаке водопользователи устанавливали очередь. Водой пользовались из восьми каналов в течение двух суток. Предположим, один из мелких каналов обеспечивал водой 4 хозяйства; первое хозяйство, имевшее, например, землю, на которой было высеяно 6 батманов семян (т. е. 24 танапа), получало воду в течение половины суток; второе хозяйство в 3 батмана (12 танапов) получало воду 1/4 суток; два остальных хозяйства, вместе имевшие также 3 батмана (12 пудов), получали воду 1/4 суток.

За очередностью пользования водой, установленной в кишлаке, следил аксакал, а за Денав-арыком в целом следил амин. Были нередко случаи, что селения, расположенные выше кишлака Каллык, нарушая установленный порядок водопользования, получали долю воды кишлака Каллык, что приводило нередко к острым конфликтам.

Кишлак Каллык Пахтакорского района брал воду из арыка Каллык, последний в свою очередь — из Нарпай-арыка[44]. В кишлаке было всего 21 хозяйство. Вода из арыка распределялась по оросительным сетям, идущим непосредственно на поля каждого земледельца. Каждое хозяйство, исходя из количества засеянной площади, получало «ярим қулақ», «бир қулақ» и более воды.

Таким образом, из вышеизложенного видно, что земледелие у карлуков, как и у других народов Средней Азии, живших в условиях феодализма, велось крайне отсталыми методами, с помощью примитивных сельскохозяйственных орудий. Примитивны были и ирригационные сооружения, уход за которыми требовал огромных затрат физического труда. Все это делало труд дехканина весьма тяжелым и малопродуктивным.

Кроме частновладельческих земель, у карлуков существовало и общинное землепользование[45]. Такая форма землепользования имела место до коллективизации сельского хозяйства в крупнейшем кишлаке Каллык, входившем тогда в состав Майманакского амлякдарства Каршинского бекства; его население — карлуки — сохраняло еще родовое деление. Вся обрабатываемая земля была разделена между десятью карлукскими родами.

Задолго до революции принцип деления обрабатываемых земель между родами был нарушен, но родовые кочевья продолжали существовать вплоть до образования колхозов. Взамен деления обрабатываемой земли между родами появляется деление его непосредственно на пайкалы. Ежегодно, до начала весенних полевых работ (начало февраля), жители кишлака Каллык собирались на сход, называемый «йиғин», на котором определялось количество пайкалов и его членов.

Прежде всего на сходах выяснялось количество женатых мужчин селения, а затем производилось распределение их по пайкалам. Каждый пайкал состоял из 8 «тан»[46]. Каждый тан означал долю участия в пайкале. Глава семьи мог входить в пайкал с правом от одной до четырех долей, но не больше, в зависимости от того, сколько голов скота и какое количество семян он вносит в пайкал. В пайкал с правом на одну долю могли входить и те, у кого не было ни рабочего скота, ни семян; в таком случае они выполняли все тяжелые работы пайкала.

Несемейные жители в пайкал не принимались. Они нанимались на различные работы в хозяйства местных богачей (баев), а также в качестве кўшчи (пахарей), ўроқчи (жнецов) и етимов. Обычно общее количество пайкалов в селении колебалось от 40 до 60.

Один пайкал выделялся специально для мечети. Выделение семян, пахота, уборка и вообще все полевые работы по этому пайкалу ложились на обязанность жителей селения.

---

[44] О системе орошения Нарпай-арыка см. Ситняковский, О Бухарской части долины Зеравшана, ИТОРГО, т. I, вып. II, стр. 135, 201.

[45] На территории бывшего Бухарского ханства, в некоторых селениях Каршинского и Ширабадского бекств вплоть до образования колхозов (1929—1933 гг.) бытовали пережитки общинного землепользования в форме «пайкала». На существование такого рода землепользования в 1924—1925 гг. впервые указал В. А. Полозов, им был подробно описан пайкал селения Майманак, входящий теперь в Кассанский район Сурхандарьинской области (Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи, журн. «Народное хозяйство Средней Азии», 1925, № 7). В 1929 г. Д. Басовым был описан пайкал Ширабадской долины (см. журн. «За реконструкцию сельского хозяйства, Самарканд, 1929, № 2, стр. 117—126).

[46] Вероятно, от слова «тана», т. е. единица рабочего скота; пара рабочего скота (икки тан), необходимая для пахоты земли, называлась «кўш». В других местах, в частности в соседнем кишлаке Майманак, где пахота велась волами, участие в пайкале с одной головой рабочего скота называлось «ҳўкуз» или «бир ҳўкуз»; в Каллыке же, где тягловой силой являлись лошадь или верблюд, единица рабочего скота обозначалась словом «тан».

Урожай получал имам и другие служители религиозного культа в мечетях[47] селения Қаллык.

Члены каждого пайкала выбирали старшину (чок-боши) из среды состоятельных членов пайкала. В большинстве случаев он выбирался из лиц, входивших в пайкал с правом двух или трех долей.

На этом же сходе выбирался староста (аксакал) селения из числа авторитетных, деловых людей. Если прежний аксакал работал добросовестно, то он мог быть вновь выбранным, в противном случае говорили о его недостатках и предлагали выбрать другого. На сходе выбирали также мираба (лицо, ведавшее распределением воды) и 5—6 сартарашей (цирюльников), которые не включались в пайкал, а получали за свой труд «ҳак» от членов обслуживаемых ими пайкалов[48]. Если на опыте прошлого года работа какого-либо цирюльника не одобрялась, то от его услуг могли отказаться, а ему предлагали включиться в пайкал в качестве земледельца.

На сходе устанавливалось время раздела земли по пайкалам[49]. В назначенный день все чок-боши во главе с аксакалом отправлялись к участку земли, который подлежал разделу, и на месте определяли его площадь.

Фактически, размер земли был известен ранее. Но если возникали сомнения в точности данных прошлых лет, то из среды присутствующих выделялись два или четыре человека, которые измеряли (шагом) площадь участка. В среднем вся возделываемая земля селения на один год составляла около 2500 танапов, которые делились на равные части в соответствии с количеством пайкалов. Таким образом, на один пайкал приходилось приблизительно по 50 танапов, или 12,5 *га*.

После определения количества земли и раздела ее на равные части начинались жеребьевка. Для этого в земле выкапывались, в соответствии с количеством пайкалов, небольшие продолговатые углубления (чок). Проводилась своеобразная

[47] В селении Қаллык было две мечети — «юкори» и «куйи-мечеть», т. е. мечети, находившиеся в северной и южной части селения, и один имам.

[48] На сходе устанавливалось, что каждый из указанных цирюльников будет обслуживать определенный пайкал. В среднем каждый из них обслуживал 10 пайкалов. Члены пайкала в момент раздела урожая обязывались выделять хак за его труд.

[49] Все пригодные к посеву земли селения делились на две части, в соответствии с существующими двумя арыками (Тўпижоқ-арық и Галяқудуқ-арық), посредством которых поливались эти земли. Один год подлежали обработке, следовательно и разделу, земли, поливающиеся из Тўпижоқ-арықа, а другой год — земли, поливающиеся из Галяқудуқ-арықа. Та часть земли, которая возделывалась в прошлом году, оставалась под паром.

нумерация: первая ямочка соответствовала первому (или начальному) пайкалу, вторая — второму и т. д. Каждый старшина пайкала имел при себе значок — палочку или камешек с определенными, одному ему известными приметами. Затем кого-либо из присутствующих (обычно подростка) назначали жеребьевщиком (чок-ташар). Аксакал бросал в полу халата чок-ташару все значки, а также несколько горстей земли, перемешивая значки с землей. Чок-ташар, не глядя в полу халата, ощупью брал один за другим значки и бросал их по одному в углубления. Каждый старшина пайкала поднимал свой значок и таким путем узнавал, какой участок ему достался; при этом он не должен был проявлять недовольства. По этому поводу существовала пословица: «чокка тушган — чакрамас», что означает: «если кому в «чок» попал значок хотя и на плохой участок, то он не должен проявлять недовольства (букв. — подпрыгивать)», потому что жеребьевкой уже определено его «счастье».

После раздела чок-боши созывали в определенный день всех членов своих пайкалов для определения условий участия в работе каждого в соответствии с его долей в урожае. Здесь же определялось количество семян, выделяемых для посева членами пайкала. В среднем при яровых посевах каждый пайкал высевал пять батманов (40 пудов) пшеницы и три батмана (24 пуда) ячменя.

Приведем некоторые условия приема в пайкал отдельных его членов.

Предположим, что все участники пайкала могли выделить по одной единице рабочего скота со всем необходимым инвентарем и одного «кўшчи» — пахаря. В таком случае рабочий скот восьми участников пайкала со всем инвентарем составлял четыре «кўша», т. е. четыре пахотных упряжки. Члены пайкала обязывались давать одинаковую долю семян, на равных условиях участвовать в очистке магистральных арыков, прокладке мелкой оросительной сети, в поливе, жатве, молотьбе, просеивании, т. е. в полевых работах всех видов. При разделе урожая каждый участник пайкала получал по одной доле урожая (бир-ҳак), в соответствии с долей его участия в пайкале (тан).

В другом случае, предположим, пайкал состоял из шести участников. Из них трое были в состоянии выставить по одной единице рабочего скота с необходимым инвентарем и по одному кўшчи, но ни один из них не мог выделить положенную долю семян. Двое других участников не имели возможности выделить рабочий скот и семена. Один из участников этого же пайкала выставлял три единицы рабочего скота со

всем инвентарем и трех кўшчи, а также обязывался дать семена для всего пайкала с условием, что во время дележа урожая ему будет выделено данное зерно с некоторой надбавкой.

Все участники пайкала обязывались совместно участвовать в поливе урожая, жатве. Те, которые не в состоянии были дать семена и рабочий скот, кроме вышеуказанных совместных работ, обязаны были ходить на очистку оросительного канала, на рытье и очистку оросительной сети, молотьбу, просеивание и т. д.

При разделе зерна пять участников пайкала с правом «бир-тан» получали по одной доле (бир-хақ), а один, входивший с правом «уч-тан», получал три доли (уч-хақ) урожая.

В третьем случае пайкал мог состоять из четырех членов. Один из них, обычно крупный бай, участвовал с правом на четыре доли (тўрт-тан), выставляя два кўша со всем необходимым инвентарем и кўшчи и предоставляя свою долю семян. Другой член пайкала, входивший с правом на две доли (икки-тан), выставлял кўш[50] со всем инвентарем, пахарем и семенами. Два остальных участника пайкала, которые не могли выставить рабочий скот и свою долю семян, выполняли всю черную работу. При дележе урожая первый получал 4/8 доли, т. е. половину урожая; второй, 2/8, двое остальных участников получали по 1/8 доли урожая.

Из приведенных примеров видно, что хотя пайкал и состоял из восьми долей, но в нем могли участвовать от четырех до восьми человек с правом на разные доли урожая: от одной доли на одного участника до четырех долей. Иначе говоря, если на сельскохозяйственный год было образовано 50 пайкалов, каждый из которых состоял из восьми долей, то во всех пайкалах имелось 400 долей, участвовало же в них от 270 до 300 семей. При этом резко выделяются три категории участников пайкала: беднота, которая составляла большинство членов в пайкалах, не имевшая тягловой силы или имевшая одну рабочую единицу; середняки, имевшие пару рабочего скота, применявшие иногда наемный труд кўшчи, и баи, имевшие по три головы и более рабочего скота, применявшие исключительно наемный труд кўшчи и других сезонных рабочих[51]. Для баев участие в пайкалах являлось дополнительным занятием, потому что ведущей отраслью хозяйства у них было овцеводство, а для середняков и маломощных участников пайкала земледелие являлось основным занятием.

[50] Каждый пайкал обязан был выделить для пахоты не менее трех кўшей (три пары рабочего скота); так как бай в данном случае не мог входить в пайкал с правом более 4 долей, следовательно, не более двух кўшей, то в пайкал, куда входил бай, привлекался один член с правом на 2 доли, выставляющий кўш, или же два члена с правом на одну долю, рабочая сила которых также составляла кўш.

Итак, пайкалы хотя и являлись формой общинного земледелия, в них резко сказывалось имущественное неравенство, что вело постоянно к распаду земельной общины, как это наблюдалось уже в 1925—1926 гг. в некоторых селениях Қашкадарьи[52]. Господствующее положение в пайкале занимали баи, фактически эксплуатировавшие бедняков — основных производителей.

На общинных землях указанного селения сеяли исключительно яровые культуры, так как здесь не хватало воды. Ячмень засевали с начала февраля до начала марта, убирали в мае; раннюю пшеницу засевали с начала февраля, позднюю — с начала марта до 20 апреля, убирали со второй половины июля до августа. На общинных землях очень редко сеяли масличные культуры — лен и кунжут. После уборки ячменя и ранней пшеницы несколько членов пайкалов объединялись и на лучших участках общинных земель сеяли дыни и арбузы, которые росли на подпочвенной влажной земле без полива. На приусадебных землях сеяли большой частью клевер (йўнучқа), редко — пшеницу, ячмень, лен, кунжут, дыни и арбузы. Садоводства здесь почти не было.

Процесс молотьбы, просеивания и порядок взимания налога проводился таким же способом, как и с частновладельческих земель. С каждого пайкала харадж взимался в размере 3/10 части урожая.

Кроме общинно-пайкального землепользования, в селении Қаллык имелись еще приусадебные частновладельческие земли, называемые «ҳаят»; они были расположены в самом селении или же в окрестности его и обносились глинобитными стенами. Ҳаяты разных размеров имелись у многих середняков и баев, у неимущих семей их давно не было, а если и имелись, то по мере разорения они их продавали. Покупателями хаята являлись главным образом баи, у которых только в одном селении Қаллык было от 10—12 танапов (2—3 *га*) до 20 (5 *га*) и более танапов ҳаятной земли. Некоторые баи вла-

[51] Пахари — «кўшчи» — могли быть сами участниками пайкала, особенно те, которые входили в пайкал с правом на одну-две доли, но зажиточные участники всегда выставляли кўшчи из наемных рабочих, они могли работать только в период пахоты, а на период уборки нанимали жнецов (ўроқчи).

[52] В. А. Полозов, указ. статья, «Народное хозяйство Средней Азии», 1925, № 7.

дели культурными землями не только в селении Каллык, но также и в других районах Бухарского ханства.

Вода в Каллык-арыке появляется во второй половине апреля. Пользование водой происходило следующим путем. В течение суток должны были поливать три пайкала: два пайкала поливали днем (один — от восхода солнца до полудня, а второй — до захода солнца) и один ночью. На вторые сутки очередь переходила к следующим трем пайкалам. Так продолжалось 16—17 суток, затем наступал повторный полив. Все члены пайкала, когда до них доходила очередь, должны были максимально использовать предоставленную им возможность. Кроме членов пайкала, в поливах участвовали также трудоспособные мужчины из их семей.

С марта до середины апреля производилась коллективная очистка арыка. Хашаром руководили аксакал и мираб, которые с раннего утра выезжали на место и вели учет прибывших людей из каждого пайкала. Если из какого-либо пайкала отсутствовало назначенное количество людей, то аксакал, а в его отсутствие мираб, объявлял, что такому-то пайкалу назначается «боқи» (штраф). Каждый боқи по решению присутствующих на хашаре определялся примерно в 15—20 танга (3—4 руб.). От присутствующего здесь члена оштрафованного пайкала отбирали под залог лошадь, осла, на котором он приехал, а за неимением последнего могли отобрать у него халат или что-либо другое. Он обязан был, возвращаясь вечером после хашара, сообщить своему чок-боши об обложении их пайкала штрафом. Чок-боши, собрав с участников пайкала наложенную на них сумму штрафа, вручал ее мирабу, который, возвратив залог, передавал штрафные деньги тем, кто поднимал «лой» — глину, т. е. чистил арык за неявившихся. Если какой-либо пайкал вообще отказался участвовать в очистке арыков, то его членов могли лишить пользования водой на все лето.

Распределение работ среди участников хашара проводилось следующим образом. Если хашар проводился в начале арыка, то мираб каждому участнику устанавливал норму, определяемую на длину лопаты. До вечера каждый участник в среднем поднимал землю из арыка на длину 10—15 лопат[53]. Если хашар проводился поблизости от селения и в самом селении, то мираб на глаз определял весь неочищенный участок арыка и разделял его на количество пайкалов. Каждый пайкал обязан был в установленный срок очистить свою долю, а мираб только наблюдал за качеством и за сроком выполнения работ.

[53] Измерялась только длина выполняемых работ.

Земледельческая община в Средней Азии сыграла известную историческую роль в борьбе человека с природой, поднятии производительности труда, проведении оросительных каналов и максимальном использовании воды на поливных земледельческих участках, а также в установлении взаимоотношений различных социальных групп в сельском хозяйстве. Но в дальнейшем, особенно в конце XIX и начале XX в., существование общинного землепользования имело уже отрицательную сторону. Оно сковывало хозяйственную инициативу земледельцев — членов пайкала, не давало возможности вести интенсивное земледелие путем дополнительного вклада труда и средств.

Земледельческая община несла в себе резкие, непримиримые противоречия, которые в конце концов должны были привести ее к окончательному разложению. Как видно на примере пайкала селения Каллык, производство носило общественный характер, а присвоение — частный. Орудия производства находились в частной собственности, они сосредоточивались в основном в руках немногих зажиточных членов пайкала (баев), которые присваивали львиную долю производимой в пайкале продукции.

На примере пайкала селения Каллык видна также непримиримая классовая борьба, которая велась между зажиточной верхушкой и бедняками общины. Наиболее состоятельные слои кишлака стремились умножить свое богатство, захватить большее количество долей — «тан» — в пайкалах, главным образом за счет вытеснения двухдольников (середняков). Таким образом, положение середняка и в общинном землепользовании было непрочно. В. И. Ленин, указывая на природу середняка, писал: «По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь незначительному меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции»[54]. Однако беднота не была пассивным орудием в руках эксплуататорского класса, она различными методами вела борьбу, отстаивала свои права в пайкале. Но только Великая Октябрьская социалистическая революция, покончив с феодальным землепользованием в Средней Азии, передала всю землю и воду в руки трудящегося дехканства и открыла перед ним путь к социалистическому обобществлению сельскохозяйственного производства.

[54] В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, М., Госполитиздат, 1947, стр. 144.

СКОТОВОДСТВО

Наряду с земледелием карлуки занимались разведением каракульских овец и овец гиссарской породы, из других видов скота держали лошадей, верблюдов и ослов. Лошадей содержали в незначительном количестве, главным образом для хозяйственных надобностей и верховой езды. Табуны имели только наиболее богатые баи.

Крупный рогатый скот содержали в незначительном количестве все карлуки, кроме карлуков Кассанского района, где его не разводили в виду скудности корма. Коровы и волы были из местной породы, малопродуктивные. Коров держали исключительно как мясо-молочный скот, а волов использовали как тягловую силу. В крупных байских хозяйствах было до 10—15 коров и до 40 рабочих волов; в зажиточных хозяйствах — до 4—5 коров и 8—10 рабочих волов, а в бедных хозяйствах — не более одной коровы и одного вола или совсем не было скота. Ослы имелись почти в каждом хозяйстве, они использовались для различных хозяйственных работ.

Содержание лошадей, крупного рогатого скота, ослов имело чисто хозяйственное значение и ничем не отличалось от содержания их у окружающего узбекского и таджикского населения. Поэтому более подробно следует остановиться на овцеводстве и коротко на верблюдоводстве.

Карлуки, живущие на территории Пахтакорского, Каганского, Алатского и Кассанского районов, в дореволюционные годы и в первые годы после революции занимались разведением каракульских овец, а карлуки Шурчинского и Сарыассийского районов (а также Таджикистана) разводили овец гиссарской породы. Карлуки — древние овцеводы, они хорошо знали технику выращивания и разведения овец[55] и потому до настоящего времени в каракулеводческих совхозах «Каракум», «Мубарек» Бухарской области и в овцеводческом совхозе «Гиссар» Таджикской ССР с начала их образования чабанами работают карлуки[56].

До революции бедные карлукские семьи имели по 5—10 овец и 15—20 коз. Зато зажиточные семьи владели 300—400 овец и коз, а богатые баи — от одной отары (сурук) до четырех отар овец, что составляет от 800 до трех-четырех тысяч овец[57]. Например, крупнейший карлукский феодал Гани-Нойиб, который при последнем бухарском эмире был беком Зияддинского бекства, имел 4 отары овец. Италмас-бай и Джумакул-бай — жители кишлака Каллык Кассанского района — каждый по 4 отары овец.

Количество овец в отаре зависело от различных условий: от рельефа пастбища, состояния растительного покрова, водообеспеченности и т. д.

У карлуков Кассанского района в одной отаре было в среднем 800 овец и 10—15 кастрированных козлов (сарка) для вождения отары. Для обслуживания одной отары необходимо было иметь одного чабана, одного человека (обкаш или чўлуқ) для обеспечения водой во время водопоя, верблюда для выкачивания воды из колодца, 2—3 собак для охраны отары; чабану и чўлуқу полагалось иметь по одному ослу для верховой езды. Во время окота (тўл) количество людей, обслуживающих отару, увеличивалось: кроме чабана и чўлуқа прибавлялось еще 2—3 резчика для убоя ягнят, сушки, засола и транспортировки каракулевых смушек. Если у хозяина было две и более отары, то он держал еще бригадира-надсмотрщика (дувонбеги).

Пастбища карлуков Каганского, Алатского и Кассанского районов находились в основном в Каршинской степи, карлуков Пахтакорского района — в Карнаб-Чўле, а пастбища карлуков Шурчинского и Сарыассийского районов — на юго-восточных склонах Байсунтау.

Для этих степных пастбищ важное значение имело наличие водных источников, главным образом колодцев, реже «қоқ»[58] и «сардоба»[59]. При тогдашней технике рыть глубокие колодцы и оборудовать их составляло большие трудности. Извлечение воды из них производилось с помощью примитивного сооружения — чиғира. У колодца (так же как и у қоқа и сардобы) устанавливались две стойки вышиной в рост че-

---

[55] Б. Х. Кармышева в работе «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана» на стр. 73 приводит такие народные поговорки: «карлук создан богом для овец», «карлук — мать овец», «карлук знает язык овец», что показывает высокое мастерство карлуков в овцеводческом деле.

[56] Б. Х. Кармышева, указ. соч., стр. 73.

[57] Крупные карлукские баи в Таджикистане располагали до 20—25 тыс. овец (см. Б. Х. Кармышева, указ. соч., стр. 63). Карлуки Узбекистана, видимо, в связи с плохими пастбищными условиями не имели столь большого количества овец.

[58] Қоқ — водоем в виде углубленной искусственной ямы. В хорошо оборудованных водоемах вода сохраняется все лето. Такой водоем устраивается в районах плотных такыров, где скапливаются дождевые и снеговые воды. Он огораживается невысокими глинобитными стенами для того, чтобы не дать воде размыть большую поверхность, уменьшить площадь испарения и преградить доступ скоту (см. М. Е. Массон, Проблема изучения цистерн-сардоба, Материалы Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935, стр. 11).

[59] Сардоба — водохранилище (цистерна), перекрытое куполом. Подробно о сардобе см. М. Е. Массон, указ. соч., стр. 9—10.

ловека с развилками (ҳачча); если не имелось таких строек, то сооружались две глиняные тумбочки из пахсовой глины высотой также в рост человека, называемые «мўла»; в верхней части тумбочек делался разрез, заменявший развилки. В развилках или в разрезе тумбочек помещался горизонтальный брус, в средней части имевший углубление для удерживания веревки. Вместо ведра употреблялся так называемый «қавғо», сделанный из лошадиной, верблюжей или козьей шкуры. В больших қавғо вмещалось до 8 ведер воды. В қавғо прикреплялась крепкая шерстяная веревка; она перекидывалась через брус, а другим концом прикреплялась к седлу вьючного верблюда[60]. Верблюд, идя вперед, тащит қавғо из колодца; после того как сливается вода в резервуар (ҳавуз), сделанный специально для сохранения воды, верблюд идет назад и кавго обратно опускается в колодец. Таким путем добывалось необходимое количество воды[61]. Для извлечения воды с помощью приученного верблюда требовался один человек, который назывался «обкаш», а если верблюд не был приучен, то требовался еще один человек, который водил верблюда вперед и назад, сидя на нем верхом. Обычно для вождения верблюда бай нанимал детей-сирот или детей бедных семей в возрасте 10—15 лет.

Все пастбищные земли кишлака Қаллык Қассанского района были разделены на две части: ближние и дальние. Ближние пастбища находились в 2—6 *км* от кишлака и были распределены между десятью карлукскими родами.

Пастбища и водные источники считались собственностью всего рода. Один род не имел права переходить границы пастбищ другого. На этих родовых пастбищах кочевали как бедные, так и зажиточные карлуки данного рода. Каждая семья в отдельности заботилась о своих овцах и козах; пасли их, как правило, дети. Иногда же скот всех семей рода объединяли в одну отару и поручали пасти кому-нибудь из взрослых членов рода, за что приходилось вносить незначительную плату[62].

[60] Для извлечения воды впрягались верблюды, в редких случаях лошадь.

[61] Описываемый здесь чиғир служил исключительно для выкачивания воды из колодца. Чиғир имелся и в Хорезме, где был приспособлен для орошения полей и имел совершенно другой механизм. Подробно о хорезмском и иных чиғирах см. Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 253—259.

[62] Обычно нанимался чабаном несемейный член рода, а в большинстве случаев — сироты (етимы). Платили по договоренности. Две-три семьи, договорившись, справляли пастуху зимнюю одежду, две семьи — комплекс летней одежды, несколько семей уплачивали деньгами. Кормили по очереди, один день пастух находился на полном содержании одной семьи, другой день на содержании другой и т. д

Отдаленные пастбища находились на расстоянии до 50—60 *км* от кишлака; они были разделены между тринадцатью крупнейшими карлукскими баями. Крупные баи нередко перекупали друг у друга пастбища вместе с водными источниками или получали их в «дар» от бухарского эмира, предварительно подкупив его чиновников. Богатые карлуки, имевшие 2—4 отары овец, занимали просторные отдаленные пастбища, а имевшие одну отару — пастбища, находящиеся недалеко от кочевья тех родов, к которым принадлежали они сами, и в большинстве случаев пользовались теми же водными источниками, которые находились на территории родового кочевья.

Карлуки в основном разводили жирнохвостых, грубошерстных овец типа дўсвои, иначе их называют араби). Дўсвои дают смушки черного цвета и составляют до 95% общего количества овец в отаре.

Одногодовалую овцу называли «тўқли», двухгодовалую — «шишак», а трехгодовалую и до четырех лет «чори»[63]. Старые овцы переводились из стада на ручной корм, их откармливали и затем резали на мясо. Овцы, ягнята которых забивались для получения смушки, назывались «марри», а овцы, у которых оставлены ягнята на племя, — «қўзили қўй». Здоровая овца-матка, способная принести приплод, называлась «сувой» или «соғлиқ», а неразвитые, болезненные овцы — «қирриқ».

Стрижку овец производили два раза в год: весной после окота (апрель—май) и осенью (в сентябре) перед случкой. Перед стрижкой овец мыли, загоняя в реку или в специально приготовленный для этих целей пруд у колодца. Овец стригли при помощи длинных кустарных ножниц, называемых «қиллық». Те хозяйства, которые имели всего несколько голов овец и коз, стригли сами, а те хозяйства, у которых было много овец, нанимали специальных людей для стрижки, которые назывались «қиллықчи». Оплачивались они сдельно. С 10 остриженных овец шерсть одной овцы қиллықчи брал полностью себе. Кроме того, хозяин отары должен был кормить мастеров стрижки три раза в день до окончания работы. Хороший мастер мог остричь в среднем до 50—60 овец в день.

Никаких зоотехнических, ветеринарных работников по уходу за оцами не было. Больных овец лечили сами чабаны, приготавливая по народным рецептам различные настойки из трав. Управлял овцеводческим хозяйством сам хозяин данной отары через своего надсмотрщика (деван-беги); если же

[63] «Чори» — от тадж. «чор» — четыре, т. е. четырехлетний валух.

хозяин по каким-либо причинам не доверял надсмотрщику, то он сам или его взрослые сыновья постоянно контролировали стадо, а если овцы пропадали по вине чабана[64], то последний обязан был компенсировать потерю. Если нужно было зарезать больную овцу, то чабан должен был представить хозяину шкурку животного.

Богатые баи держали своих овец круглый год в степи, не перегоняя их в кишлак. Другие владельцы отар держали овец поблизости к кишлаку, а весной перегоняли на летние пастбища (яйлав). Осенью, зимой и весной отара находилась в одной части пастбища, а летом — в другой.

На зимнем стойбище строились открытые, закрытые или полузакрытые загоны (қўтан), по одному на каждую отару. Загон представлял собой три глинобитные стены (высотой около 1,5 *м*), южная сторона загона не огораживалась, а оставалась открытой для солнца в зимний период. В северной части загона строился закрытый или полузакрытый сарай (қўтан-хона) для предохранения овец от зимних ветров, дождей, а также для сохранения новорожденных ягнят. Перекрытие таких сараев было очень примитивно: клали балки, сверху балок беспорядочно набрасывали юлғун (гребенщик), затем толстый слой янтака (верблюжья колючка). Возле стен загона находились скирды (хўра) из янтака и шувака (полынь), заготовленного для корма овец в зимний период. Недалеко от загона строилось глинобитное помещение из пахсы или устанавливалась юрта (кўш или кўш-хона) для чабанов.

Содержание отары на зимнем стойбище длилось приблизительно 90 дней, из которых 50—60 дней считались холодными, когда овцы в основном содержались в загоне. Но и в этот период (если земля еще не покрывалась снегом и не было бури или проливного дождя) чабаны старались выводить отары на пастбища. В зимние месяцы отара не отходила от загона дальше 2—3 *км:* в случае внезапного ухудшения погоды ее можно было перегнать в загон. Старались по возможности чаще выгонять овец для того, чтобы они находились больше в движении; неподвижное содержание в сыром загоне могло привести к заболеванию легких у овец и к преждевременным родам. Регулировать содержание овец в загоне, используя

[64] Если овцы гибли в зимний или весенний период от непогоды или от каких-либо болезней, то в этом чабан не считался виновным, но если хозяин данной отары был придирчив, то он мог найти какую-либо причину для того, чтобы взыскать с чабана потери. Если из стада была украдена или съедена волками овца, то потеря обязательно взыскивалась с чабана.

хорошую погоду для выгона, мог только очень опытный чабан.

Зимой, особенно в холодные дни, овец поили редко, зато в более теплые дни их поили ежедневно или через день. Вода из колодца выкачивалась в момент прихода овец на водопой, так как только что выкаченная из колодца вода бывает теплой и овцы охотно ее пьют.

В конце февраля и в начале марта начинается окот (тўл) — один из ответственных моментов в овцеводстве. Для проведения окота приготовлялись специальные поля, при этом большое внимание обращали на наличие разноразвивающихся питательных мелкотравных растений — эфемеров, шувака (полынь), зеленых побегов — и пресной воды, так как горько-соленая вода приводит к заболеванию овец и ухудшает качество молока, что в свою очередь ведет к расстройству пищеварения у новорожденных ягнят.

Обычно у тех хозяев, которые в зимний период держали своих овец в степных стойлах, окотные поля находились поблизости от загона (қўтан), для того чтобы в случае непогоды держать овец в загонах. Те хозяева, которые держали овец в зимний период в кишлаке, за 10—15 дней до начала окота перегоняли свои отары на выделенные поля, которые находились в пределах весеннего пастбища. На окотных полях имелись (заранее сделанные и из года в год используемые) открытые загоны, а для сохранения новорожденных ягнят устанавливались юрты или делались специальные тепляки в земле (ер дўла).

Чабанам приходилось очень много трудиться в период рождения ягнят: новорожденным ягнятам (қўзи) чабан очищал рот и ноздри от слизи, чтобы дать им свободно дышать; при кормлении первые струйки молока сдаивались, и только после этого давалось вымя ягненку; необходимо было следить, чтобы ягнята брали вымя в первые часы жизни, так как первое молоко содержит молозиво (оғиз), способствующее очищению кишечника от первородного кала; в случае отказа со стороны овцематки в кормлении необходимо было ягненка приспособить к другой овце, у которой ягненок забит на смушку. Двух-трехдневных ягнят сортировали. Барашков забивали для смушки, овечек же оставляли в качестве будущей матки-производительницы. Из барашков подбирали несколько голов также в качестве будущих баранов-производителей (қўчқор)[65]. При этом необходимо следить за оставленными

[65] Если родились двойняшки-овечки, то одну из них забивали, чтобы вторую вырастить полноценной.

барашками как за будущими производителями в течение 10 дней. Если за этот период их шерсть побелеет, то такие барашки не будут пригодными в качестве баранов-производителей.

Весной (март—апрель) выпас овец начинается утром, после того, как спадет утренняя роса (шудринг); пасли весь день, а в благоприятную погоду и ночью. В середине дня производился водопой. При летнем выпасе следили за состоянием еще неягнившихся овец.

После окота всех овец отара переводилась на летние пастбища, которые находились на значительном расстоянии. Переход овец совершался медленно, с остановками в пути. В летние месяцы, когда дни бывают жаркие, выпас производился утром, вечером и ночью. Водопой производился два раза в день: утром — после ночного выпаса — и среди дня, после чего отаре давался отдых. Для отдыха выбиралось место на возвышенности, чтобы со всех сторон обдувало ветром. Приблизительно в августе молодняк отделялся от овцематок в отдельные отары и поручался опытному чабану.

Осенью отару перегоняли к тем местам, откуда уходили на летние пастбища, т. е. ближе к зимним стойбищам. Однако овец не вводили в загон, а пасли на определенном участке с тем расчетом, чтобы оставить сухие травы поблизости загона на зимнюю пастьбу. В конце сентября — начале октября происходила случка, от благополучного проведения которой зависела продуктивность овцеводческого хозяйства. К этому времени овцы должны быть упитанными, поэтому чабанам приходилось выбирать пастбища, где больше всего растет таких кормовых растений, как сета, сагана и ишкина. За два месяца до случки овец пасли днем и ночью с коротким отдыхом (вечером с наступлением темноты и второй половины ночи до рассвета). Водопой производился один раз в сутки.

Большое значение придавалось подбору и уходу за баранами-производителями, которых держали в кишлаке. Пасли их опытные чабаны (қўчқор бакувчи), знавшие правило пастьбы и ухода. За три месяца до случки баранов-производителей пасли на полях, где уже убраны посевы (ячмень, пшеница и др.), называемых «ангор», а также там, где больше всего имелось питательных растений, таких, как донашур, арпагон, чатыр, шувоқ и др. Кроме подножного корма, баранам давался дополнительный корм (ем). В начале октября баранов присоединяли к маточной отаре и держали их там 40 дней.

Карлуки Шурчинского и Сарыассийского районов, как

указывалось выше, разводили овец гиссарской породы[66]. Здесь, на юго-восточном склоне Байсун-тау, где имеется обильная кормовая растительность и много воды, овцы весной паслись на предгорных равнинах (джайлав), а с наступлением жары поднимались на горные пастбища. С середины осени отары снова спускались в предгорья, к кишлаку.

Осенью овцы питались подсыхающими растениями горных и летних пастбищ, затем засохшей на корню растительностью нераспаханной части предгорий, а также использовалась стерня убранных к этому времени богарных посевов. После случки и осенней стрижки овец перегоняли на зимние пастбища, находящиеся вблизи кишлака или в самом кишлаке. В холодное время овцы содержались в специальном загоне (қўтан), где запасали необходимое количество корма, а в благоприятные зимние дни овец держали на подножном корму.

Уход за курдючными овцами и их содержание[67] имеет много общего с уходом за каракульскими овцами. Основное различие заключается в том, что в курдючном овцеводстве ягнят не убивали на смушки, а выращивали.

Все изложенное выше говорит о том, насколько трудоемким и сложным было содержание и выращивание овец, особенно овец каракульской породы. От чабана требовалось большое умение и мастерство. Чабанами, чўлуқами нанимались неимущие жители кишлака. Так как карлуки сами были искусными овцеводами, то и чабаны были исключительно из среды своих соплеменников. Их охотно брали баи соседних и даже отдаленных кишлаков.

Обычно бай подбирал чабанов из более опытных, взрослых етимов. Нужно отметить, что етиму не сразу удавалось стать чабаном. Еще будучи мальчиком, он нанимался помощником чабана (ёрдамчи чўпон) или чўлуқом и только проработав у одного хозяина 10—15 лет, мог претендовать на должность чабана.

Чўлуқ также подбирался из числа етимов. В его обязанности входило выкачивание воды из колодца (также из қоқа и сардобы), приготовление обеда, а также перевозка юрты или капы на место стоянки[68].

[66] О происхождении этой породы овец см. работу Б. Х. Кармышевой «К истории происхождения гиссарской овцы», Доклады Академии наук Таджикской ССР, вып. УП, 1953, стр. 45—50, а также ее работу «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана», стр. 71—77.

[67] Подробно о разведении курдючных овец у карлуков-локайцев см. Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 104—115.

[68] На место стоянки кош или кош-хона устанавливалась юрта или

Чўпон и чўлуқ круглый год находились в степи. Пищу готовили сами. Из муки пекли хлеб (кўмоч), варили похлебку (атала). Для приготовления хлеба разводили костер из хвороста или из сухого помета скота, затем в горячую золу закапывали тесто — толстую круглую лепешку, и через некоторое время хлеб был готов.

Из мяса варили шурпу, комма шурпа, қовурдоқ (жареное мясо в виде рагу). Особенно интересен способ приготовления комма шурпа. Зарезав овцу, барана или козу, мясо и сало солили и в сыром виде зашивали в шкуру убитого животного. Для этого хорошо отделывали шкуру, спалив шерсть на огне. В яме глубиной 50—60 *см* разводили огонь, и спустя некоторое время шкуру, заполненную мясом и салом, клали в яму и закапывали, а сверху засыпали землей. Для выхода пара в середину шкуры (в области пуповины) вставлялась камышовая трубочка, верхняя часть которой должна оставаться снаружи. Комма шурпа таким способом могла быть приготовлена в течение дня, и чабаны питались этим кушаньем в течение нескольких дней.

В весенний и летний периоды в основном питались молочными продуктами. Из молока первый раз объягнившейся овцы приготовляли кушанье, называемое «қағаноқ»[69], а из последующих надоев (в течение 2—3 дней) делали «далама». Любопытно приготовление кислого молока. Сырое молоко сливалось в мешок небольшого размера, сделанный из желудка овцы или козы и называемый «қорин-халта». Мешок подвешивали к седлу идущего осла. Под действием солнечного тепла, а также от качки в мешке происходило брожение и через сутки или двое молоко скисало.

Время коротких отдыхов чабан посвящал обычно игре на домбре и нае (свирель); последний представлял собой небольшую камышовую дудку, которая при игре издавала нежную мелодию.

Чабан имел при себе нож (пичоқ), который находился в ножнах (пичоқ қини), иголку (игна), шило (жувалдўз), огниво (чақмок тош) и посох (таяк). К посоху чабана следовало относиться почтительно. Нельзя было перешагнуть через лежащий посох или наступить на него. Если кто-либо нечаянно наступал на посох, то он должен был поднять посох с земли, взять обеими руками, и три раза поцеловать; если же кто

капа для укрытия от непогоды, от жары, для отдыха чабанов, для размещения личных вещей чабана, чўлука, а во время окота юрта или капа служила также и для помещения новорожденных ягнят.

[69] Выдоив первое молоко — молозиво, его кипятят в котле; по мере кипения молоко приобретает густоту, это и есть каганок.

нечаянно перешагнул через него, то должен был перешагнуть обратно. Существовало поверье, что тот, кто перешагнет через посох, высохнет подобно посоху, а у беременных женщин могут произойти преждевременные роды. Существовала также клятва на посохе[70].

В бедняцких хозяйствах в основном держали коз, которые давали ценную и разнообразную продукцию — молоко, пух, шерсть, мясо, сало, кожу. У карлуков, как и у окружающих жителей, разводились козы местной породы — черной масти, с длинными рогами. Взрослые козы этой породы дают за лактационный период (5—6 месяцев) до 140—150 *л* молока.

Дойка овец и коз происходила на весенних и летних пастбищах. Овец, у которых ягнята забиты на смушки, выделяли в отдельную отару. Доили их женщины преклонного возраста, часто вдовы, у которых оставалось несколько малолетних, нетрудоспособных детей. Для дойки овец нанимались также жены и дети чабанов.

В бедняцких, отчасти середняцких хозяйствах доили исключительно коз. Если и имелось несколько голов овец, то ягнят от них не убивали, а выращивали для продажи. Месячных баранчиков кастрировали, а годовалых резали на мясо или продавали.

Доили овец и коз два раза в день: утром, до выхода на пастбище, и вечером, после возвращения с пастбища. Собранное молоко кипятили в котле и разливали в горшки (хурма). Когда молоко остывало, туда добавляли одну или две ложки кислого молока для брожения (қўр) и давали отстояться. Кислое молоко выливали в мешок, называемый «касма», сделанный из шерстяной материи (шол). В таких мешках вмещается от 0,5 до 2 пудов. Если дойных овец и коз было много (особенно в байских хозяйствах), то устанавливалось несколько таких касма.

В касме кислое молоко делалось густым и твердым, напоминающим творог, стекающая жидкость (сыворотка) называлась «зардоб»[71], само загустевшее молоко — «чакка»[72]. Когда касма наполнялось до краев, чакка перекладывалось в котел или в другую посуду, разбавлялось водой, определенное количество его вливалось в маслобойку (гуппи)[73] и при помощи мутовки сбивалось масло. Сбивание производилось 30—40 минут. Вначале появлялась пена, постепенно она превра-

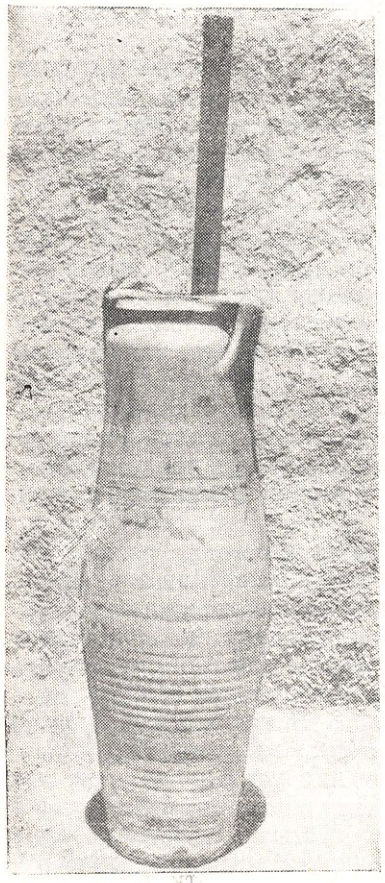
[70] О вооружении чабана и о значении его посоха см. Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 114.

[71] «Зардоб» (тадж. «зард») — желтый, «об» — вода.

[72] «Чакка» от таджикского корня «чак» — капать.

[73] Гуппи (маслобойка) бывают деревянные или глиняные, различных размеров. На один прием вмещается от 5 до 8—10 *л* разведенного чакка.

щалась в слой жира, называемый «маска», который вылавливался рукой и перекладывался в отдельную посуду. Оставшееся после выделения масла молоко (айран) кипятили и, разбавив солью, обратно вливали в касму, чтобы оттуда вытекла вода. Через несколько дней после сгущения его перекладывали в посуду. Из загустевшего айрана женщины делали небольшие шарики, а затем оставляли сохнуть, таким образом получался „курут“ (сушеный кисло-соленый сыр). Молочные продукты употреблялись исключительно на собственные нужды; для продажи они не вывозились.

Сосуд из жженной глины для сбивания масла (гуппи) с мутовкой (пишгак)

Несколько слов о верблюдоводстве. Верблюды в хозяйстве карлуков Кассанского, Пахтакорского и Алатского районов занимали видное место. У остальных карлуков они имелись в незначительном количестве.

На верблюдах перевозили тяжести, их использовали как тягловую силу при пахоте земли, запрягали на чигирное выкачивание воды из колодца, использовали для верховой езды, составляли караваны для торговли и т. д. Почти у всех карлукских семей (за исключением крайне бедных) было по одному и более верблюдов, а в зажиточных — до 10 голов. Богатые семьи имели до 200 верблюдов.

Имелось два вида верблюдов: одногорбые (қизил-туя)[74] и двугорбые (айри-туя)[75]. Одногорбые самки назывались «арвона», а самцы — «лӯк». Двугорбых верблюдов было немного. Их держали главным образом для скрещивания с одногорбыми, в результате чего получалась новая порода одногорбого верблюда, самец которого назывался «нар», а самка — «моя»[76].

Большое внимание уделяли получению верблюжьего приплода. Обычно матка приносит по одному верблюжонку через год. При этом новорожденный требует тщательного ухода; в зимний период его держат в теплом помещении и даже надевают на него специальные ватные или войлочные покрывала (попоны), называемые «жул». До одного года верблюжонка называли «бӯта», от одного до трех — «тайлок», верблюда трех-четырех лет называли «мажжи».

Верблюд для хозяйства карлуков являлся не только рабочим животным, но и давал молоко, шерсть, мясо. Дневной надой арвона доходил до 15 литров молока, моя — 10, айри — 1 литр. Продолжительность лактации 18 месяцев.

Из верблюжьего молока получали масло, а в летний период из него делали хорошо утоляющий жажду напиток «айрон» (у казахов, киргизов — «қумыс»).

Летом верблюды линяют, и в этот период хозяин рукой (не применяя никаких ножниц) снимает шерсть. Верблюд считался почитаемым животным, и потому его шерсть оберегали от всяких нечистот. Из верблюжьей шерсти ткали чакман (мужская зимняя верхняя одежда), дастурхан (скатерти), а также мешки для собирания кислого молока. Чакман и дастурхан из верблюжьей шерсти ни разу не стирались, что якобы было греховным делом. Верблюжье мясо употреблялось в пищу наряду с говядиной, бараниной и т. д.

В заключение следует отметить, что до революции скотоводство у карлуков было весьма отсталой отраслью. Полностью отсутствовали зоотехническая работа и ветеринарно-профилактический надзор за животными. Ежегодно тысячи голов скота заболевали или гибли от различных эпидемий и болезней. В результате общее поголовье скота карлуков неуклонно сокращалось, что в первую очередь отражалось на благосостоянии бедняцких хозяйств.

[74] Так называются эти верблюды за их светло-бурую (светло-коричневую) шерсть.

[75] В научной литературе одногорбых верблюдов принято называть «драмадер», а двугорбых — «бактриан».

[76] «Нар» и «моя» являлись крепкими, выносливыми гибридами, поэтому старались не допускать беспорядочной случки, чтобы не получать нежелательных гибридов. О гибридизации верблюдов и их названии на казахском, узбекском, туркменском языках см. Д. Н. Логофет, указ. соч., т. II, стр. 18—220; И. И. Лакоза, Верблюдоводство, М., Сельхозгиз, 1953, стр. 64—107.

РЕМЕСЛО И ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

Ремесло у карлуков в дореволюционный период было развито очень слабо. Ни один из кишлаков не специализировался на производстве тех или иных предметов. В некоторых карлукских кишлаках имелись небольшие кузницы, где производили кетмени (род мотыги с широким лезвием), ўрок (серп), нагал (подковы), подковывали лошадей, но в основном ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь. Мастера находились на содержании местных дехкан, которые платили кузнецам натурой или деньгами. Оплата обычно производилась в конце сельскохозяйственного года, если заказчик — житель другого кишлака, то оплата производилась деньгами сразу же после получения заказа. На рынок кузнецы ничего не производили.

Из домашних промыслов больше всего было развито ткачество. Ткали алача — окрашенные различными красками (преобладали красный цвет) материи из хлопчатобумажной пряжи, употребляемые для верхней одежды; каламi—полосатая хлопчатобумажная материя (синяя или красная полоса на белом фоне), идущая для мужской верхней одежды, она отличалась от алачи грубостью отделки; бязь—гладкая, белая с желтоватым оттенком, мягкая ткань для нижнего белья. Других видов хлопчатобумажных изделий кралуки не производили. Ткачество указанных видов изделий существовало только у тех карлуков, которые издавна сеяли хлопок[77]. Часть собираемого хлопка продавали, а часть оставляли для пряжи; ткали на ткацких станках, называемых «дўкон»[78].

Очистка хлопка от семян (чигит) производилась при помощи особого приспособления «ҳаложи»[79], состоящего из двух валиков со спиральными нарезами, вращающихся навстречу друг другу, установленными между двух вертикальных досок; последние прикреплялись к толстой доске, служащей основой для станка. Через такой станок женщины за неделю пропускали около двух пудов хлопка, из которого получалось 10,5 *кг* ваты и 21 *кг* семечек (чигит). Прядение ниток производилось на ручной прялке (чарх), которая широко применялась во всех уголках Средней Азии.

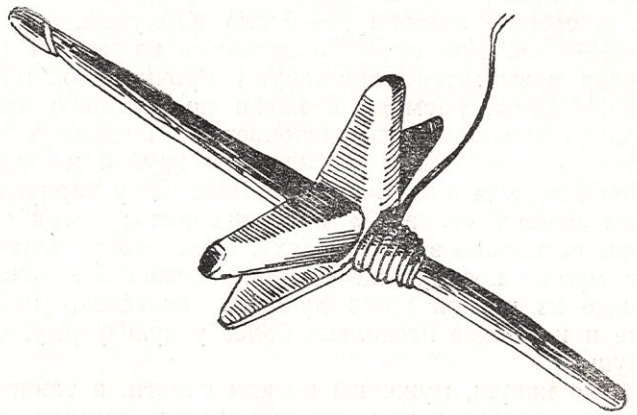
[77] Ткачество алача, калами и бязи существовало только у карлуков Пахтакорского и Галяассийского районов.

[78] Об устройстве ткацкого станка см. В. В. Радлов, Средняя Зеравшанская долина..., стр. 44.

[79] У жителей Ферганы такой станок назывался чиғрық или чоғрық (см. В. Наливкин и М. Наливкина, указ. соч., стр. 113).

Жители карлукских кишлаков Шурчинского и Сарыассийского районов специализировались на производстве пряжи, которую продавали на рынке или обменивали на алачу, калами, бязь и другие товары.

Карлуки Кассанского района, в хозяйстве которых немалую роль играло овцеводство, ткали шерстяную ткань (шол) для паласов (шол-гилям), широкие и узкие тесьмы для юрт (белпи, тезик, тормоқ, айил и т. д.), шерстяную материю для одежды (шерстяные шаровары, халаты—чакман),

Веретено (атанок)

для различных хозяйственных предметов (переметная сума—хўржун, сумка для посуды — осмоқ, для соли — туз халта, для кислого молока — косьма и др.). Шерстяную пряжу изготовляли на веретене (прялке) — «атанок». Пряслице веретена состоит из двух деревянных рогулек, соединенных в крестик и укрепленных на стержне. Рогульки называются «паррак», стержень — «дастак», нарезы на верхнем конце стержня для зацепки пряжи — «тиш». Такое веретено изготовлялось как мастерами, так и в каждой семье и нередко украшалось примитивной резьбой.

Пряжа на веретено сначала наматывалась поверх пряслица. Когда здесь накапливается достаточное количество пряжи, ее перематывают на вторую половину веретена, под пряслицем, а затем перематывают в большие круглые клубки.

На прялке работали только женщины. Мужчины пряли на «чиллик», представляющем собой две палочки, связанные крестом, обычно из тяжелого дерева. Мужчины пряли также на одной палочке (иптавлар), длиной 25—30 *см*.

Как на чиллике, так и на палочке пряли грубую пряжу, пригодную главным образом для шерстяных веревок, грубых шалей и т. д.

В каждом карлукском кишлаке были мастера (усто) по шитью обуви (этик-дўз, кавуш-дўз) и по ее ремонту (ямокчи). Женщины носили «кавуш» (полузакрытая кожаная обувь) двух видов: «расмаки» и «ноғаи». Расмаки — широкая обувь с плоским верхом, широким носком и средней высоты каблуком; делалась из зеленой[80] или желтой кустарной грубой кожи. Кавуш нўғаи[81] — с острым носком, узким верхом и средней высоты (4—5 *см*) каблуком, высота задника — 3—4 *см*. Кавуш нўғаи делалась из черной (и потому иногда называется қара-кавуш) прочной кожи лучшего качества. Кавуш, расмаки и ногаи по желанию заказчика украшались вышивкой из разноцветных шелковых ниток.

Мужчины носили малля кавуш из грубой желтой кожи, с широким верхом и задником, называемые у карлуков Шурчинского района «топатой» или «оғдорма»; носок этого вида обуви несколько загнут кверху. Более состоятельные карлуки и муллы носили еще кавуш, называемые «хаккори», сделанные из черной кожи лучшего качества, на низком каблуке и имеющие несколько более узкую форму, чем малля кавуш.

Помимо кавуш, мужчины носили сапоги, а также мўкки, чорық. Сапоги были нескольких видов: «малла этик» — грубые сапоги из коричневой или желтой кожи, на низком каблуке; «такаки»[82] — более легкого типа, сделанные из козьей шкуры, на высоком каблуке, задник украшался узором из шелковых ниток, носили их молодые состоятельные мужчины; «кал-ҳасани» — сапоги, сделанные из красной кожи сорта «булгари» (иначе они назывались «булгари этик»), с длинными голенищами, на высоком каблуке, задник вышивался золотыми нитками, узор назывался «гаждум»[83], носили их состоятельные люди во время спортивной игры «ўғлоқ» (козлодрание) или на праздники. «Ноғаи-этик» или «қара-этик» — сапоги из черной кожи (большей частью из хрома), на высоком каблуке, вошедшие в моду приблизительно с начала XX в.[84] «Мўкки» — вид обуви с короткими голенищами, загнутыми кверху носками, без каблуков, сделанные большей частью из грубой самодельной кожи. «Чорык» — грубый полуоткрытый вид обуви, сделанный из куска сыромятной кожи, по внешнему виду напоминает лапти. Малла-этик, мўкки, чорык — самые старинные виды обуви, носило их абсолютное большинство жителей карлукских кишлаков.

Чорык мог делать каждый, но кавуш, сапоги, мўкки шили мастера. Обычно они специализировались на шитье кавуш (кавуш-дўз) или сапог (этик-дўз), но были и такие, которые могли шить все виды обуви, а также чинить ее, хотя ремонтом занимались специальные сапожники. Мастера обуви имели своих легендарных покровителей. Например, пиром сапожников был Солих пайгамбар, а пиром мастеров по ремонту обуви — Бовои-шайхи порадўз. Считается, что могила его находится в Бухаре, у ворот Саллохона.

Орудия производства и предметы сапожных и кавушных мастеров были следующие: «чўптарош» — сапожный нож в виде стамески с плоским лезвием; «бигиз» — шило различных размеров; «сўзан» или «близки» — игла; «кажкорд» — полусогнутый железный инструмент для вырезывания кожи; «болға» — молоток, «кува» — железное приспособление для формовки каблука и прессовки кожи; «қолип» — колодки различных величин; «шончўп» — продолговатые (размером в 50—60 *см*) полукруглые бруски для голенищ; «пона» — клинья для раздвижения шончўп, после того как последний вставляется в голенище; «тасма» — ремешок для вытаскивания колодки из сапога, на конце этого ремешка прикреплен железный крючок (илмок); «тизгар» — узкий ремешок для прижатия кожи на коленях во время шитья; «пеш-тахта» — доска для раскройки обуви; «кунда» — круглый деревянный чурбак для прессовки кожи, «курси» — табуретка для сидения; «андоз» — выкройки для верха и задника, а также голенища разных размеров; «мум» — воск белого и черного цветов; «шириш» — клей.

Для хозяйственных нужд карлуки производили войлок (кигиз или намат). Прежде чем приступить к катанью войлока, необходимо было отобрать шерсть одного цвета, затем, ударяя тонким прутиком (савачўп), разбивать шерсть.

[80] Кўксаур или кемех — зеленая кожа, вырабатываемая из лошадиной шкуры. Сами карлуки ее не производили, а приобретали на рынке.

[81] Карлуки Шурчинского района называют этот кавуш «зангори»; передок его украшался шелковыми нитками и кисточкой, а задник — золотыми нитками.

[82] Такаки — букв. «кожа для подошвы».

[83] Гаждум — тадж. скорпион. Вышитый узор на заднике этого фасона сапог в самом деле имел вид скорпиона.

[84] Ногаями в Средней Азии называли татар. Видимо, с приходом татар было связано ношение кожаных галош — кавуш — и сапог указанных фасонов (высокий узкий каблук и задник, узкий носок, подошвы не выворачивались и не пришивались, как у местной обуви, а прикреплялись деревянными гвоздями).

Когда нужное количество шерсти было заготовлено, выбирали ровное место во дворе, стелили бердан (бўйро), поверх — шерстяное полотнище, и на него равномерно расстилали шерсть; затем выкладывали узоры из окрашенной шерсти и брызгали горячей водой. После этого шерсть вместе с полотнищем туго сворачивали в валик и завязывали шнурками. Две или три женщины валяли скат до тех пор, пока войлок не приобретал некоторую плотность. Затем скат развязывали, брызгали опять горячей водой и дальнейшие операции переходили в руки мужчин. Они снова сворачивали войлок, некоторое время валяли и затем били об бревно или плужное ярмо[85], специально установленное для того, чтобы окончательно уплотнить войлок[86]. Длина кошмы составляла от 2—2,5 до 5—6 *м*, ширина — от 1,5 до 3 *м*, вес от 8—10 до 20—25 *кг*.

Во всех карлукских кишлаках имелось по 2—3 и более маслобоек (джувоз) и мельница (тегирмон). Оборудование маслобойки состояло из большой ступы, выдолбленной из целого дерева, вышиной около 3 *м*, наполовину врытой в землю. Пестом служило бревно (ўқ), один конец которого заострен, и к песту в горизонтальном положении прикреплялась палка; в месте ее прикрепления для тяжести привязывался камень. Другим концом палка привязывалась к лошади, которая ходила кругом ступы, вращая таким образом пест. Управлял ею рабочий, который, идя вслед за лошадью, рукой разминал семена, подбрасывая их под пест. Выжатое масло оставалось в ступе, откуда его периодически вычерпывали.

Для маслобойки устраивалось особое помещение (джувозхона), с углубленным полом, так как иначе пришлось бы возводить высокие стены. Работали в маслобойке в большинстве случаев наемные рабочие, получая 1/5 часть выработки натурой. Основным сырьем для выделки масла служили семена хлопка (чигит), льна (зиғир), кунжута и дыни. В один прием закладывалась смесь, состоявшая из 2 *кг* хлопковых, дынных семян или столько же льняных и 8 *кг* кунжута; из этого количества семян получали 3,5 *кг* растительного масла и около 8,5 *кг* жмыха.

[85] Ярмо устанавливалось на землю, по четырем отверстиям его забивали колышки, чтобы оно не шаталось во время работы.

[86] Ср. со способом изготовления войлока у казахов Приаралья и узбеков Хорезмской области (см. «Материалы обследования кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинской области», вып. I, Ташкент, 1915, стр. 195 и 295), а также туркмен (см. Г. П. Васильева, Туркмены-нухурли, ТИЭ, новая серия, т. XXI, стр. 122—123).

Маслобойка обрабатывала в день три закладки семян. Заказы принимались от жителей как своего кишлака, так и соседних. Оплата производилась натурой. Если заказчик давал все указанные выше продукты и предоставлял свою лошадь, то в пользу хозяина маслобойки оставалась 1/5 часть выработки и весь жмых. Если заказчик не в состоянии был дать лошадь, то взимались 2/5 части масла и половина жмыха.

У карлуков имелись мельницы как водяные, так и работающие на тягловой силе (каш-каш). Пропускная способность водяной мельницы была до 40 пудов зерна в день, а мельниц, работающих на тягловой силе, — до 8—10 пудов. Мельницы находились во владении частных лиц. Из привезенного на помол зерна в пользу мельника взималась 1/8 — 1/10 часть зерна или муки. Помещение мельницы и маслобойки считалось ритуально чистым, осквернить его — значило совершить большой грех.

Из всего сказанного видно, что ремесленное производство у карлуков находилось в зачаточной стадии и имело низкую производительность, едва удовлетворяя потребности кишлака.

ОХОТА

Охота являлась дополнительным занятием в хозяйстве карлуков. Охотники (авчи) встречались среди тех карлуков, которые вплоть до коллективизации были еще полукочевыми. Охотились в одиночку и группами.

Охота велась при помощи борзых собак (този)[87], капканов, фитильных ружей с подсошником[88] (шохли-милтык), дубинки (калтак или таёқ) и силков (тузоқ) на птиц.

Охотились на диких коз (кийик), лисиц (тулки), волков (бўри), зайцев (қуён), в горных местностях — на архаров (горный баран), медведей (айиқ); из птиц — на фазанов (ёвойи товуқ или тус товуқ), уток (ўрдак), горных куропаток (каклик), степных куропаток (қорабағыр) и др. Охота производилась в основном в конце лета и осенью.

Укажем лишь на те способы, которые имеют пережиточ-

[87] О среднеазиатской породе собак см. М. Е. Массон, К истории охотничьих собак Средней Азии, Труды САГУ, 1956, Новая серия, вып. XXXI, стр. 148—155.

[88] Фитильное ружье, по данным В. Наливкина («Особенности охоты у туземцев Туркестанского края», журн. «Природа и охота», июнь 1891 г., стр. 72), появилось в Средней Азии в середине XVIII в., а по данным М. С. Андреева («Таджики долины Хуф», вып. II, стр. 229—230), оно проникает несколько раньше.

ный характер. Таковыми, на наш взгляд, является верховая и коллективная охота.

Карлук, вооружившись дубинкой, верхом на лошади отправлялся на охоту. Заметив козу, охотник пускался галопом за добычей и продолжал погоню до тех пор, пока уставшее животное не остановится. Догнав козу, охотник наносил ей сильный удар дубинкой.

В коллективной охоте на диких коз у карлуков Шурчинского района участвовало 15—20 человек. Заранее определив место охоты, несколько человек подымались в горы, а остальные оставались внизу, заняв позиции полукругом и прячась за кустами. Поднявшиеся в горы охотники криками и ударами палок вспугивали коз, которые бежали вниз, где их ждали в засаде охотники. Когда козы приближались к засаде, охотники оглушали их ударами дубинок. Затем переходили на другое место. Таким образом, если охота проходила удачно, добывали 10—15 и более коз. Добыча разделялась поровну между участниками охоты. Как верховая, так и коллективная охота несомненно являются пережитком древних способов ведения охоты.

При ведении охоты на зверей и птиц существовали определенные религиозные ограничения[89]. В частности, собака дрессировалась таким образом, что поймав зверя или птицу, она наносила своей добыче кровоточащую рану, без этого добыча считалась харом (нечистой, недозволенной для пищи). Спуская собаку, охотник обязательно должен науськать ее, что являлось как бы доказательством того, что собака погналась за добычей не по своей воле, а по воле хозяина, в противном случае добыча считалась также харом. Добыча считалась также харом, если зверь или птица были задавлены или убиты ударом тупого оружия; обязательно должна была быть спущена кровь из раны, нанесенной острым оружием (ножом, стрелой, огнестрельным оружием). Вот почему охотники, вооружившись дубинками, только оглушали добычу, а затем перерезали горло, спуская кровь.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

У полукочевых карлуков средством передвижения служили верблюд (туя), лошадь (от), осел (эшак).

Верблюд как вьючное животное использовался в хозяйстве карлуков очень широко. На нем перевозили все виды тяжелых грузов. Самым выносливым верблюдом считается нар-туя, который на дальнее расстояние может везти 300—350 *кг* груза, а на ближнее — до 600 *кг*. На втором месте по грузоподъемности стоит лӯк, который на дальнее расстояние может везти 200—250 *кг*, а на ближнее — 350—400 *кг* груза[90].

Для перевозки грузов на спины верблюдов ставились вьючные седла (жаҳоз). Седло, применявшееся карлуками для одногорбых верблюдов, отличается от казахского и имеет сходство с туркменским вьючным седлом[91]. Вьючное седло двугорбого верблюда такое же, как и у казахов[92]. Вьючное седло одногорбого верблюда состоит из двух сшитых подушек (ястық) размером 70×100 *см*, которые набивались пшеничной соломой; подкладка для такой подушки делалась из поношенного ватного халата или одеяла, а верхняя часть — из шерстяной мешковины. Спереди подушек прикрепляется деревянная дуга, называемая «хатап», а сзади вертикально — две палочки (диаметром 2—3 *см*, длина около 30 *см*), называемые «чӯм-чӯп». Как хатап, так и чӯм-чӯп придают устойчивость подушкам. Переднюю и заднюю луки соединяют двумя палками (ён-чӯп) длиной 110 *см*, диаметром 4—5 *см*, которые прижимают подушки неподвижно к телу верблюда. К этим палкам прикрепляются две шерстяных тесьмы — подбрюшники (айил). При перевозке груза под хвост верблюда проводится веревка (қуюшқун — подхвостник). Оба конца этой веревки прикрепляются к вьючному седлу. Сверху вьючное седло покрывается шерстяной мешковиной, называемой «жаҳаз-пӯш».

Для управления верблюдом используется недоуздок (нӯхта), к которому прикрепляются поводья (ип). На щечной части недоуздок с двух сторон прикрепляется двумя металлическими скобками (ақраб), острые зубцы которых впиваются в скулы верблюда.

Крупные карлукские баи для караванной торговли держали по 10—15 рабочих верблюдов. Во главе каравана стоял один из родственников бая (карвон баши). Традиционными караванными путями были Бухара—Самарканд, Карши—Шахрисябз—Гиссар—Куляб. Карлукские караваны направлялись также в Фергану и даже в Кашгар.

[89] Г. Саблуков, Перевод Корана, Казань, 1807, глава 5, стихи (сура) 4—6; В. Наливкин, указ. статья, журн. «Природа и охота», июль 1891 г., стр. 60—81; М. Е. Массон, указ. статья, Труды САГУ, Новая серия, вып. XXXI, стр. 151—152.

[90] Большой тюк, в 100—120 *кг*, накладываемый на один бок верблюда, называется «той», а небольшой тюк, накладываемый поверх двух боковых тюков, — «каллаки».

[91] И. И. Лакоза, указ. соч., стр. 260—270.

[92] Там же.

Дальние переходы были сопряжены с путешествием через горные местности и безводные пустыни. Нередко на караваны совершали нападения разбойничьи шайки. В таких случаях караваны сопровождались даже специальной охраной.

Обычно для торговли на дальние расстояния составлялся караван из 60—70 верблюдов, принадлежавших нескольким баям. Караван состоял из отдельных звеньев по 3—6 верблюдов. На каждое звено назначался один погонщик (туячи). Если погонщик был опытным, то к его имени прибавлялось слово «карвон», например, «Матти-карвон», «Жўра-карвон», «Панжи-карвон» и т. д. Это было как бы профессиональное отличие, особо подчеркивающее его умение водить верблюдов и многолетний трудовой опыт.

Перед тем как отправиться в путь, верблюды подвергались тщательному осмотру, прилаживались вьючные седла, подвешивались колокольчики. Головным или направляющим ставился верблюд из породы нар. Крупные баи не нагружали головного верблюда грузом и нередко украшали его: седло покрывали красным шерстяным покрывалом (жохозпўш), окаймленным бахромой и кистями (пўпак). Кистью украшался и его недоуздок, на шею подвешивался на кожаном ремне большой колокол — «дўм-дўм»[93], ниже (на груди) — несколько меньший по размеру колокол — «тўқур», на суставы передних ног подвешивалось на тонкой шерстяной тесьме по пять небольших бубенчиков — «тизгир».

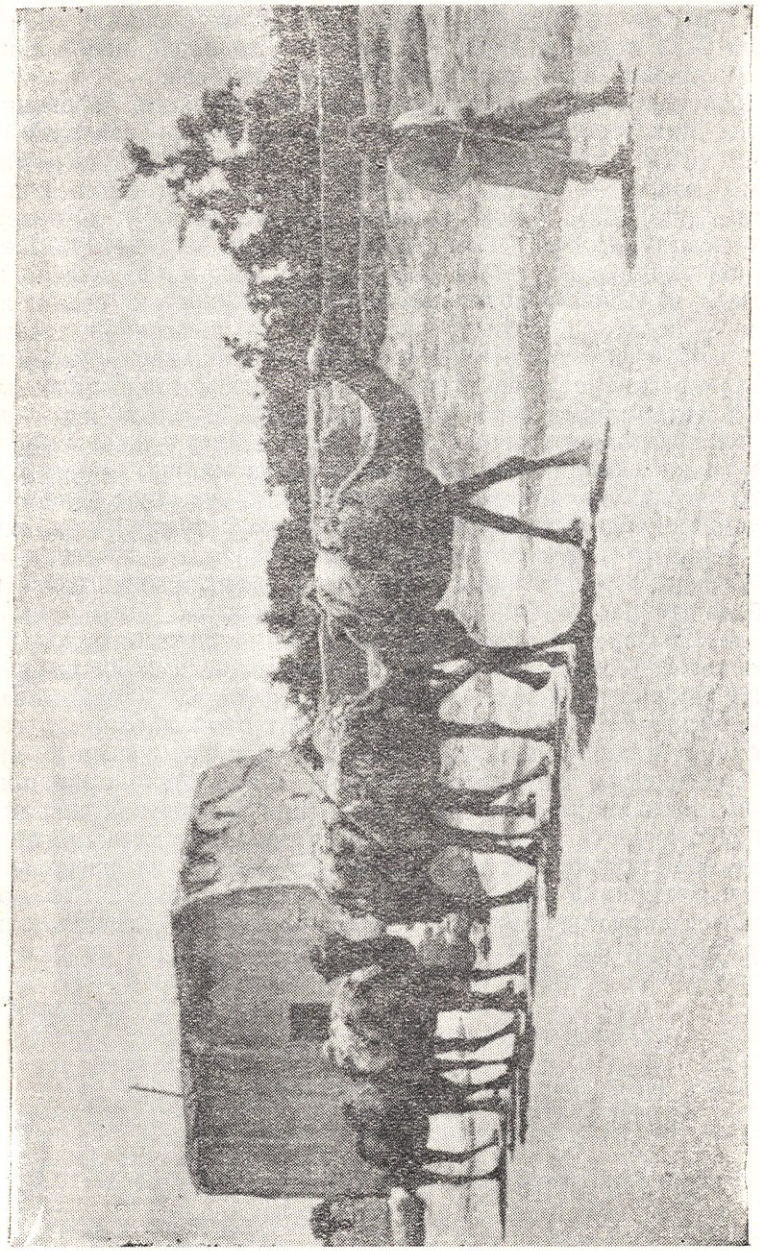
Замыкающим верблюдом обычно ставился лўк, на груди которого подвешивался колокол — «тўсай»[94], а под ушами по одному колокольчику — «чакка-қўнғироқ», что означает «колокол у виска». На шеях остальных верблюдов подвешивалось по одному небольшому колокольчику.

Верблюды часто использовались и для верховой езды, при этом они обязательно должны были быть навьюченными. Для перевозки женщин употреблялись специальные ящики — «кажава». Для невест имелись крытые кажава (соявон) с вышитыми занавесками (парда)[95].

[93] Колокол дўм-дўм издавал глухой, но сильный звук, оповещающий о приближении каравана к какому-либо населенному пункту; при переходе местности, не имеющей населенных пунктов, он снимался.

[94] Колокол тўсай был очень звонкий, его звон означал целость каравана. Если отрывался повод одного из верблюдов, идущих в цепи задние верблюды могли остановиться и тўсай перестал бы звонить, в этом случае погонщик догадался бы о случившемся.

[95] Кажава, видимо, очень древнего происхождения. Еще Махмуд Кашгарский (XI в.) говорил о «дадак кажаве», в котором при переезде возили женщин-невест (Диван лугат ат-тюрк), т. I, стр. 351.

Караван верблюдов

Лошадь больше всего использовалась для верховой езды. Богатые карлукские баи в этих целях специально держали 2—3 лошади. Бедняки, имевшие лошадей, использовали их прежде всего на хозяйственных работах.

Конское седло (эгар) состояло из высокого деревянного ленчика (основа) — «пушт» с высокой передней лукой— «қош». Вся деревянная часть седла обтягивалась сыромятным живцом — «пай». На спину лошади под седло клали потник (терлик), кусок мягкого войлока (черик), а поверх них попону (джул). Последняя делалась из цветной шерстяной ткани и по краям окаймлялась бахромой, обычно на мягкой войлочной подкладке. Принадлежностью седла являлись подпруга (айил), сделанная из шерстяной тесьмы шириной 4—5 *см,* которая нередко украшалась узорами, металлические стремена (узанги) и мягкое покрывало для седла (эгар-пӯш). Узда (юган) делалась из кожи и состояла из суголовного ремня (бош қайиш), двух щечных ремней (чакка қайиш), налобника (пешона қайиш), подгоняющего ремня, служившего для удержания узды от спадания с головы лошади (бӯғузак), намордника (тумшуқ қайиш), удил (сувлық) и поводов (джилав).

Лошадь нередко использовалась и для перевозки груза на небольшие расстояния. Она могла нести вьюк весом примерно до 120 *кг.* Для перевозки груза применялось специальное вьючное седло (джул тӯкум), сделанное из нескольких слоев войлока; оно представляло собой вид толстого покрывала, покрывающего всю спину лошади. Все принадлежности седловки лошади, кроме джул-токума, покупались на рынке.

Постоянным спутником пастуха (чабана), караванщика и крестьянина был осел. Его использовали как для верховой езды, так и для перевозки грузов. Для осла применялось специальное седло (тӯкум), сделанное из нескольких слоев войлока и мешковин; снизу подкладывались две войлочные подушки (ястык). Седло для ослов делали сами карлуки.

Глава III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ЖИЛИЩЕ И ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Типы жилищ у карлуков в конце XIX и в начале XX в. различались в зависимости от места поселения и хозяйственной деятельности. Те карлуки, которые издавна вели оседлое земледельческое хозяйство в долине Зеравшана, более или менее богатой древесной растительностью, имели дома, построенные на деревянном каркасе, заимствованные у древних жителей долины. А карлуки, расселившиеся в Каршинской степи и на южных склонах Гиссарского хребта и занимавшиеся смешанным хозяйством, жили в переносных войлочных юртах, капа (жилище из вкопанных в землю жердей, крытых войлоком)[1] и глинобитных домах, вошедших в обиход у этих карлуков не так давно.

Самым древним видом жилища у карлуков и у других тюркоязычных племен является войлочная юрта. Упоминание о ней встречается еще в VIII в. н. э. в надписях Селенгинского камня[2].

Арабский географ Якуби (IX в.) писал, что у тюркских народов нет «селений и укреплений», что они живут «только в тюркских ребристых шатрах, в которых вместо гвоздей ремни из шкур животных и коров и которые покрыты войлоком»[3]. О существовании юрт у карлуков говорится и в «Худуд-ал-алем» (X в.)[4].

Юрта, капа и другие подобного типа жилища у многих

---

[1] Капа как тип жилища бытует и по настоящее время у карлуков Шурчинского района и у карлуков Южного Таджикистана (Б. Х. Кармышева, Жилища узбеков племени карлук..., ИООН АН ТаджССР, № 10—11, стр. 25—32).

[2] Г. И. Рамстедт, Перевод надписи Селенгинского камня, стр. 44—45.

[3] МИТТ, стр. 149—150.

[4] Худуд-ал-алем, л. 18б.

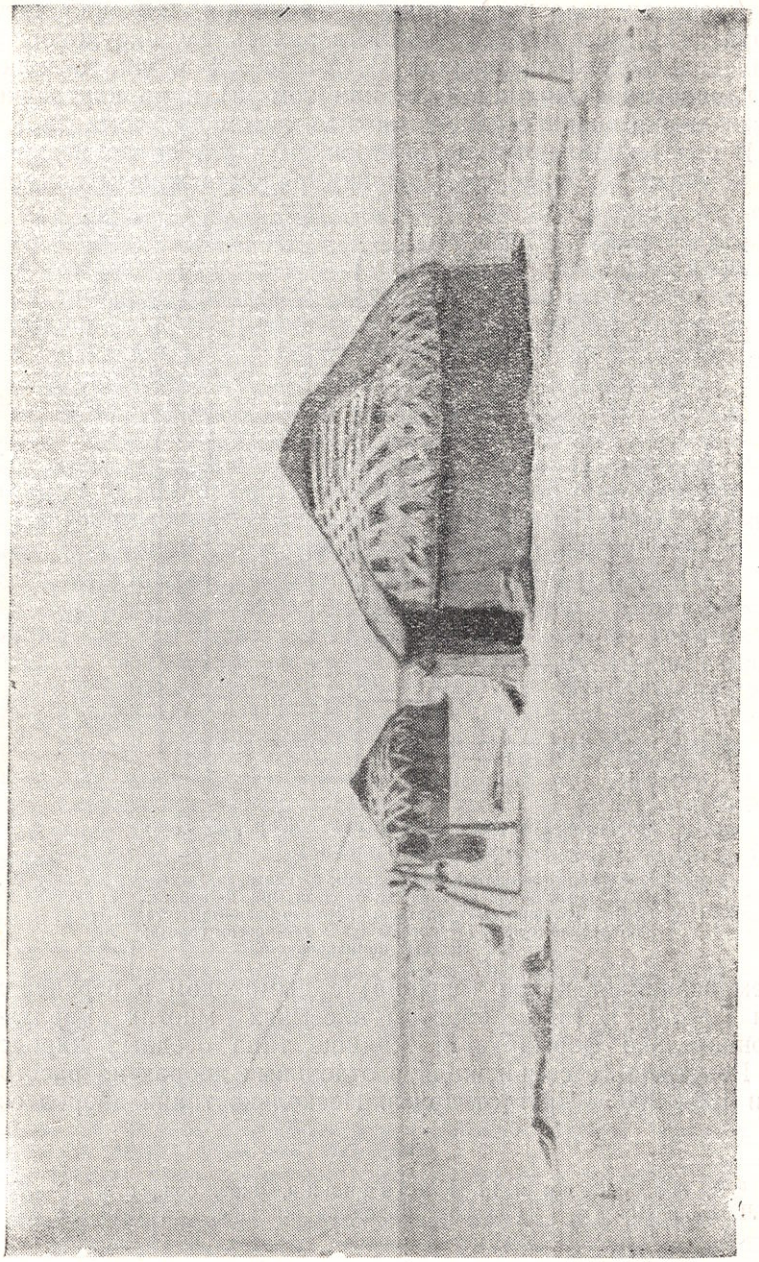
полуоседлых кочевых племен и народов являлись основным жилищем вплоть до революции[5], а у некоторых из них, в частности у карлуков,— до коллективизации сельского хозяйства в СССР. В настоящее время юрты используются в качестве временного жилища для скотоводов, работающих на степных и горных пастбищах.

В прошлом карлуки предпочитали юрту глинобитному дому. По обычаю каждый, кто собирался жениться, обязан был сначала приобрести юрту или капа, иначе родители невесты не выдавали замуж свою дочь, считая такого человека бездомным. Зачастую бывало так, что бай на свои средства приобретал юрту для зятя из бедной семьи. За это последний должен был трудиться на него бесплатно в течение нескольких лет, а нередко и всю жизнь.

Зимой полуоседлые карлуки жили в кишлаках. Нынешние кишлаки карлуков в Кассанском, Шурчинском районах возникли приблизительно в середине XVIII в., а в Сарыассийском районе гораздо позже. Первоначально здесь находились зимние становища карлуков; постепенно отдельные семьи огораживали свои становища глинобитными стенами. Таким образом, эти кишлаки состояли из многочисленных, огороженных глинобитными стенами дворов, во внутренней части которых имелись различные помещения: «молхона» — помещение для скота; «от-хона» — помещение для лошадей; «тезак-хона» — помещение для хранения сухого помета верблюдов (қумалок), ослов (тезак), овец (қий), являющегося топливом для карлукского очага; «қўтан-хона» — полукрытое помещение для мелкого рогатого скота; «самон-хона» — помещение для хранения мелкой соломы, идущей на корм скоту; «ғалла-хона» или амбар-зернохранилище; «хўра» — скирда из верблюжьей колючки, полыни и других растений, идущих на корм мелкому скоту и верблюдам в зимний период; во дворе зимой помещались также юрты — «ўй» или «қара-ўй». В таком дворе обычно жила большая семья, состоявшая из отца и женатых сыновей, в некоторых случаях и братьев главы данной семьи. Пользовались общим семейным котлом. В одном таком дворе можно было наблюдать от 2 до 5—6 юрт или капа.

В конце XIX в. в каждом семейном дворе возникали глинобитные жилые помещения в виде меҳмон-хона — гостиной, в дальнейшем, с возникновением меҳмон-хоны двор

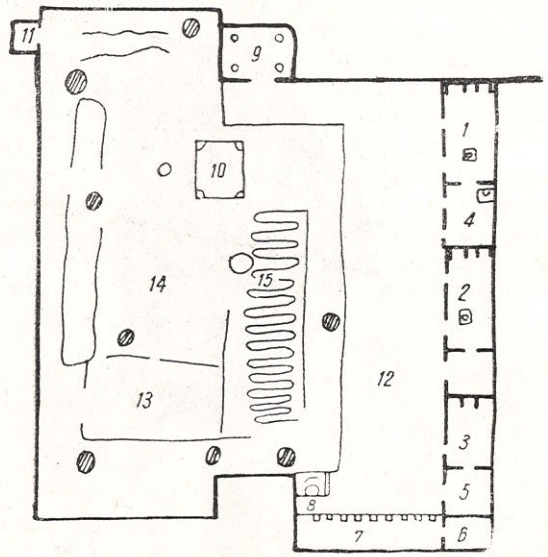
[5] Юрта как основной вид жилища имелась у многих кочевых и полукочевых народов и племен Средней Азии и Южной Сибири — туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, башкир, алтайцев, тувинцев, монголов и у горных таджиков.

Юрты на летовке

разделялся на две части: ичкари — внутренняя часть двора (женская половина), ташқори—внешняя, мужская часть двора, что, несомненно, заимствовалось у окружающего земледельческого населения[6]. В начале XX в. уже возникает глинобитное жилище (том или том-ўй) и во внутренней части двора, вначале однокомнатное, затем двухкомнатное.

В советский период во внутренней части двора возникают комнаты с коридором (дахлиз), рядом с жилым помеще-

План карлукского двора (сел. Карлук Пахтакорского района):

1—3—жилые комнаты; *4—5*—дахлиз; *6*—кладовая, *7*—терраска; *8*—печь для печения хлеба (тандыр); *9*—ворота; *10*—виноградник; *11*—туалетная; *12*—возвышенные места для сидения (суфа); *13*—посевы лука: *14*—посевы гороха; *15*—посевы помидоров

нием возникает кухня (ошхона) с дымоходом в верхней части (мўри), и таким образом в семьях многих карлуков окончательно формируется жилище типа оседлых народов.

Родственные семьи жили в отдельных дворах на расстоянии 100—200 *м* друг от друга. Несколько таких дворов составляли определенный квартал кишлака[7]. Земельные участки были огорожены глинобитными стенами, называемыми «ҳаят», и являлись собственностью каждой семьи. Сообщение с соседними дворами шло по кривым улицам, по краям которых тянулись длинные пахсовые стены. Большинство селений, как например, кишлак Қаллык Қассанского района, состояло из двух частей: большая часть называлась Қатта-кишлоқ, меньшая — Қичик-кишлоқ.

Карлукская юрта (ўй) состояла из деревянной части—остова (ўйни-суяги, букв. — кость юрты), крытого войлоком (кигиз); юрта скреплялась тесьмами различной ширины, шерстяными веревками и шнурками. Остов юрты состоял из складных решеток (керага), образующих стены юрты; каждая решетка в отдельности называется канат (крыло). Высота решетки — 1,2 *м*, палки ее скреплялись сыромятными ремнями из верблюжьей кожи (ўйни-кўки). Верхние кромки решеток стягивались узорчатой тесьмой — «белпи» (у карлуков Шурчинского района — «боғиш»), ширина которой 20—30 *см*, а длина равняется окружности юрты. Снаружи решетки обносились камышовыми циновками (чиғ), обтянутыми шерстяной узорчатой лентой (айил) шириной 8—10 *см*. Оба конца круга из решеток прикреплялись к боковым стенкам дверного косяка — «соя» (у карлуков Шурчинского района — «ён-дари»), нижняя часть которого называется «бўсаға», а верхняя — «турди». Дверь юрты (эшик) представляла собой двустворчатую решетку, запирающуюся с помощью шнурка, с привязанной к концу палочкой — «калит» (ключ). Кроме решеточной двери, дверной проем закрывался занавеской (эшик), состоящей из войлока (кигиз), сверху покрытого паласом (шол), а снизу подбитого бумажной материей. Занавеска приготовлялась в доме невесты; при установке свадебной юрты ее присылали в дом жениха. Обе стороны занавески украшались разнообразными узорами. В теплое время занавеска обычно свертывалась и привязывалась над входом в юрту.

Каркас перекрытия юрты состоял из 48 гнутых жердей—«уғ» или «увуғ» — и четырех укороченных жердей — «етим уғ»[8]. Всего в одной юрте 52 жерди[9]. Длина жерди — 1,7 *м*,

[6] В. Наливкин и М. Наливкина, указ. соч., стр. 12—75. В. Л. Воронина, Узбекское народное жилище, СЭ, 1949, № 2, стр. 59—82.

[7] По квалификации Н. А. Кислякова, такое расположение дворов родовых кварталов совпадает с третьим типом кишлака у горных таджиков (см. «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло», М.—Л., 1936, стр. 100—102).

[8] Нижняя часть «етим уғ» прикреплялась не к верхнему краю решетки, как другие жерди, а к верхней части дверного косяка, возвышающегося над верхним краем решетки (поэтому они короче).

[9] Количество уғ, а также количество решеток (керага) в юртах за-

толщина — 3—4 *см*. Жерди связывались шерстяной лентой (ширина 4—5 *см*), называемой «тизик» или «тизма». Нижняя часть жердей имела изгиб и привязывалась к верхней части решетки при помощи шерстяной ленты (2 *см* ширины), называемой «уғ-бов», а верхние концы вставлялись в отверстия деревянного обода — «чилдир» (а у карлуков Шурчинского района — «чанғароқ»), диаметр которого 1,75—1,80 м. Чилдир состоял из двух кругов — «қасқоқ», соединенных деревянной связкой или скрепленных шерстяными нитками. Сверху чилдира находились три связки гнутых прутьев (чамбарок), каждая из них состояла из трех прутьев.

Снаружи юрта покрывалась семью кусками войлока различной величины. Два больших куска, вырезанных в форме широкого полукольца, называемых «узук», накидывались на верхнюю часть юрты; одним из них покрывалась задняя часть юрты (орқа уст), другим — передняя (олди уст). Сверху «узук» обтягивали шестью белыми тесьмами — «кўзаноқ» или «тортмок» (у карлуков Шурчинского района — «тоғобча»), шириной 4—5 *см*. Тесьма прикреплялась к толстой веревке (белдав). Концы тесьмы образовывали (спереди и по бокам юрты) рисунок в виде креста. Во внутренней части юрты имелись такие же тесьмы, только красного цвета. Для покрытия макушки юрты (поверх чилдира) имелась четырехугольная кошма (тўйнюк), по углам которой прикреплялись длинные толстые веревки (тўйнюк-бов). С их помощью открывалось и закрывалось отверстие в верхней части юрты (тўйнюк). С четырех сторон юрта (по кругу) покрывалась четырьмя кусками войлока (ён-кигиз — боковые кошмы), у карлуков Шурчинского района они называются «тувалық». Ён кигиз летом убирались, а зимой покрывали юрту поверх чия. Нижняя часть юрты снаружи засыпалась землей для отвода воды, стекающей с кошмы.

Поверх ён-кигизов натягивалась веревка по кругу юрты (белдав), нижняя часть узука прикреплялась к белдаву двумя белыми тесьмами (қўш аяк). Вся юрта дополнительно прикреплялась к земле веревками (оширма), перброшенными через юрту, и привязывалась к кольям — оттяжкам.

висело от величины юрты. Юрта небольшого размера, диаметром в 4,2 *м*, состоит из 4 решеток, а большая — из 6 решеток. В соответствии с этим в карлукских юртах насчитывалось от 48 до 56 уғ. Юрты из одноэтажных решеток называются «ер-қанат». Были юрты и двухэтажные (кўш-қанат), из 8 решеток (қанат): 4 устанавливались на земле, а остальные 4 укреплялись поверх первых четырех. Такой способ установки решеток делал юрту более высокой. Уғ в них вставлялось столько же, сколько у обыкновенных юрт. В прошлом ими пользовались богатые карлукские баи.

Для молодоженов устанавливали юрту из белого войлока (ок ўй), за неимением белого войлока нередко поверх серых войлоков нашивали белое кустарное или фабричное полотно. Войлок делали сами, а остов приобретали на рынке. Со временем войлочный покров чернел от копоти и пыли и потому старую юрту называли «қара ўй» (черная юрта). Кошмы через 10—15 лет заменяли новыми, но уже серого цвета, а не белого, как это делалось для молодоженов. Бедные семьи не имели возможности сменять кошмы и потому ограничивались ремонтом войлочного покрова.

У карлуков считалось, что приобретенная при женитьбе юрта должна служить до конца жизни, юрту меняли только при повторной женитьбе. Иметь юрту — значит иметь жену. Поэтому, если хотели оскорбить карлука, говорили «Ўйинг кўйсин» — «Пусть сгорит твоя юрта». Это относилось не к юрте, а собственно к жене хозяина, и в переносном смысле означало: «Пусть умрет твоя жена». Подобное событие считалось самым тяжелым в жизни карлука: от него уходит его опора — жена и, следовательно, у него не будет и юрты. Все это, несомненно, говорит о пережитках матриархата, когда женщина являлась владетельницей домашнего очага.

При повторной женитьбе устанавливали новую юрту, но ее покров (войлок) не принято было делать белым, как при первой женитьбе, а серым или темно-серым. Но если богатые карлуки женились во второй и третий раз и все жены были живы, то для каждой из них устанавливали «ок ўй» (белую юрту), а в случае женитьбы на вдове или после смерти одной из жен новая юрта покрывалась серой или темно-серой кошмой.

Устанавливали и собирали юрту женщины. Перевозилась юрта на двух верблюдах. На одного из них грузили собранную юрту, на другого — имущество и утварь. Женщины кроили также все необходимые части войлока и обшивали их тесьмой, пришивали веревки. Одна женщина могла управиться с этим делом в течение двух дней, занимаясь одновременно и семейными делами.

Юрта у карлуков ставилась дверью на юг[10]. На расстоянии одного метра, несколько левее от входа, устраивался очаг в виде ямы овальной формы, обведенной глинобитными бортиками с трех сторон, с отверстием на восток. Сразу налево от входа (между очагом и стенкой юрты) устанав-

[10] Такая ориентировка юрты в прошлом была характерна для монголов (XIII в.). См. «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука, М., 1957, стр. 92.

ливалась ручная мельница (ярғичок), далее, вдоль западной стенки юрты, располагались хозяйственные предметы — различная посуда[11] (идиш), котел (қазон). На стены этой же части юрты вешали «осмоқ» — мешки из полосатой шерстяной материи, куда клали «сусоқ» — деревянный половник большого размера с длинной ручкой, «қошиқ» — деревянная ложка с удлиненной ручкой, «капкир» — шумовка. Рядом висели мешки для хранения хлеба — «нон-халта». Указанные мешки, как и скатерти, на которые клали хлебные лепешки и пищу при еде,— «дастархон», делались из верблюжьей шерсти и никогда не стирались, а хранимые в них предметы и продукты считались «ҳалол» — чистыми На той же стене висел небольшой шерстяной мешок для хранения соли — «туз-халта»[12]. Края всех указанных мешков сплетались тесьмой из 4—8 пар ниток в «елочку», такое плетение называлось «чалма» (от слова «чолиш» — сплетать). В летнее время на этой части юрты находились и «касьма»— мешок для хранения кислого молока, горшки (хурма), крынки (кувача) различных размеров для молока и масла, а также большой сосуд (кўза) и маленький (тумча) для хранения воды. Все указанные сосуды были глиняными и приобретались на базарах.

Прямо от входа, в глубине юрты находилось почетное место — «тўр», куда усаживали гостей, а при отсутствии их сидели члены семьи, причем у самой стенки (на почетном месте «тўр») сидел глава семьи. Когда невеста приходила в юрту жениха, в этой части юрты вешалась занавеска (чимильдык) и здесь в течение 40 дней (чилла) помещались в ночное время молодожены. Обычно же в этой части юрты стелилась постель для всех членов семьи. Постелью у карлуков служили бараньи и козьи шкуры. Укрывались одеялами, сделанными из указанных шкур, или же паласами (шол). Ситцевые стеганые одеяла встречались очень редко и считались большой роскошью. На стенки этой части юрты вывешивались квадратные или прямоугольные мешки не-

[11] Столовая посуда карлуков Кассанского района дореволюционного периода была деревянной. Основные виды посуды: «чўп-товоқ» (чаша), в которой подносились все виды кушанья; «чўп-коса» (чаша меньшего размера), из которой пили воду, молоко, давали пищу детям и т. д.; «карсан» — большая деревянная посуда, из которой обычно ели несколько человек сразу. Других видов посуды в большинстве карлукских семей не было. Они могли встречаться в редких случаях в байских семьях. Приобретение чайника и пиал из фарфора считалось роскошью.

[12] Туз-халта, иначе называется «тузлуқ», делается из грубой шерстяной материи, идущей на мешки. Длина в среднем 26 *см*, ширина 18 *см*; вмещается в нем около 3 *кг* соли.

большого размера (45×35) — «ойна-халта»[13] (букв. — мешок для хранения зеркала). Прежде их делали исключительно из шерсти, украшая вышитым узором (кўчқорак) бараньи рога, позже из многочисленных небольших четырехугольных (иногда и треугольных) лоскутков разноцветной бумажной материи. Такие мозаичные изделия назывались «қуроқ» и применялись при изготовлении наволочек для подушек (ястиқ)[14], верха одеял (кўрпа).

Вправо от входа на специальной глиняной подставке — «лойдон»[15], в летнее время — и на глиняном «сандали»[16], складывалась постель, завернутая в трехугольную ковровую шаль (бўғжома)[17]. На такой же подставке устанавливался высокий ковровый мешок для хранения одежды—«қарчин» (у карлуков Сарыассийского и Шурчинского районов, — «мапрач»)[18] размером 1,10×75—95 *см*. Қарчин обязательно должен был быть из ворсового ковра — «джулхырс» (букв. — медвежья шерсть), который покупался на рынках

[13] Ойна-халта называют также «осмоқ», как и вышеуказанные мешки для хранения ложек, половника и лепешек. Этот осмок предназначался не только для хранения зеркала, а также ниток, перстней, иголок, пуговиц и другой мелочи.

[14] Ястиқ (подушка) бывает двух видов: 1) «лўла» — валикообразная, несколько удлиненная; 2) четырехугольная (в виде детского матраца), которая собственно и называется «ястиқ». Наволочки для обоих видов подушек делались прежде у бедных из кустарной бязи, алачи, калами, а у зажиточных — из шои, атласа, адраса и других видов простых, шелковых и полушелковых тканей, которые приобретались исключительно на рынке. Подушки набивались верблюжьей или бараньей шестью.

[15] Лойдон делался из глины, смешанной с мелкой соломой, имел два отделения, в одном из которых обычно хранились чайник, пиалы, тарелки, т. е. большие предметы, а в другом — чай, сахар, конфеты и т. п. Таким образом, лойдон у полуоседлых карлуков выполнял роль сундука.

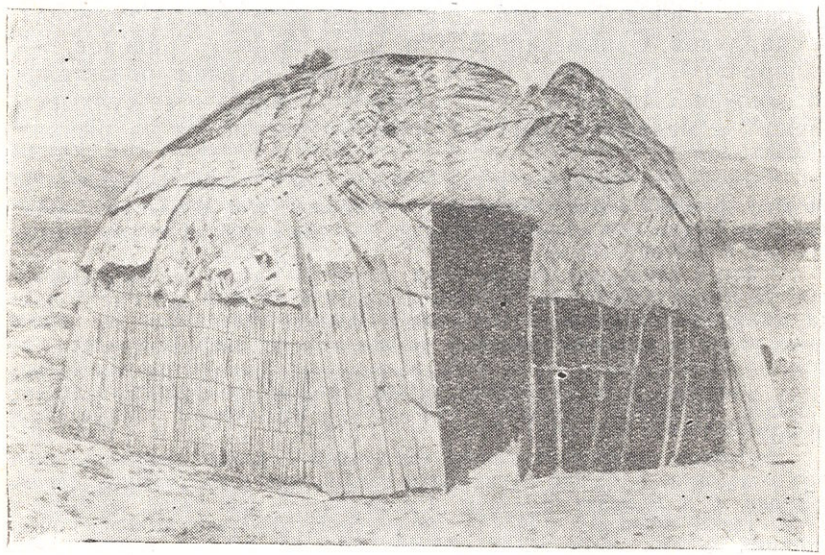
[16] Обычно в качестве сандали у оседлых народов служил четырехугольный табурет (80×80) на четырех ножках. Но карлуки такого сандали в прошлом не имели, а делали его из глины, смешанной с мелкой соломой, на трех ножках в виде круглого столика диаметром 50—55 *см*, высотой 30×40 *см*, со столешницей толщиной 3—4 *см*.

[17] Бўғжома (букв. — узел для халата) оседлое население Бухарской области и бассейна Кашкадарьи обычно знает как узел для хранения в нем одежды, в том числе и халата. Карлуки под этим термином понимают трехугольную шаль, сделанную специально для завертывания в нее постели. Бўғжома делается из 7—8 «эн» — ковровых дорожек шириной 30 *см*. Бўғжома имеет форму треугольника, основание и высота которого равны 2,4 *м*.

[18] Подобный мешок в настоящее время встречается у некоторых узбеков Сурхандарьинской области. Любопытно отметить, что такой мешок, но несколько иной формы, имелся и у армян Иджеванского района Армянской ССР. Мешок этот называется у них «мапраш» (см. СЭ, 1959, № 4, стр. 121, 122).

Қарши и Миянкаля. В бедных семьях, не имевших такого ковра, заднюю часть мешка делали из паласа, а спереди пришивали кусок ворсового ковра. В каждой юрте обязательно имелся один қарчин и одна бўғжома, но не больше. Это было, вероятно, следствием кочевого образа жизни карлуков в прошлом, когда невозможно было возить за собой лишние вещи. Так было в Қассанском районе, карлуки Шурчинского и Сарыассийского районов этого порядка не придерживались.

В этой же части юрты вешалось также зеркало, стояли мешки (қоп) с мукой и находились сбруя лошади, запас-

Шалаш (капа)

ные сосуды для воды, различные веревки для хозяйственных нужд. Юрта освещалась глиняным фонарем — «хумак» (у карлуков Пахтакорского района — «чўлоқ хотин», букв. — «хромая женщина») в виде круглодонного сосуда с отверстиями по бокам и сверху, на трех ножках; жгли в нем верблюжий помет. Такой светильник могла сделать каждая женщина. Из глины делали также маленькие масляные светильники с ватным фителем — «қара-чироқ». Редко встречались светильники из обоженной глины и чугунные светильники, которые приобретались на ближайших рынках.

Летом пол застилали паласами, а в зимний период на

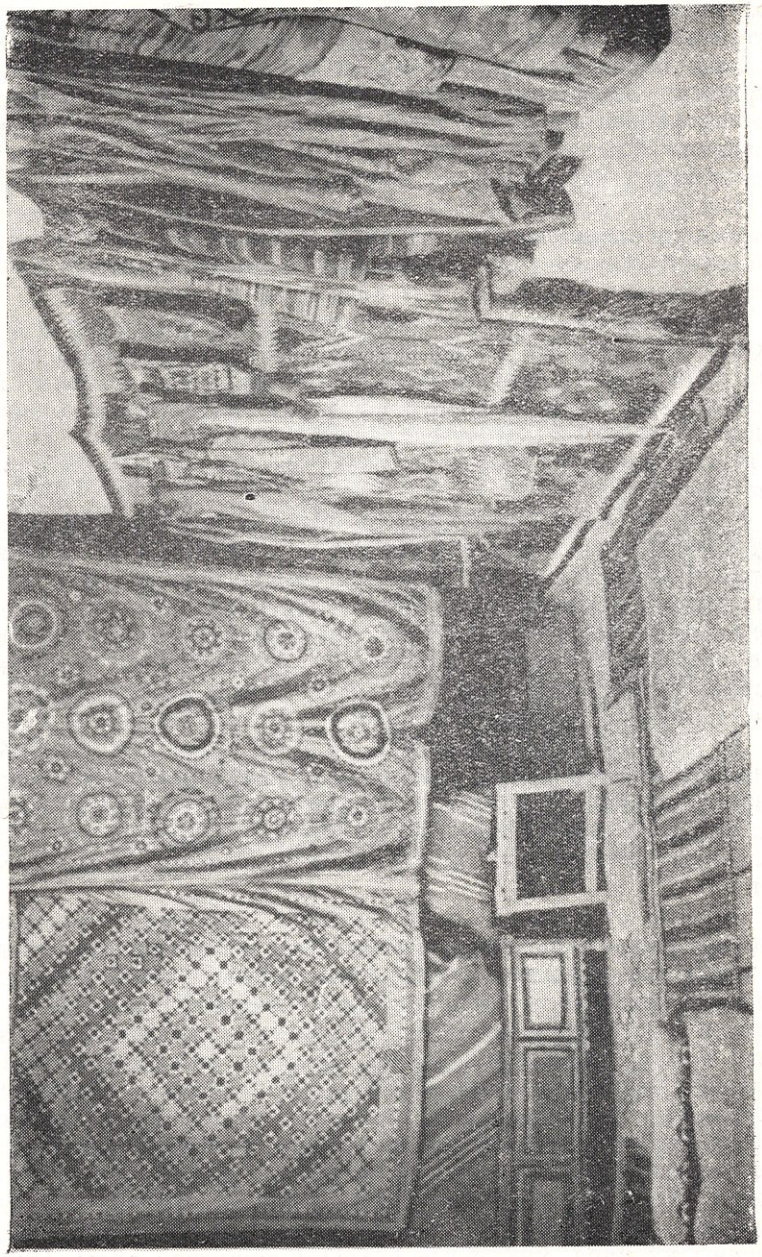
пол клали пшеничную солому, поверх которой стелили кошму, а затем паласы. Зажиточные семьи стелили на пол несколько кошм, а сверху ворсовые ковры или безворсовые — «араби», последние приобретались на базаре в кишлаке Қасби, куда привозили их арабы из ближайшего кишлака Дженау. В богатых юртах задняя часть стенки для сохранения тепла завешивалась коврами, а в бедных кошмами.

Следует отметить, что обстановка в юрте молодоженов несколько отличалась от обычной. Первый год жизни новобрачных (вернее, до появления первого ребенка) в их юрте никаких хозяйственных предметов не держалось. С левой стороны от входа устанавливались лишь қарчин и бўғжома. Внутри юрта завешивалась коврами красного цвета или кошмами, преимущественно с красным узором. По всей внутренней окружности юрты вешалась сетка (сочиқ) высотой до 1,20—1,30 *м*, сделанная из шерстяной пряжи красного цвета и в нижней части украшенная бахромой и кистями.

После появления первого ребенка в юрте вводятся детская люлька, посуда, горшки и крынки для молока, сбруя и т. д. Все же предметы домашнего обихода, о которых говорилось выше, вводятся в юрту окончательно тогда, когда молодые отделяются от семьи родителей. В этом случае родители дарили новой семье необходимые предметы. Қарчин и бўғжома, стоявшие до этого на левой стороне от входа, переставлялись в правую.

У карлуков Шурчинского района в капа в основном жила беднота, а богатые жили в юрте. У карлуков тоғчиён Сарыассийского района капа была основным видом жилища для всех слоев населения вплоть до начала XX в. С появлением глинобитных домов капа постепенно стала исчезать.

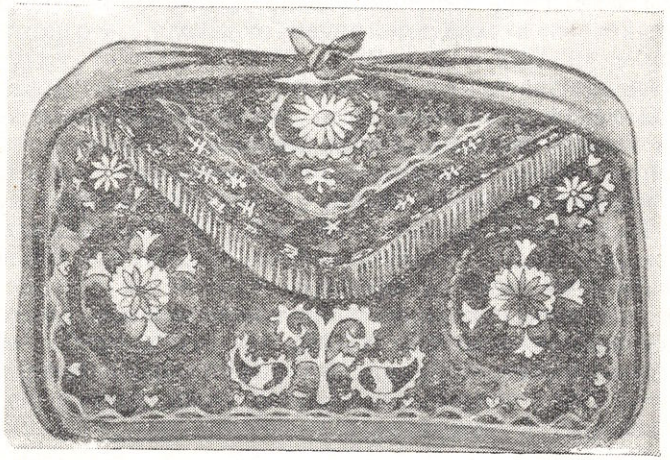
Первым строителем глинобитного жилища у карлуков Сарыассийского района в 1904 г. был Эшниёз-қараулбеги. Так как эти карлуки считали капа обязательной для каждого женатого (или собирающегося жениться) мужчины, то жить в глинобитном жилище считалось для карлуков позором. Когда Эшниёз-қараулбеги построил себе глинобитное жилище, над ним смеялись. Его не допускали в общественные места, на свадьбы и считали недостойным носить племенное имя. Однако спустя два-три года произошло сильное землетрясение, вслед за которым прошел проливной дождь. Карлуки и другие жители этого района понесли большие потери, погибло много людей и скота. Были разрушены их капа, унесенные потоком дождевой воды. После

Внутренний вид жилища молодоженов

землетрясения все карлуки, за исключением нескольких семей, начали строить на новом месте уже глинобитные дома. В результате были образованы кишлаки: Тоғчиён. Бой-қишлоқ, Зағнавот, Позилкўчди, Қулмазор, Қул, Чолмиён, Соры-мазор, Бўйропўш, Нелоба, где проживало 500 карлукских семей.

Конструкция и самое строительство капа очень просты. Величина ее в среднем 4 × 3 *м*. Основным материалом для капа служили жерди (хода), камышовые циновки (бўйра)[19],

Сверток для хранения постельных принадлежностей (бўгжома)

тростник (чий), войлок, а также канаты и веревки. Жерди делались из местных материалов: тутовых или ивовых (тал) прутьев, стволов молодого древовидного можевельника длиной 2,5 *м* диаметром 2—3 *см*. Для одной капы необходимо 30—50 и более жердей. Предварительно жерди замачивали, чтобы они стали упругими и при сгибании не ломались. Нижние концы жердей закапывали в землю на расстоянии 30—35 *см* одна от другой, для чего выкапывали ямки глубиной 20—35 *см*; верхняя (более тонкая) часть жердей сгибалась и связывалась крепкими шерстяными веревками (а позже — проволокой). Поверх жердей клали

[19] Циновка — «бердана» (бўйра) — в этих местах делается небольшого размера, приобретается на ближайших базарах. Обычно ими покрывались также потолки глинобитных домов. При покрытии циновки пришиваются одна к другой.

35—40 камышовых циновок (1,5 × 0,8 *м*). Нижняя часть капа обводилась чием высотой до 1,1 *м*, так же как это делалось в юрте. Все жерди на высоте 0,5 *м* от земли скреплялись тесьмой (белдав). Вторично жерди скреплялись на высоте 1,5 *м* от земли при помощи тонких, гибких (таловых и пр.) прутьев (қуршав). На зиму капа покрывали войлоком (кигиз). Куски войлока пришивали один к другому и обтягивали веревками. Вход в капа устраивался между двумя жердями, отстоящими одна от другой на 50—55 *см*, куда устанавливалась одностворчатая дверь размером 0,50 × 1,5 *м*; дверь укреплялась на двух тесьмах, которыми привязывалась к жердям влево от входа, и открывалась наружу.

Ориентировка и расположение предметов домашнего обихода такие же, как в юрте. Капа молодоженов покрывалась белым войлоком и называлась «оқ-капа»; летом внутренняя часть украшалась различными коврами, зимой — кошмой шириной 23—30 *см*, тесьмой — «қур» (у карлуков Кассанского района — «белпи»). Таким образом, хотя типы жилищ были различными, но внутреннее и внешнее оформление их было одинаковым.

Третьим типом жилища у карлуков, особенно у оседлых, являлся глинобитный дом («том» или «том ўй») с каркасными и пахсовыми стенами, который по своей конструкции мало отличался от домов оседлых узбеков, достаточно хорошо описанных в литературе[20].

ОДЕЖДА

Об одежде карлуков более древнего периода имеются очень скудные сведения. Путешественник Абу-Долеф (X в.), побывавший у карлуков Семиречья, сообщает, что они носили шерстяные одежды, а в праздничные дни наряжались в парчу; кто был недостаточно богат, тот нашивал кусочек парчи на платье[21]. Из археологических материалов Чуйской

[20] С. П. Полуванов, Жилой дом в старом Самарканде, журн. «Архитектура СССР», 1939, № 1; А. К. Писарчик, Жилой городской дом Бухары и Хивы, Архитектура СССР, 1937; она же, Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX вв., Среднеазиатский этнографический сборник, I, стр. 216—248; В. Л. Воронина, Узбекское народное жилище, СЭ, 1949, № 2; она же, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951; она же, Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области УзССР, Среднеазиатский этнографический сборник, II, 1959, стр. 294—351.

[21] В. Григорьев, Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе..., стр. 35.

долины[22] видно, что в VIII—IX вв. одежда тюрков, в том числе и карлуков, была из шерсти и кожи. Знать и ханы носили шелковую одежду. Верхнее платье имело вид кафтана, который доходил до колен и перехватывался в поясе ремнем. К нему подвешивался меч в деревянных ножнах, кожаная сумка для ножа, иглы, точила, бритвы, огнива и другие предметы. Сумочка носилась на правом боку, а слева подвешивали обычно нож и меч. Сапоги делали из кожи с тонкими подошвами без каблуков, с загнутыми вверх носками, которые шили швом наружу и не выворачивали[23]. Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщает, что тюрки носили разных видов одежду: кафтаны — вид летнего халата, «йенгшу» — ватный халат[24]; «ялмо» или «гуппи» — стеганая на вате одежда в виде рубашки[25]; верхняя одежда из «жайдам» — войлочной материи, эта одежда надевалась при дождливой погоде (жайдам клали также в одеяло вместо ваты)[26]. На голову надевали войлочную шапку: «суқалажбӧрк» — высокий колпак, «котурма-борк» — головной убор с загнутыми полями[27]. На ноги надевали «излик» или «чоруқ» — обувь из сыромятной кожи[28].

В период расселения карлуков в Мавераннахре (с начала X в.) значительное влияние на их одежду оказали древние оседлые народы данной территории. Характерный для карлуков конца XIX— начала XX в. тип одежды складывался в результате длительной взаимосвязи и взаимовлияния всех народностей и этнических групп, обитавших в Средней Азии, поэтому одежда этих народов имеет общее сходство[29]. Но, несмотря на эту общую черту, в одежде полукочевых карлуков и других тюркоязычных народов вплоть до революции сохранились архаические элементы. К таким древним видам одежды относятся, несомненно, верхняя шерстяная одежда, как «чакман», «чайдам», шерстяные шаровары, кожаная верхняя одежда или шуба — «пўстун» и тулуп.

[22] Материалы и исследования по археологии СССР, М.—Л., 1950, № 14, стр. 78.

[23] Там же.

[24] Махмуд Кашгарский, Диван лугат ат-тюрк, пер. Муталибова, т. I, стр. 408, т. III, стр. 388.

[25] Там же, т. III, стр. 181.

[26] Там же, т. III, стр. 191.

[27] Там же, т. I, стр. 452, 454.

[28] Там же, т. I, стр. 129, т. III, стр. 350.

[29] О. А. Сухарева, Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, № 1, ТИЭ, новая серия, т. XXI, стр. 331—339.

В прошлом у карлуков были широко распространены поясной ремень из кожи (камар), а также кожаная сумка для ножа, иглы, точила, бритвы и др. В настоящее время встречаются подобные сумки, сделанные из шерсти. Сапоги сохранили тот вид, какой описан выше, с той лишь разницей, что теперь они выворачивались и швы уже не были видны. Сохранилась также обувь «чорык» из сыромятной кожи. Головной убор в виде войлочной шапки встречается у киргизов под названием «қалпок»[30]; высокий головной убор в виде колпака (суқалаж-б рк) бытовал у карлуков вплоть до революции; аналогичный головной убор известен и у других народов Средней Азии под названием «кулох»[31]. Наряду с этими головными уборами у карлуков, как и у всех народов Средней Азии, получила широкое распространение чалма — «салла», появление которой связано, видимо, с исламом[32]. Некоторые архаические элементы имеются и в женской одежде, особенно в головном уборе.

Окраска одежды зависела прежде всего от пола и возраста карлука. Более пожилые носили преимущественно одежду белого, серого, темно-коричневого цветов, а молодые — красного, бордо, желтого цветов. В отличие от оседлого населения Бухары, Самарканда, Ферганы карлуки как старшего, так и молодого возраста совершенно не носили одежду темного (черного), зеленого, синего, ярко-голубого цветов, считая их траурными. Однако в настоящее время эта особенность постепенно пропадает. Теперь молодые мужчины носят черный стеганый халат ферганского типа. Женщины предпочитают носить платья голубого, зеленого цветов. Половозрастное различие до сих пор все еще сохраняется в головном уборе. Старшие по возрасту мужчины иногда носят устаревший «суналож-борк» или чалму, молодежь обоего пола — тюбетейки местного типа (қалпоқ) или бухарские (калапўш), а замужние женщины имеют особый головной убор, который будет описан ниже.

Мужская одежда карлуков состояла из рубахи (кўйлак), ватной рубахи (гуппи), штанов (иштон), летнего халата (ягтаг), ватного халата (тўн), шерстяного халата без подкладки (чакман), с войлочной подкладкой (чайдам), шубы

---

[30] О. А. Сухарева, Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, № 1, ТИЭ, новая серия, т. XXI, стр. 331—332.

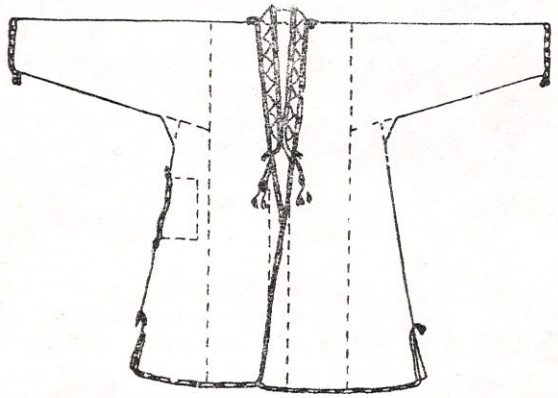
[31] Там же, стр. 334, 336, 339—343.

[32] Там же, стр. 326.

(пўстун), сапог (этик, чориқ, мўкки), кожаных галош (кавуш)[33], тюбетейки, шапки (телпак), чалмы (салля), матерчатого пояса (белбоғ или белқарс).

Мужская рубаха и штаны делались из местной материи — карбос, алача, калами. Рубашка туникообразного покроя[34] — прямая и широкая. Длина ее зависит от возраста: для детей и стариков шились длинные, ниже колен, а для молодого и среднего возраста — выше колен. Ворот рубахи делался в виде горизонтального, полукруглого выреза и вышивался петельным швом «йўрма»; рукава были длинные, до кисти руки, концы которых также имели шов. Такая рубаха характерна для многих народов Средней Азии и восходит к глубокой древности[35]. Ватная стеганая рубаха (гуппи), по покрою не отличающаяся от обычной

Халат (ягтак) жениха

рубахи, носилась в прошлом всеми карлуками мужского пола, а также детьми (независимо от пола). В настоящее время гуппи носят только чабаны и дети. Края ее обшивались кантом, а ворот — упомянутым выше швом «йўрма». Штаны делались также прямые, широкие, длинные, закрывающие икры ног. В шаг вставлялись четырехугольные лоскутья (хиштак). Вздержкой для штанов служили шерстяные шнурки (чипчилғай) или приобретенная на рынке белая плетеная тесьма (иштонбоғ).

[33] Описание обуви дано в разделе «Ремесло».

[34] Б. Куфтин, Материальная культура русской Мещеры, М., 1926.

[35] Покрой рубахи, найденной при раскопках Кенкольского могильника с гунским захоронением I в. н. э., имеет большое сходство с описываемой нами рубахой (см. А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, табл. XXXI).

Летний (ягтак)[36] и зимний (тўн)[37] халаты шили из местной материи алачи, калами, а для женихов и состоятельных лиц — из адраса, бекасаба[38]. Летний и зимний халаты по своему покрою не отличались друг от друга. Разница заключалась только в том, что зимний халат делался стеганым на вате, а летний — без подкладки.

Халат, так же как и рубаха, кроился с неразрезанным плечом, делался длинный и широкий, с длинными, до кисти,

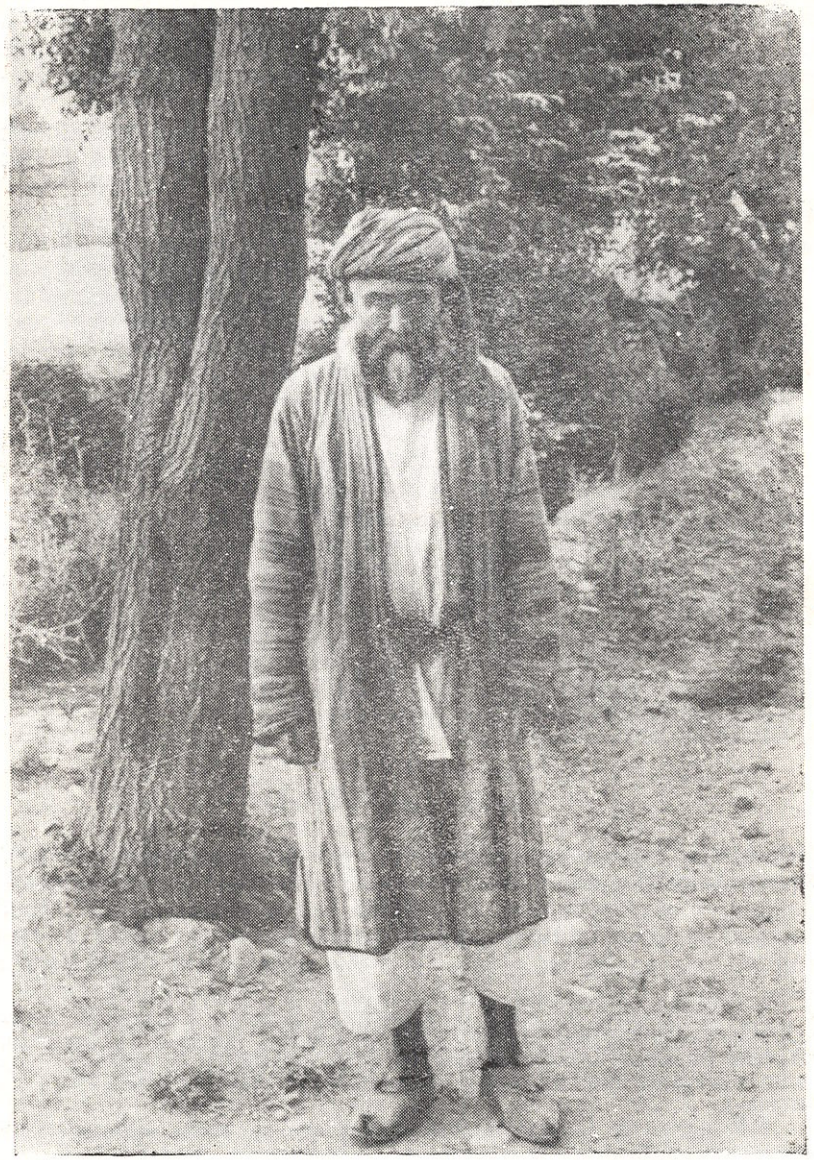
Ватный халат (тўн) жениха

рукавами. Передняя часть его имела сплошной разрез, халат запахивался слева направо. По бокам вставлялись клинья, а под мышкой ластовицы — «хиштак», иначе называемые «қулпак». Ворот пришивался отдельно, делался из той же материи, что и халат. Из этой же материи дела-

[36] Летний халат — ягтаг — у карлуков Шурчинского района назывался «желяк». Обычно многие узбекские племена низовьев Кашкадарьи, Сурхандарьинской области желяком называли небольшой халат с ложными рукавами, накидываемый на голову (у шурчинских карлуков — «курта»).

[37] У карлуков Сарыассийского, Бухарского районов ватный халат называется «чапон».

[38] Бекасаб и адрас — полушелковые ткани. Последняя отличается от первой своей тщательной отделкой и расцветкой. Бекасаб имеет продольные полоски, а адрас — пестрые расплывчатые узоры.

Карлук в летней одежде

лась и подкладка для ворота. Ворот сзади стоячий, а спереди постепенно сужался и сводился на нет. Чтобы он хорошо сидел и не сминался сзади, его простегивали в 6—7 рядов и во внутрь (между подкладкой и верхом воротника) вставляли скрученную жгутиком вату — «пиллик» (фитиль). Ворот обшивался узкой тесьмой — «джияк». На правой стороне борта халата делался карман — «кисса» в виде продольного разреза, края которого обшивались узкой тесьмой. С внутренней стороны халат подшивался неширокой лентой (парвоз) из другой материи.

Поясом для халатов служила нешироκая (2—3 *см*), плетеная ручным способом тесьма — «қур» из красных, белых, желтых, темно-синих, коричневых, бордовых ниток, обра-

Поясной платок (белкарс)

зующих своеобразный узор. Подпоясывались также четырехгранным шерстяным шнурком — «чипчилғай». Нередко встречался узкий кожаный пояс (қайиш) и более широкий (камар), на который подвешивалась кожаная или шерстяная сумка для различных мелочей (бритва, точило, нож шило и т. д.).

С начала XX в., особенно в настоящее время, широкое распространение получили поясные платки — «белқарс». Раньше их делали из кустарной материи — карбос, ситца, шелковой материи различных оттенков; теперь их изготовляют из фабричных шелковых и бумажных тканей с богатой вышивкой по краям и углам.

Чакман, чайдам[39] и шуба по своему покрою не отличаются от халата. Так как они надевались в зимний период поверх халата, рубахи и гуппи, то их делали более просторными, чем ватный халат. Чакман делался из верблюжьей шерсти, (очень редко из овечьей), Чайдам делался так: верх, подобно чакману, — из верблюжьей или овечьей шерсти, а подкладка — из мягкого войлока. У богатых людей чайдам целиком кроился из серого плотного войлока; рукава, ворот, полы расшивались красивыми узорами. Пўстун (шуба) делался из овечьей или козьей шкуры, отделывался вручную домашним способом[40]. Мех со шкур обстригали с таким расчетом, чтобы оставалось 2—3 *см* ровной шерсти. Мездра тщательно очищалась и окрашивалась в темно-коричневый цвет. Ворот, полы и рукава шубы у богатых украшались вышитым узором. Имелся еще другой вид шубы, называемый «тулуп». Он делался более широким и длинным. Обычно такую шубу носили чабаны.

Пожилые карлуки носили на голове «телпак» — высокой конусообразной формы, по виду похожий на кулох[41], из простой черной или серой материи, стеганный на подкладке. Поверх телпака одевали чалму. Молодые до женитьбы носили тюбетейку местного типа, а зимой — шапку с округлым верхом из черной или темно-серой (простой или бархатной) ткани; она подбивалась ватой, оторочка делалась из серого каракуля (в таком случае шапка называлась «шерози-телпак»), лисьего меха или куницы (карсок). Такие шапки, но попроще, шили сами карлуки, а более богатые покупали головные уборы на рынках.

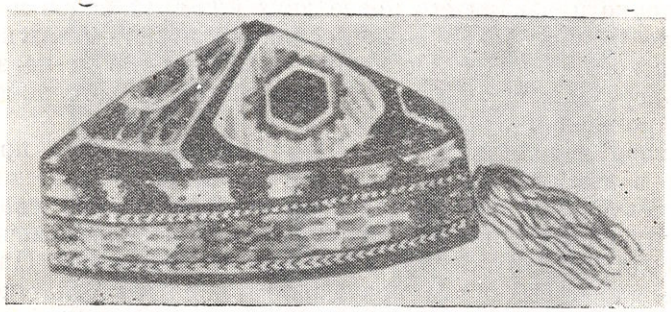
Тюбетейки местного типа шили сами, этим занимались обычно девочки, начиная с 10 лет. Поверхность тюбетейки покрывалась вышитым орнаментом, выполнявшимся техни-

[39] Чайдам — тот же жайдам, о котором пишет Махмуд Кашгарский (см. указ. рукопись, т. III, стр. 191). Карлуки Шурчинского района называют чайдам «кебеняк». Такой вид верхней одежды, под тем же названием, встречается в описаниях Ибн-Фадлана (см. А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн-Фадлана и его путешествия по Волге в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 124 и 178).

[40] Шкура, предназначенная для шубы, выделывалась следующим образом: из грубой ячменной муки, смешанной с кислым молоком, приготовлялся густой раствор, который, постояв 2—3 дня на солнце, дает сильное брожение; затем шкуру смачивают (до этого сразу же после свежевания овцы или козы она засаливается) и с внутренней стороны смазывают указанным раствором. Через 3—4 дня шкуру очищают и сушат, после чего прочищают кирпичом; после этого внутреннюю часть окрашивают раствором, сделанным из корня верблюжьей колючки (янтак), который придает коже коричневый оттенок.

[41] О. А. Сухарева, указ. работа, стр. 339—342.

кой «пильтадўзи»[42]. С момента женитьбы мужчины начинали носить чалму из шелка розового цвета (пишавра), а в обычные дни из карбоса или хоса[43], окрашенных в розовый цвет. Карлуки более старшего возраста носили «лўнги-салля» из светло-серой материи, а пожилые — темно-серую «салля-авғони», которая привозилась купцами из Афганистана или же изготовлялась из местной кустарной материи (карбос, хоса), перекрашенной в соответствующий цвет. Зимой носили также «тибит-салля», сделанные из пуха (тибит) белой козы; пуховые чалмы бывали белые или окра-

Тюбетейка (қалпок)

шенные в коричневый цвет. Носили также чалму верблюжьего пуха естественного цвета (малла-салля). Тибит-салля приобреталась на рынке, а малла-салля ткалась самими карлуками.

Основными принадлежностями женской одежды являлись: нательные рубашка (кўйлак) и штаны (иштон), халат (калтача), ватный халат (тўн); на ногах носили кожаные галоши (кавуш); на голове носили платки, различные головные уборы и их элементы (култа, салла, қасава, лачаг), а также накидываемую на голову одежду (паранжи, минсоқ и курта).

Такой вид одежды и обуви, как кўйлак, иштон, калтача, тўн, кавуш, карлучки носили повсеместно, а остальные виды одежды, главным образом головные уборы, носили не везде. Если один из элементов головного убора наблюдался в одном месте, то он отсутствовал в другом. Напри-

[42] О. А. Сухарева, указ. работа, стр. 351.

[43] Хоса — белая мягкая хлопчатобумажная ткань местного производства; употреблялась для женских головных платков, женской, мужской чалмы и др.

мер, карлучки Қассанского района носили и носят до настоящего времени головной убор, называемый «шох-бош», элементом которого является чалма «салла»; однако этот головной убор отсутствует не только у карлучек других районов, но и вообще у народов Средней Азии. Культа носили карлучки Алатского, Пахтакорского, Қассанского, Шурчинского районов; при этом его надевали на второй день после своего прихода в дом жениха, а карлучки Шурчинского района надевали культа перед переходом в дом мужа или после перехода через 40 дней (чилля). Снимали и повторно надевали его после двух или трех родов и больше уже не снимали. Лачак носили карлучки Алатского и Қассанского районов. Последние надевали лачак сразу же после перехода в дом мужа, а карлучки Алатского района — после рождения 2—3 детей.

Қасава носили карлучки Шурчинского района при переезде в дом мужа и не снимали его в течение 40 дней, а в последующий период надевали при посещении свадьбы. У карлуков Қассанского района қасава носили девочки за 3—4 года до замужества, а после уже не носили. Паранджа являлась выходным покрывалом карлучек Алатского и Шурчинского районов, а карлучки Қассанского района набрасывали ее только после своей свадьбы при переходе в дом мужа и после этого вообще не надевали ее. Курта носили на голове только карлучки Пахтакорского, Шурчинского, Сарыассийского районов. Қарлучки Қассанского района вместо курта носили вышитый платок — «қапдон», который не носят карлучки других районов. Қарлучки Шурчинского района покрывались минсаком только при переходе новобрачной в дом мужа, а также при похоронах своих близких.

Такой порядок в ношении женского головного убора и головного покрывала, видимо, заимствован у окружающего узбекского и таджикского населения. Отличительные черты женского головного убора зависели также и от возраста, и семейного положения[44].

Женская рубаха, штаны, халат по покрою отличались от мужской одежды таких же типов только отдельными элементами. Женская рубаха была более широкая и длинная, чем мужская. Ворот составлял длинный, вертикальный разрез без отложного воротника. Вырез рубахи молодых женщин и женщин средних лет делался в виде треугольника. Чтобы получить такой вид шейного проема из вертикального разреза, с обоих боков (перед плечами) делается мелкая сборочка, края ее обшиваются шерстяной тесьмой (жияк) шириной 3—4 *см* или вышиваются узорами; угол украшается кисточками. Тесьма начинается у плеча и заканчивается у нижнего конца выреза. Сзади на шее рубаха ни-

[44] О. А. Сухарева, указ. работа, стр. 317.

Карлучка в выходном наряде

чем не украшается. Жияк на воротниках молодых женщин более яркого, обычно красного, желтого, кремового цвета, а у женщин старшего возраста — исключительно темного (черного) цвета. Спина повседневной рубахи подшивалась изнутри другой материей в целях предупреждения быстрого изнашивания. Подол рубахи в прошлом не вышивался,

край подгибался и подшивался иглой. Теперь женщины обшивают его по верху полосой, преимущественно из черной или желтой материи, украшенной узором. На рукава у молодых женщин Кассанского и Шурчинского районов нашивается дополнительно вышитый узором надрукавник длиной 25—30 *см*, что отсутствует у карлучек других районов; его можно пришивать к любой другой рубахе. Вышитые нарукавники носили молодые женщины, еще не имеющие детей, а молодые матери пришивали их только тогда, когда шли на свадьбу. К нательному белью женщин относится длинная, ниже колен, рубаха, которую надевала новобрачная при переходе в дом мужа и носила в течение 40 дней. Шили такую рубаху из белой мягкой материи — карбос или хоса, концы рукавов, воротник, подол оставались неподшитыми. По поверью, белизна рубахи ограждала женщину от черных дней (болезнь, смерть мужа или близких родственников).

Отличие женских штанов — иштон — от мужских заключалось в том, что верх (оғ) шили из простой грубой материи белого цвета, а низ (пойча) — из красной или розовой материи лучшего качества, а для невесты и богатой молодой женщины — из шелковой (шои, атлас). Нижняя часть женских штанов делалась длинее, чем у мужских, а края у щиколоток обшивались узкой шерстяной тесьмой черного цвета. Штаны молодых женщин отличались еще тем, что вставка (хиштак) зашивалась швом наружу, а не внутрь, что якобы предохраняло их обладательниц от дурного глаза. Женский ватный халат в отличие от мужского имел лежачий ворот без вышивки. К краю бортов, подола, рукавов в некоторых случаях пришивалась окантовка (мағз).

Нательная одежда (куйлак, иштон) делалась в прошлом исключительно из кустарной материи — алача, қалами, карбос, чит; женщины из зажиточных семей шили себе одежду из шелковой материи — шойи, адрас, атлас.

Верхней женской одеждой является «калтача», шитая из полушелковых материй с преобладанием красного, темно-розового оттенков или же бордового, зеленого бархата, делается она на подкладке, но без ваты. Қалтача шьется более узкой, чем ватный халат, имеет прямой стан и плотно прилегает к телу, длина немного ниже колен, рукава гораздо короче, чем у рубахи и зимнего халата.

Коротко опишем основные виды головных уборов и предметов одежды, накидываемых на голову у женщин-карлучек.

К у л т а — круглая шапочка из дешевой бумажной материи, спереди нашивается тесьма — жияк; круглая макушка пришита в сборочку. Култа карлучек Кассанского района не имеет длинного накосника. Қарлучки Шурчинского, Алатского районов такого рода головные уборы называют «култа пўшак» в отличие от култа, имеющего длинный накосник[45].

Л а ч а к[46] — принадлежность головного убора в виде куска ткани, надеваемого на голову. Задняя часть лачака спадает по спине углом, а передняя сторона его, более короткая, чем задняя, закрывает плечи и часть груди. Для лица сделан специально вырез. При надевании плотно натягивается под подбородком, не закрывая ушей. Шили лачак из белой хлопчатобумажной ткани — карбос.

Сверху лачак закрывается надеваемой на него култа. Лачак имеет генетическое родство с казахским, каракалпакским женским убором — «кимешек»[47].

К у р т а — короткий халат, набрасываемый на голову, подобно «желак» узбеков Сурхандарьинской области и «джегде» хорезмских узбеков[48] и каракалпаков[49], «чырпы» или «елек» туркмен. Ворот вышивался узором, халат имел короткие рукава, концы которых обшивались тесьмой (жияк)[50]. Курта делалась в основном из хлопчатобумажной ткани красного и розового оттенков, ее носили постоянно при выходе из жилища.

П а р а н ж и — халат очень длинного покроя, с длинными ложными рукавами, очень распространенный в Средней Азии. В каждом из кишлаков вышеуказанных районов было всего две или три паранджи, и при свадьбе их одалживали у кого-либо из односельчан.

М и н с а к — халат, набрасываемый на голову, длинный, ниже колен, с короткими широкими до локтей рукавами,

---

[45] О. А. С у х а р е в а, указ. работа, стр. 307—309.

[46] Лачак — основная часть женского головного убора — имеет большое сходство с женским головным убором, изображающимся на персидских миниатюрах XIV—XVI вв. (см. «Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 80—81 (Выезд монгольского хана); Л. Т. Г ю з а л ь я н и М. М. Д ь я к о н о в, Иранские миниатюры в рукописях Шах-намэ ленинградских собраний, Л., 1935, табл. 2, 34, 45; Г. А. П у г а ч е н к о в а, К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. По данным миниатюр, Изд. САГУ, Ташкент, 1956, илл. 13.

[47] О. А. С у х а р е в а, указ. работа, стр. 306; Т. А. Ж д а н к о, Каракалпаки Хорезмского оазиса, АЭРХЭ, 1945—1948 гг., стр. 154.

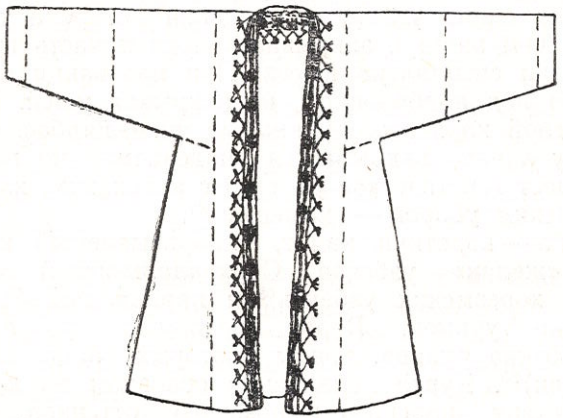
[48] К. Л. З а д ы х и н а, Узбеки дельты Аму-Дарьи, АЭРХЭ, 1945—1948 гг., стр. 378.

[49] Т. А. Ж д а н к о, там же, стр. 556.

[50] Обычно рукава были фальшивыми, но в данном случае рукава настоящие.

делался из шелка (шои) и бархата, на подкладке, иногда тонким слоем подкладывалась вата. В прошлом минсак входил, несомненно, в число верхней одежды женщин[51], а впоследствии сохранился лишь как покрывало и входил в свадебный наряд невесты только у карлучек Шурчинского района.

Қапдон[52] — вышитый узором платок, сделанный приблизительно из метра белой, бордо, розовой, желтой, в

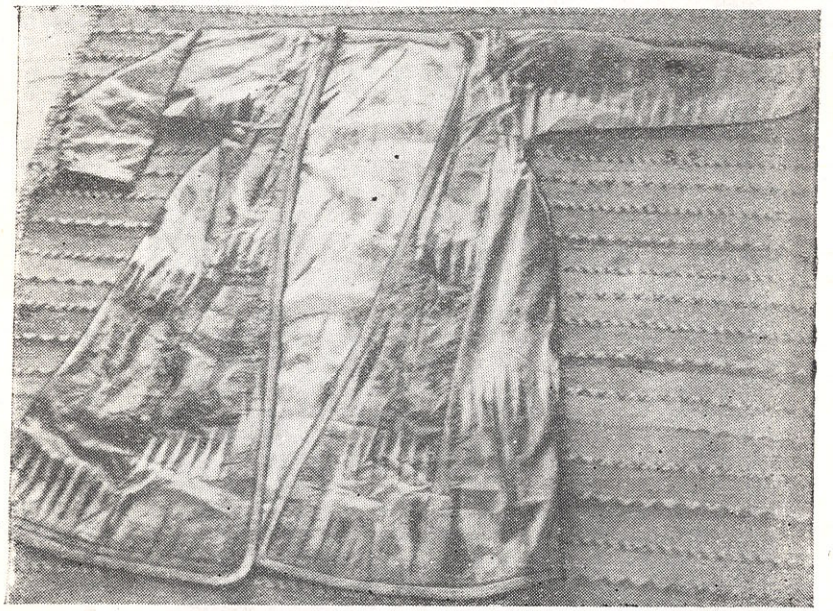
Женский головной халат (курта)

прошлом кустарной (карбос, хоса), а теперь фабричной материи; края отделывались бахромой (сочиқ). Қапдон накидывается на голову и свободно спускается на грудь и плечи. Носят его девушки Қассанского района до замужества, а женщины — поверх головного убора «шох-бош». Қапдон белого цвета, вышитый невестой еще в доме отца, носится после выхода замуж в течение 40 дней (чилля), а затем прячется и повторно носится после смерти близких родственников в течение одного года. Повседневно носят қапдон из бордовой, желтой материи. Девушки носят вышитый скромным узором қапдон только бордового цвета.

[51] В конце XIX в. в Фергане широко бытовал минсак, в городах его носили старухи, а в кишлаках замужние женщины (см. В. Наливкин и М. Наливкина, указ. соч., стр. 97). Минсак как женская верхняя одежда существовал и у жителей Ташкента; теперь он сохраняется лишь в некоторых семьях, им покрывают гроб при смерти пожилых женщин, причем на головную часть гроба кладут паранджу, а на нижнюю — минсак.

[52] Қапдон — образован от узбекского слова «қоплаш», «қопламоқ»— покрыть, покрывать.

Қасава[53] — один из старинных видов головного убора девушек (у карлуков Шурчинского района) — бытовал вплоть до коллективизации и встречается очень редко и теперь. Қасава делалась из картона или из нескольких склеенных листов бумаги, или же старой материи в виде цилиндра и обертывалась шелковым или простым платком,

Старинный женский халат (минсак)

концы которого завязывались, а макушка оставалась открытой. Поверх қасава накидывался платок, концы его свисали на спину. На лобовую часть навешивались различные металлические украшения. Подобный вид головного убора в прошлом имелся у жителей окрестности Бухары, а также узбеков дельты Аму-Дарьи[54].

Головной убор шох-бош (букв. — рогатая голова) или просто бош (голова), бытующий у карлуков Қассанского района, образуется следующим способом: вначале надеваются култа и лачак, поверх култа повязывается красный ситцевый платок (гарди рўмол), поверх него обертывается пятиметровая чалма, оба конца которой опускаются на затылок, концы ее (60—70 *см*) вышиты узо-

[53] Қасава от узбекского «қаскоқ» — обод, колесообразный предмет.

[54] К. Л. Задыхина, указ. соч., стр. 378.

Женский головной платок (қапдон)

ром. Чалма для этого убора в прошлом делалась из белой материи карбос, хоса и шерсти, а теперь из белой бязи. Одинарная материя, из которой делают чалму, складывается вдвое и получается ширина около 30 *см*. Поверх нее обертывается другая чалма зеленого (улуғсы) цвета около 1,5 *м* длины. Поверх чалмы повязывается другой, красный, платок, а затем двумя шелковыми платками (паранги

Женский головной убор (шох-бош)

рўмол) красного или розового цвета убор крепко обтягивается таким образом, что на голове по обеим сторонам образуется два выступа, напоминающие рога (шох). Края всех элементов этого убора (култа, платков, чалм) видны спереди и образуют как бы уступы красного, белого, зеленого, розового цветов, напоминающие ступеньки, идущие снизу вверх. Поверх шох-бош накидывают вышитый узорами қапдон, с таким расчетом, чтобы весь головной убор

оставался открытым спереди. Он надевался сразу же после прихода молодой в дом мужа и носился до конца жизни[55] или до смерти мужа. В последнем случае носили только чалму, а вместо вышитого капдона — белый большой платок «чорсу»[56].

Головной убор шох-бош, на наш взгляд, является наиболее древним. Подобного убора мы не находим ни у одного современного народа. А. К. Писарчик был обнаружен у нуратинских женщин сложный головной убор типа чалмы, уложенный в виде «бараньих рогов» (кочкорак). К сожалению, Писарчик не сделала подробного описания его, поэтому нельзя провести аналогии с шох-бош карлучек, хотя последний также имеет два выступающих рожка. Рожки убора карлучек напоминают рога молодого быка, но с тупыми концами.

Шох-бош карлучки Кассанского района носили до конца жизни или же до смерти мужа. Когда умирал муж, говорили: «шохим синди» (сломались рога), и при плаче по смерти мужа кричали: «вой-шохим-вой шохим» — «рога мои, ой рога мои». Если говорили, что у такой-то сломались рога, то было ясно, что у этой женщины умер муж. В данном факте нельзя не видеть власти патриарха — мужа и отца, его господства в семье и как бы символа того, что существование женщины связывается с жизнью ее мужа, что он содержит ее самое и всю семью.

Мальчики и девочки до 10 лет одевались одинаково: рубаха, ватная рубаха, штаны, зимний и летний халат, на ногах кожаные галоши (кавуш), сапожки (етик), на голове тюбетейка — вот характерная одежда карлукских детей, по покрою не отличающаяся от мужской. Только детская одежда до определенного возраста не вышивалась ни тесьмой, ни узором, кроме нагрудника для младенцев. Полы детской одежды до рождения следующего ребенка не подшивались; это делалось для того, чтобы «держать след открытым», т. е. чтобы были еще дети.

Для грудных детей делался нагрудник (сўлагай — букв. «слюнявка») в виде квадрата с круглым вырезом для головы; ворот его окантовывали тесьмой, вышитой тамбурным швом, поверхность расшивали примитивным узором (қўчқорак — «бараньи рога»), края обшивали бахромой.

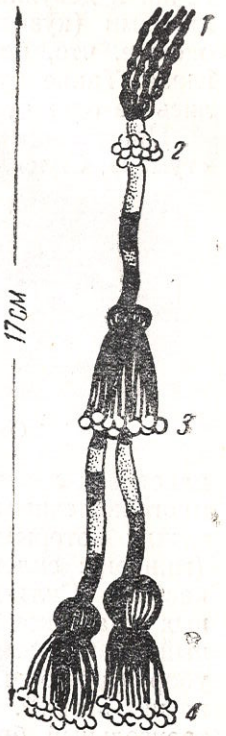
После 10 лет в одежде девушки происходит некоторое

[55] При ношении шох-бош в преклонном возрасте материя красного цвета заменялась белой или бледно-розовой.

[56] Если женщина после смерти первого мужа выходила замуж вторично, она продолжала носить шох-бош.

изменение: низ штанов делается длинный, до щиколоток, и обшивается черной шерстяной тесьмой (жияк), на голову надевают қалпоқ, сверху накидывают красный ситцевый платок, а с 12—15 лет надевают қасава (у карлуков Кассанского района) и покрываются қапдоном, только без вышивки по всему полю и без бахромы, что делается лишь у замужних женщин; вышивки девичьих қапдонов делались только на двух противоположных концах — один приходился на голову, другой — на спину.

Карлукские женщины, как и женщины других народов Средней Азии, носили различные украшения, которые подразделяются на повседневные и праздничные. Повседневные украшения карлучек Кассанского района состояли из кольцеобразных[57] или шарообразных серег (иссырға), надеваемых в мочки обоих ушей; кольцеобразные серьги (аравак), украшенные красными, зелеными сердоликами, носили в правой ноздре; ожерелье из собранного в определенный узор разноцветного бисера (хапабанд) носили как шейное украшение, ниже спускалось нагрудное ожерелье (кўкрак-минчоқ), на конце которого нередко подвешивался круглый металлический или серебряный амулет (бозбанд), украшенный сердоликами разных оттенков[58]. Богатые карлучки на руке носили браслет (билак-узук), на пальцах перстни (узук) с сердоликовыми глазками. В косы, немного выше их середины, вплетался накосник (сочип), украшенный многочисленными кисточками из черной шерсти; он опускался немного ниже талии.

Привески (джамалак):

1—верхняя половина для плетения в косу; *2*, *3*, *4*—белый прозрачный бисер

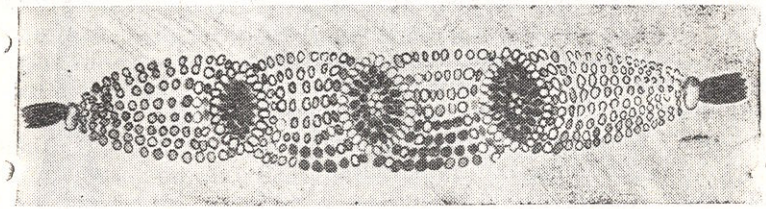
Девочкам с 3—5 лет прокалывали ушки для ношения серег, а с 7—10 лет с той же целью прокалывали правую ноздрю. Девушки носили накосники (сплетенные в маленькие

[57] Нижняя часть этих серег (аравак) украшалась разноцветными сердоликовыми, миндалевидными, ромбовидными и шарикообразными подвесками.

[58] Ожерелье из бисера, а также ожерелье с крупными амулетами на конце носили и узбеки дельты Аму-Дарьи.

косички), называемые «тахта-баргай», которые делались из множества шнурков, изготовленных из черной шерсти ягненка (қўзи) и украшенных тремя рядами белых пуговиц. Девочки и девушки носили также бусы, черные с белыми крапинками (кўз-минчоқ), на руках вместо браслета или на одежде, что, по поверью, якобы предохраняло от дурного глаза. Такие бусы в многочисленном количестве навешивались на одежду и головной убор грудных детей обоего пола.

Праздничными украшениями являлись «силсила», «джига», «тумор». Силсила делалась из металлических или серебряных

Ожерелье (хапабанд) из разноцветного бисера

пластинок лентообразного вида с несколькими звеньями и с многочисленными ромбообразными подвесками (қонғирак), между которыми имелись зеленые, красные, розовые бусы (минчоқ); силсила носили на головном уборе шох-бош или қасава. Султан (джига) из металлических или серебряных пластинок с несколькими острыми концами, украшенный разноцветными сердоликами, надевался на головной убор (шох-бош или қасава) выше силсила, острыми концами вверх[59]. Тумор — металлический или серебряный треугольный браслет — носился на груди на ленте.

Девушки до замужества заплетали волосы в мелкие косы. После выхода замуж женщины заплетали волосы в две косы, а карлучки Шурчинского района — в четыре. Молодые женщины Кассанского района оставляли длинные пряди волос на висках (зульф). От углов обоих глаз с внешней стороны делали горизонтальные черточки. Иногда такие черточки делали на лице или между бровями.

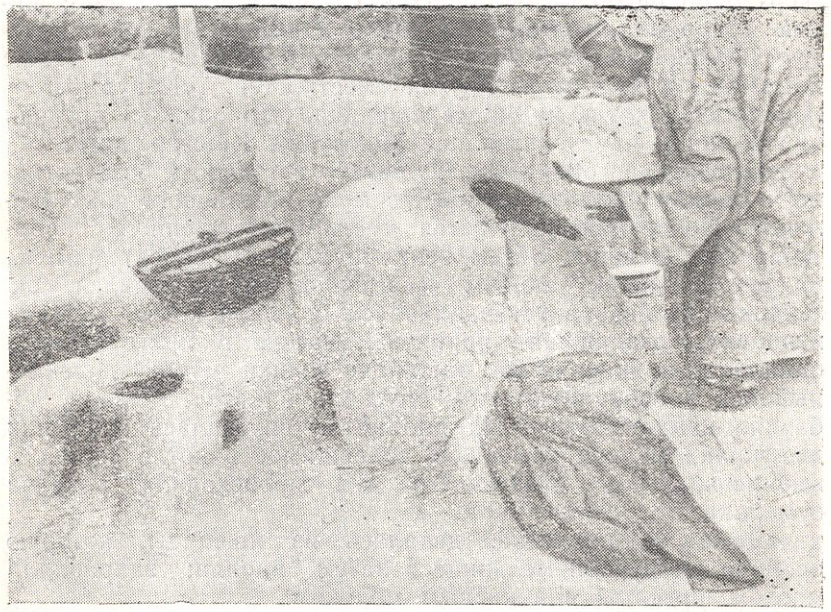
ПИЩА

Названия кушаний у карлуков, как и у всех народов Средней Азии, во многих случаях сходны[60]. Приготовлением еды занимались женщины. Только на больших свадьбах —

[59] Джига имелась на старинном головном уборе каралапакских женщин — «саукеле».

[60] В. Наливкин и М. Наливкина, указ. соч., стр. 124—126;

«тўй» — некоторые кушанья («ош» — плов, «шўрво» — мясной суп) готовили мужчины-мастера (ош-паз). Пищу, кроме лепешек, карлуки готовили в основном в чугунных котлах (қозон); зимой они находились в юрте, а летом — около жилища. В пищу больше всего употребляли баранье (оқ-ёғ) и козлиное (внутреннее) сало, а также топленое

Пожилая карлучка за выпечкой лепешек; слева — очаг для варки пищи

масло (сариғ ёғ), добываемое в своем скотоводческом хозяйстве. Растительное масло (джувоз-ёғ) употреблялось карлуками сравнительно редко.

Из ячменя и пшеницы в основном делали муку, а также несколько видов пищи.

Е. Губаревич, Кухня сартов, «Наша пища», 1892, № 17, стр. 266—268; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, вып. I, стр. 292—294; С. М. Абрамзон, указ. соч., стр. 38—39; С. И. Руденко, указ. соч., стр. 126—132; К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, АЭРХЭ, 1945—1948, стр. 372—377; Я. Р. Виннико в, указ. работа, ТИЭ, новая серия, стр. 144—151; Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, ТИЭ, новая серия, т. XXIV, стр. 152—160.

«Талқон» готовился из только что созревшего ячменя, который предварительно поджаривался в котле, очищался от шелухи и после этого измельчался в ступке, затем полученную муку опять жарили в котле, добавляя немного масла, сушеной дыни или сахара. «Ҳалим» обычно готовился односельчанами коллективно по случаю праздника жертвоприношения (қурбон-ҳаит): пшеницу вместе с мясом (баранина, говядина и редко конина) варили в течение 10—12 часов, затем раздавали односельчанам, а также прохожим и нищим из других местностей. «Қавурмоч» — жаренная в котле на масле пшеница. Это один из древних видов пищи, отмеченный еще Махмудом Кашгарским[61].

«Сумалак» — обрядовое кушанье, готовилось коллективно[62]. Варили сумалак весной, из муки пшеничного сока (солода). Последний получается путем искусственного проращивания пшеницы. Затем зеленые ростки (майса) измельчались большим ножом (ош-пичок) и выжимался сок. В одном из дворов устанавливался большой котел. Каждая женщина, желавшая принять участие в приготовлении сумалака, приносила по одной-две чашки муки. Пшеничный сок и собранную муку опускали в котел, мешали, добавляя немного воды. На дно котла опускалась одна или две чашки мелких камешков, содержимое в котле варилось всю ночь. Утром следующего дня происходила раздача сумалака.

«Ярма» — похлебка, делалась из пшеницы, которую дробили на ручной мельнице и затем варили; заправляли маслом, пресным или кислым молоком.

Муку мололи в большинстве случаев женщины на ручной мельнице (ёрғичоқ), имевшейся почти в каждом дворе. Перед приготовлением любых видов пищи из муки последняя предварительно просеивалась через сито (элак) на скатерти, сделанной из бараньей или козьей шкуры (пўстак или сурпа). Тесто замешивалось в большой деревянной чашке (карсан) или в котле.

Из теста делаются лепешки (нон), небольшие круглые булочки (кулча), слоеные лепешки на бараньем сале (патир). Пекут их в печке (тандыр), которую делают сами женщины. Для этого глину смешивают с мелкой пшеничной соломой, затем в земле выкапывают конусообразной формы воронку; на ее стенки налепливают толстый слой глины в

[61] Махмуд Кашгарский, указ. соч., т. I, стр. 420.
[62] В. Наливкин и М. Наливкина, указ. соч., стр. 126; К. Л. Задыхина, указ. работа, стр. 394 и 410.

5—6 *см*. Когда глина достаточно подсохнет, тандыр осторожно вынимают, досушивают и устанавливают с таким расчетом, чтобы он стоял наклонно к земле. Диаметр нижней части тандыра равен 1 *м*, верхней воронки —35—40 *см*, высота —60—70 *см*. Снизу, с двух сторон, имеется два поддувала. Перед выпечкой приготовленная из теста лепешка, особенно патир и кульча, накалывается специальным приспособлением — «нон-пар», сделанным из куриных перьев и связанных в пучок. Лепешка в тандыр вводится на круглой подушке — «рапида», сшитой из мешковины и набитой старыми тряпками, на руку при этом надевают нарукавник с глухим концом (енг).

Из муки делают «қатлама» — тонкое раскатанное тесто, смазывают салом, свертывают в несколько слоев и зажаривают в масле или сале. Приготовляют также «қотирма» — раскатанное тесто не свертывают и не жарят в масле, а пекут на стенках котла. Қатламу готовят обычно на семейных торжествах (сватовство, свадьба и т. п.), а также, когда нет дома лепешек. На поминках пекут «чалпак» или «чўзма» — тонко раскатанное тесто в виде треугольника (размер его меньше половины листа писчей бумаги), жаренное в масле, сале; «бўғурсоқ» — ромбообразные пышки без начинки. Из муки делается еще ряд других кушаний: «атала» — жидкая мучная похлебка, заправленная салом; «кесканош» — лапша, заправленная маслом или кислым молоком; «қайиш» — нарезанное в виде небольших квадратиков тесто, варенное в воде, заправляется мясным соусом или кислым молоком; «чучвара» — пельмени; «қуймон» — оладьи.

Из проса готовят кашу — «торық ош», заправленную пресным или кислым молоком. Из сорта бобовых, называемого «мош», варят жидкий суп — «мошова», густую кашу — «кичири», из сорго — густой суп — «гўжа», заправленный кислым молоком, делают также муку, идущую в пищу, прежде всего на круглые лепешки — «зоғора». Рис сами карлуки не выращивали, а покупали на рынке. Из риса, масла, мяса, моркови готовят плов, кашу (шавла), жидкий суп (биринжова), молочную кашу (ширбириндж).

Значительную роль в питании карлуков играло мясо (гўшт). Те блюда, в которых отсутствовало мясо, карлуки называли «явгон». Чаще всего употребляли баранину и козлятину. Почетными считались голени задних ног барана вместе с костью (тўқмалок), а также грудинка (тўш) и мясо с ребер (пичча). Тўкмалок подавался жениху в доме невесты в день свадьбы. Если жених накануне свадьбы не

даст родителям невесты обещанного количества овец, то в свадебный вечер его не угостят обычным тўқмалоқом, этим самым дадут понять, что он жадный и недостоен почета. Что касается пичча и тўш, то эту часть мяса карлуки обычно подавали гостям-соплеменникам.

Из мяса готовят суп «шўрво» — самую излюбленную пищу карлуков. В шўрво-кладут морковь, тыкву, репу и красный перец. Сюда же крошат мелкими кусочками лепешки или патир, в последнем случае получается очень сытное кушанье. «Қавурма» — жареные мелкие кусочки мяса вместе с салом, туда крошатся мелкие кусочки лепешки или патир. «Қавоб» —жаренное на сале мясо, почки, печенка и сердце, тонкие кишки и другие внутренности, также считается одним из любимых видов мясной пищи.

В летний период, до случки, резали несколько овец и коз, мясо которых засаливали и сушили на солнце, запасаясь на зиму. Сушеное мясо сохраняли в шерстяных мешках (гўшт-халта). Сало растапливали и сохраняли в глиняных горшках (хум).

Бедные карлукские хозяйства, имевшие всего несколько голов скота, разумеется, не могли делать больших запасов мяса. Поэтому уже к началу весны основной пищей бедняка была просяная каша, заправленная кислым молоком, или похлебка «аталя» с кусочками ячменной лепешки.

Летом больше всего употреблялись продукты из овечьего, верблюжьего и коровьего молока (сут) обязательно в кипяченом виде. Из молока приготовляли множество различных продуктов, о которых говорилось выше.

Все виды пищи подавались на деревянных блюдах — «карсан». Как гости, так и члены семьи, ели из одного или нескольких общих блюд. Такие общие блюда иногда назывались «иноқ тавоқ», т. е. «блюда братства». Лица, евшие совместно с одного блюда, называли друг друга «ҳам тавоқ» (букв. — люди общего блюда). Густую пищу ели руками, а жидкую — при помощи деревянной ложки (қошиқ). Обычно на каждое общее блюдо подавалась одна ложка, и все ели по очереди, называя друг друга «ҳам-қошиқ». При приеме любого вида пищи стелили скатерть (дастурхон), клали на нее лепешки и ставили блюда.

В хозяйстве карлуков Шурчинского, Сарыассийского, Бухарского, Пахтакорского районов большое значение имели различные виды фруктов (мева) и овощей (сабзавот). Летом до глубокой осени употребляли абрикос (зардоли), яблоки (олма), вишню (гелос), сливы (каролу), инжир, виноград (узум). Абрикосы и виноград сушили. Сушеные

абрикосы называют «ғўлум» или «ғўлунг», а сушеный виноград — «майиз»[63].

На своих огородах карлуки выращивали дыни (қавун), арбузы (тарвуз), тыкву (каду), лук (пиёз), морковь (савзи), репу (шалғам), свеклу (лавлаги) и другие виды овощей. Из дынь и арбузов делали «шинни» — сваренный до густоты свежего меда арбузный или дынный сок, а также «қара-қурут». Последний делается таким образом: выжатый из дыни и арбуза сок варят в котле, добавляя туда немного муки; после достаточного кипячения дают остыть; затем получившуюся массу выкладывают ложкой на скатерть отдельными кучками и сушат на солнце. Қара-қурут запасали на зиму. Сушеную мякоть дыни называли «қовун-қоқи».

Чай карлуки в прошлом почти не пили, он начал входить в употребление с начала XX в. Однако и теперь многие карлуки не любят чай, а если и употребляют, то исключительно «кўк-чай» — зеленый чай. Кипятили чай в медных сосудах — «кумған» или «чайджўш».

Таким образом, из вышеизложенного видно, что у карлуков издавна сложилась самобытная и многообразная по формам материальная культура. Однако надо иметь в виду, что плодами этой культуры в полной мере пользовалась лишь малочисленная феодально-байская верхушка, сосредоточившая в своих руках значительное количество скота, обширные площади пастбищных и пахотных земель. Что же касается трудящихся карлуков, то задавленные жестоким феодальным гнетом и эксплуатацией, они были лишены тех материальных благ, которые создавались их же трудом.

---

[63] Зардоли, гелос, ғўлунг, майиз — таджикское название указанных фруктов, принятое карлуками и другими тюркоязычными народностями быв. Бухарского ханства.

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РОДОПЛЕМЕННЫЕ ДЕЛЕНИЯ КАРЛУКОВ

У карлуков, подобно другим узбекским племенам, не сохранилось твердое родоплеменное деление. Это объясняется тем, что они раньше других перешли к оседлости. Только у незначительной части карлуков, вплоть до первой четверти XX в. остававшейся полукочевниками, встречаются родовые деления и мелкие подразделения, далеко не соответствующие первоначальному названию рода.

Такие родовые деления в виде «лакаб» сохранились у карлуков Қассанского, Сарыассийского, Шурчинского и Алатского районов. У карлуков Қассанского района было отмечено десять родовых названий: шихляр[1], кўк-иштан, қырқ-йигит, олти-уйлик, қарангилик, гадойляр, ҳавошляр (абиссинцы)[2], бўлак-авул, кал-тўпар, қуллар или дўғма, ҳайвонляр.

Қарлуки Сарыассийского района имели следующие мелкие родовые группы: лолаки, қора-ясок, қора-бўюн, султон-маҳмуди, мазор-чопти, ажаргони. Қарлуки Шурчинского района делились на пять подразделений (таипа): пашкаш — низкие, не достойные уважения; люли-авлод — один из предков этой группы происходил из цыган; банги-авлод — предки этой группы якобы курили опиум и ходили пьяными (банги); бало-хўри; касавли (кочерги).

Қарлуки Алатского района делились на три территориальные группы: хасвой-каллық — карлуки, живущие на берегу канала (арыка) Хасвой; чурчул-қаллық — живущие на берегу канала Чурчул; ашак-карлук — приехавшие из кишлака Қаллык Қассанского района мелкими группами из различных родов.

Перечисленные нами названия родовых делений являлись либо прозвищем, либо происходили от названия места их поселения, но вовсе не были подлинными родовыми названиями. Некоторые названия родов и подразделений указывают на сильную ассимиляцию карлуков с другими (даже неузбекскими) племенами и народами.

Члены определенного рода как в кишлаке, так и на пастбищных землях жили компактно со своими сородичами. Несколько малых семей (айла) входили в одну большую патриархальную семью (хожалик); несколько таких хожалик, объединившихся в род (уруғ), занимали определенные территории кишлака. Пастбищные земли и обрабатываемые земли у карлуков Қассанского района были разделены между родами. Во время летних кочевий все карлуки, принадлежавшие к одной родовой группе, занимали определенное место расселения и имели общие для всего рода пастбищные угодья.

Существовал обычай, по которому члены одного рода не могли породниться с карлуками из другого рода. Однако это правило нередко нарушалось. Қарлуки одного родового подразделения называли друг друга «инаға», т. е. братья (вернее, младший и старший брат), одного рода — «қарындош»[3], (букв. — единоутробный), а карлуков другого рода — «уруғ». Всех карлуков, где бы они не жили, называли «эл» (народ) или «ўз элимиз» (свой народ)[4].

У карлуков существовали также свои пережитки родовой мести — «хун». Если убивали одного из членов данного рода, другие члены этого рода требовали выдачи убийцы. В случае отказа вступали в борьбу со всем родом. Кончалась борьба тем, что семья убийцы платила пострадавшей семье откуп деньгами или скотом. Однако если убийца происходил из богатой байской среды, то нередко он оставал-

[1] «Шихляр» (шихи) — таким же термином называют и туркмен расселенных на территории совхоза «Мубарек» Қассанского района. Под термином «шихляр» подразумевается также одно из племенных подразделений северобалханских туркмен (см. «Вестник Московского университета», 1958, № 4, стр. 168).

[2] Карлуки этого рода были смешаны с рабами и рабынями, видимо, когда-то привезенными из Абиссинии.

[3] Название «қарындош» лиц, принадлежащих к одному роду, сохранилось и у народов Алтая — первоначальная родина карлуков (см. Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М. — Л., 1953, стр. 250—252).

[4] Термин «эл» у тюркских народов в древности означал союз племен, но при образовании тюркского каганата (в середине VI в. н. э.) «эл» стал обозначать «народ» (тюркский народ). См. А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков, VI—VIII вв., стр. 101, 141—143, 146.

ся ненаказанным. Все это говорит о том, что у полукочевых карлуков вплоть до XX в. сохранялись пережитки родового и группового деления.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Социальные отношения карлуков в конце XIX и в начале XX в. были основаны, как и у всех народов Средней Азии, на феодальных отношениях. Однако феодализм у карлуков переплетался с пережитками родового быта. Это проявлялось в делении на роды, сохранении родовых названий в пределах пахотных и пастбищных земель между родами, наличии родовых кочевий — временного сезонного объединения скота рода во время пастьбы на родовых пастбищах и т. д.

В социальных отношениях карлуков в указанный период родовые пережитки переплетались с патриархально-феодальными отношениями, характерной особенностью которых является сочетание феодальной сущности, феодального экономического содержания с патриархальными формами общественных отношений, сохранение в них родовых пережитков[5].

Хотя внешне род еще сохранял свое единство, оно все более разрушалось развивающимся социальным неравенством. Как уже указывалось выше, огромное количество обрабатываемых и пастбищных земель — индивидуальных и общинных, — а также скота находилось во владениях карлукских баев и зажиточных хозяйств. Дехкане и родовые скотоводы, на плечах которых лежали все тяжести полевых работ, имели незначительное количество земли и скота. Власть богатых поддерживалась местными чиновниками амлякдарами в соответствующих амлякдарствах, беками и государством. Трудящиеся массы были бесправными и эксплуатировались своими богатыми сородичами. Владея огромным богатством и деньгами, баи покупали у бедного населения земельные участки, вытесняли их с пастбищ, а также нередко закабаляли их посредством долговых обязательств.

Все решения, касавшиеся земельно-водных отношений, решались на сельском сходе «йиғин», который собирался один раз в год перед началом весенне-полевых работ (в марте). На нем из числа состоятельных лиц выбирали старейшину — «аксакала» (букв. — седобородый), мираба, а у карлуков Кассанского района — также и цирюльников. Решение принималось или отвергалось криками присутствующих. Однако этот принцип «родовой демократии» был лишь наруку баям, которые путем подкупа и угроз заставляли большинство голосовать за кандидатов, защищающих интересы богатых семей.

Выбранный на сходе аксакал был лишь формальным представителем жителей кишлака, так как на деле он всецело зависел от местных баев и амлякдара. На обязанности аксакала лежал сбор различных видов податей, поставка людей на военную службу, наблюдение за очередностью в водопользовании и т. д. Жители кишлака все назревшие вопросы решали через аксакала и шли к нему на совет — «маслаҳат»; с ним советывались и по поводу устройства свадьбы, похорон, поминок и по поводу сроков начала сельскохозяйственных работ. Вновь избранный аксакал представлялся амлякдару, преподнося последнему несколько сот тенег (серебряная монета стоимостью 20 коп.) и несколько баранов. Амлякдар в свою очередь утверждал выбранного аксакала, что выражалось в угощении нового аксакала и надевании на него халата[6]. Этот факт лишний раз говорит о том, что хотя аксакал и был выборным лицом, фактически он находился на службе у баев, представителем которых он являлся в амлякдарстве.

Немалая доля общественного дохода кишлака шла в пользу ишанов — духовных наставников, живших за счет трудящихся масс кишлака. Например, в кишлаке Каллык Кассанского района было 12 семей ишанов, группировавшихся вокруг двух имеющихся мечетей этого кишлака.

В хозяйствах баев и зажиточных карлуков работали многочисленные наемные работники. Условия их работы были весьма тяжелыми, а оплата низкая.

Етим нанимался из среды неимущих жителей данного кишлака или соседних кишлаков. Договорный срок етима, в качестве кого бы он ни нанимался в скотоводческих хозяйствах (работником на поле, чабаном, чулуком), был один год, а в земледельческих хозяйствах — восемь месяцев. В конце установленного времени етим брал расчет или оставался на прежних условиях работать у бая. Оплата труда етима зависела от количества беднейшего населения, желающего продавать свою рабочую силу.

[5] Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955, стр. 41.

[6] Энпе. Очерки Бухары, журн. «Средняя Азия», вып. 3—4, книга 4, стр. 168.

В конце XIX и в начале XX в. условия найма етима на год в овцеводческом хозяйстве были приблизительно следующие. Бай давал два комплекта (летней и зимней) одежды, две пары нижнего белья из домотканной материи (алача), одну чалму на лето, меховую шапку на зиму, чакман на овечьей или верблюжьей шерсти, ватный халат или стеганку (курта или гуппи), сапоги на зиму, кавуш (полузакрытая обувь) на лето, продукты на ежедневное питание. За свою работу етим получал 6—8 голов овец в год, а если практиковался денежный расчет, то до 200 танга[7] в год. При этом ставилось условие, чтобы чабан сохранил отару полностью без потерь; если же при подсчете не хватало, скажем, 10—15 голов овец, то чабан вынужден был 3—4 года отработать у бая бесплатно.

В земледельческих хозяйствах условия найма етима были приблизительно такими же. Обычно етим нанимался на полевые работы, в основном совпадающие с теплым периодом года, поэтому при расчете он получал летний халат из алачи, пару нижнего белья (рубашка и штаны) из алачи, кавуш, қалпоқ (тюбетейку), салла (чалму), кроме того, 4—5 батманов зерна (пшеницы и ячменя) или 125—150 танга.

Кўшчи (пахарь) нанимался из беднейших, но знающих технику земледелия дехкан, не имевших ни земли, ни рабочего скота. Оплата труда по договоренности натурой до 2—3 батманов зерна или 50—75 танга за пахотный сезон.

Ўроқчи (жнец) обычно был из числа жителей данного кишлака или пришедший из других кишлаков, районов в поисках работы в период жатвы (ячменя или пшеницы). Оплата по договоренности. Обычно договаривались на двойной размер семян (ячменя и пшеницы), посеянных на один танап земли, т. е. работник получал 3 пуда зерна с танапа.

Мардикор также нанимался на различные виды работ из числа беднейших жителей данного кишлака или пришедших из других кишлаков на срок от одного до 10—15 дней. Оплата труда обычно производилась деньгами по договоренности, в среднем 1 танга за три дня работы, а также ежедневное трехразовое питание.

Чайракор нанимался на весь период полевых работ из числа беднейших дехкан, не имеющих своей земли или имеющих небольшой земельный участок. Условия найма были различны: если чайракор обрабатывал байские земли своим инвентарем и рабочим скотом, то получал от 1/4 до 1/6 части урожая; если он пользовался байским инвентарем, рабочим скотом или подсобным рабочим хозяина, то получал от 1/7 до 1/10 части урожая.

[7] Одна бухарская танга по курсу русской валюты конца 80-х годов XX в. равнялась 20 коп.

Кроме вышеуказанных, карлукские баи использовали и другие формы эксплуатации, в частности, имевший среди карлуков широкое распространение обычай, так называемый «ҳашар» или «кўмак»[8]. Такой вид «помощи» крупным баям проводился в период пахоты и жатвы. За 2—3 дня бай объявлял день пахоты. В назначенный день все дехкане, как бедняки, так и зажиточные, выезжали на поля крупных баев со своим инвентарем, рабочим скотом и работали от восхода до захода солнца. Отсюда видно, что под видом хашара в феодальном обществе скрывалась форма барщинной эксплуатации[9]. Ҳашар как метод принудительного труда применялся особенно на строительстве плотин, дамб и на очистке магистральных каналов.

Таким образом, в хозяйстве карлуков конца XIX и начала XX в. наблюдалось господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя (в данном случае чайракора) землей, материальная зависимость крестьянина от баев в различных формах «внеэкономического принуждения». Здесь были все черты, характерные для феодального хозяйства, о которых писал В. И. Ленин[10], характеризуя условия барщинного хозяйства в России.

Необходимо также отметить, что наряду с чайракором в создании прибавочной стоимости большую роль играли и етимы. Именно на их труде держалось громадное хозяйство крупных карлукских баев. Однако до настоящего времени в исторической литературе эта форма эксплуатации не нашла правильного отражения. Если иногда и говорится о етимах, то ставят их наряду с поденными работниками, хотя етимы во многих случаях работали у бая по 10—15 лет, а иногда и пожизненно (особенно етимы-должники). Немалую роль в создании прибавочного труда играли, конечно, и поденные рабочие — жнецы (ўроқчи), пахари (қушчи) и мардикоры.

Трудящиеся дехкане в бывшем Бухарском ханстве были обременены также многочисленными налогами и сборами.

[8] «Кўмак» — узбекское слово, смысл которого равнозначен «ҳашару».

[9] Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-Боло, стр. 34—35.

[10] См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Сочинения, т. 3, стр. 158—159.

По данным некоторых источников[11],число их доходило до 55 Угнетенные, бесправные дехкане, не выдержав жестокой эксплуатации баев-феодалов, неоднократно поднимали восстания. Крупнейшее такое восстание происходило в Денавском бекстве в середине 80-х годов XIX в., возглавляемое дехканином Эрназар-Полваном. До сих пор у карлуков сохранилась память об этом народном герое. По призыву Эрназар-Полвана жители нескольких кишлаков в знак протеста против чрезмерных налогов отказались платить их. Тогдашнему денавскому беку Абдурахману пришлось направить против восставших вооруженный отряд. Между дехканами и солдатами произошли вооруженные стычки, в одной из которых отряд был разбит, а сам бек едва не попал в плен. Восставшие во главе с Эрназар-Полваном заняли крепость Денав (местопребывание бека) и удерживали ее в своих руках около полутора месяцев. Бухарский эмир Музаффар (1860—1885 гг.) вынужден был послать в Денав крупные воинские силы, окружившие город. Несколько дней осажденные успешно отражали атаки эмирских наемников. Однако в результате предательства войскам эмира удалось проникнуть в крепость; началось беспощадное избиение повстанцев, не имевших вооружения, кроме дубинок и лопат. 48 участников восстания были тогда же повешены в Дербентском ущелье[12].

Другое восстание произошло в начале XX в. в Дашнабадском амлякдарстве Гиссарского бекства. Поводом к восстанию дехкан карлукских и локайских кишлаков послужило зверское избиение местными чиновниками нескольких карлуков за отказ выйти на борьбу с саранчой. Карлуки и локайцы при поддержке населения других кишлаков, вооружившись дубинками, вилами и лопатами, пошли на Сарыассия, где в то время находилась резиденция мингбаши (тысячника). Последнему пришлось бежать. Получив в подкрепление отряд солдат, мингбаши вернулся в крепость, но был снова разбит и бежал. Восстание было подавлено лишь с помощью эмирской армии. Однако ненавистный народу мингбаши был заменен другим.

[11] Л Н. Соболев, указ. соч., стр. 184—241; А. А. Семенов, указ. соч., стр. 40—52; А. И. Шахназаров, указ. соч., стр. 501 и след; Б. И. Искандаров, указ. соч., стр. 45.

[12] В двух документах из фонда кушбеги бухарского эмира говорится о восстании 80-х годов, происходившем в Денау. Из содержания этих документов можно предположить, что речь идет именно об этом восстании. См. К. З. Мухсинова, К истории выступлений бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в., журн. «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 94—99.

Подобные восстания наблюдались и в районах низовьев Кашкадарьи. Хотя восстания карлукских дехкан, как и дехкан других народностей ханства, и наносили удары по устоям Бухарского феодального государства, они не могли принести трудящимся желаемых результатов.

Только с победой Великой Октябрьской революции, при братской помощи великого русского народа трудящиеся Бухары освободились от векового угнетения, стали строить счастливую свободную жизнь.

СЕМЬЯ И БРАК

Основной формой семьи у полукочевых карлуков до конца XIX в. являлась патриархальная большая семья[13]. Дошедшая в пережиточной форме до наших дней, она наблюдалась у ряда других народов и этнических групп. Семейная община состояла из отца, матери, сыновей и их детей. Нередко членом этой общины являлись брат (или братья) отца и его (или их) жены и дети, рабы и рабыни, дети умерших родственников. Число душ в таких семьях доходило до 25—30 и более человек. Все питались из общего котла — «қозон». Главой семьи был отец, а в его отсутствие мать или один из старших детей.

Экономической основой большой патриархальной семьи являлись земельные угодья и скот, раздела которых старались не допускать. Этим, видимо, объясняется тот факт, что у карлуков пережитки патриархальной семьи сохранялись длительное время. Раздел имущества происходил после смерти отца и матери или когда у одного или двух женатых сыновей было много взрослых детей мужского пола, которых требовалось женить.

Отделившимся детям отец семейства по своему усмотрению давал земельные участки и скот. Если раздел имущества происходил после его смерти, то наследство определялось по шариату следующим образом: 1/8 часть — жене или женам, 2/3 из оставшегося имущества получал сын (или сыновья поровну), а 1/3 — дочь (или дочери поровну); если в семье оставалась только жена (без детей), то она при разделе имущества получала 1/4 часть, а остальное поступало в распоряжение ближайших родственников умершего.

У карлуков существовал обычай, по которому брат мог жениться на жене своего покойного брата — «левират»[14].

[13] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 57 и след.

[14] Левират — обычай жениться на вдове умершего брата, существовал у многих народов Средней Азии и Сибири.

Сохранение пережитка левирата объясняется экономическими причинами. Братья старались не допускать, чтобы наследство (прежде всего земля и скот) перешло к вдове умершего брата и тем самым отчуждалось от них. Поэтому, чтобы сохранить в своих руках наследство, они женились на вдове умершего и усыновляли его детей. В первую очередь на вдове брата имел право жениться брат, младший по возрасту, но при этом оставлявший за собой право на повторную женитьбу[15]. При левирате дети покойного брата считались детьми дяди и лишались права на наследство умершего отца.

Отметим, что вдова могла выйти замуж за брата мужа только со своего согласия. Однако это ее право под давлением братьев покойного нередко нарушалось. В случае, если вдова выходила замуж за пределы своего рода, то наследство мужа по совершеннолетию детей переходило к братьям покойного. Если вдова отказывалась выйти замуж, то наследство, доставшееся ее детям, оставалось при ней и она могла выделиться из семьи покойного мужа. Покровительство ей и ее детям оказывал ее брат[16]. Он заботился о хозяйстве сестры, выдавал замуж племянниц и женил племянников. Таким образом, в вышеуказанных фактах видны пережитки первобытного левирата и аванкулата.

Наряду с левиратом у карлуков существовал обычай жениться на сестре умершей жены (сорорат)[17], что также было вызвано экономическими соображениями.

В начале XX в. патриархальная семейная община находилась в стадии полного разложения, особенно у карлуков Кассанского района. Этому способствовал переход от деления общинной земли между родами к делению между отдельными малыми семьями (аила). В последнем случае каждый семейный житель кишлака получал одну долю общинной земли.

Большесемейность можно встретить и в настоящее время, но уже как пережиток прошлого.

Карлукские женщины были несколько свободнее, чем женщины оседлых узбеков. Они могли без паранджи ходить в пределах своего кишлака, а в свободное от работы время в присутствии мужчин танцевать и петь песни. Многие вдовы управляли самостоятельно хозяйством, отстаивали свои права при разделе имущества покойного мужа, вступали в споры и пр.[18]

Однако свобода карлукской женщины была лишь относительной. Все семейные хлопоты, связанные с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, непосильной тяжестью ложились на ее плечи. Мужчины в домашние дела почти не вмешивались. Если в семье было несколько женщин, то все они подчинялись старшей в семье — матери, от которой находились в полной зависимости.

Рождение ребенка было важным событием в семье карлука. Больше всего предпочитали иметь мальчика. Женщина, родившая сына, пользовалась уважением мужа и его родителей. Первый, кто передавал весть о рождении мальчика, получал подарки — «сўюнчи» (вознаграждение за радостную весть) — в виде денег, халата, платка и т. д. Богатые (если эту весть сообщал мальчик или мужчина) давали в суюнчи даже ездового коня. В честь рождения мальчика устраивались неоднократные угощения, а рождение девочки ничем почти не отмечалось. Роды происходили в юрте или капа, без соблюдения каких-либо гигиенических предосторожностей, что подчас приводило к преждевременной смерти рожениц. Принимала новорожденного бабка. Обмывали новорожденного в теплой, слегка соленой воде, обтирали мягкой тряпкой или ватой. В случае трудных родов по указанию бабки резали барана, козла, петуха, т. е. приносили жертву во имя биби Фатимы и биби Зухры (покровительницы рожениц)[19], что бы они прогнали злых духов, мешающих родам. В день рождения ребенка жарили «бўғурсоқ» (пышки), разносили по соседям и близким родственникам, чем давали знать о благополучном исходе родов. Принимавшая роды бабка получала кусок мыла, одно блюдо муки, 0,5 *кг* масла, платок или отрез на него. Ребенок должен был называть ее «ана» (бабушка), а бабка его внуком или внучкой. При женитьбе или выходе замуж дарили бабке отрез на платье, чалму, платок и почитали ее наряду с родной бабушкой.

[15] Так как женитьба на вдове брата рассматривалась как наследство, то он формально не считался женатым и мог жениться повторно.

[16] М. О. Косвен, Аванкулат, СЭ, 1948, № 1, стр. 3—46.

[17] О существовании этого обычая у узбеков и ряда других народов см. Л. П. Потапов указ. соч., стр. 47.

[18] Существует предание, что приблизительно в начале XVIII в. беком у карлуков, расселившихся на южных склонах горы Карнаба, была женщина. Накануне революции эльбеги (главой) племен, кочевавших в низовьях Кашкадарьи, была также женщина по имени Джамал из рода ших, отличавшаяся жестоким и деспотическим характером.

[19] Фатима — дочь пророка Мухаммеда; Зухра, т. е. светлая, блестящая, — ее эпитет. Однако большинство населения нынешних Сурхандарьинской и Бухарской областей, в том числе и карлуки, понимали Фатиму и Зухру как отдельных святых. В данном случае Фатима и Зухра выступают как патронессы женщин-рожениц.

В течение 40 дней для рожениц существовал особый режим. Ей не давали работать, над постелью, где она спала с ребенком, все ночи горел светильник, в помещение не допускались посторонние лица. Это делалось для того, чтобы уберечь младенца от злых духов. По истечении положенного срока женщина начинала работать по дому в обычном порядке.

На второй или третий день после рождения ребенку давали имя. Через 7—10 дней жарили бўғурсок и бабка, принимавшая младенца, клала младенца в бешик (в люльку). По этому случаю состоятельные родители устраивали для односельчан большое угощение — «бешик-тўй». Кормили грудью ребенка до одного года, а если вслед за ним не появлялся другой, то до 3—4 лет. После года ребенку стригли волосы и опять устраивали угощение (соч-тўй). Затем делали обрезание (сўннат-тўй), на что затрачивалась большая сумма денег.

У карлуков существовал обычай колыбельного сговора — «бешик-карда». Если рождалась девочка, мать малолетнего мальчика, навещая роженицу, платочком или кончиком рукава (халата, платья) подметала порог, давая этим знать о цели своего посещения.

С 6—7 лет детей приучали к труду, а с 10—15 лет они уже самостоятельно работали по хозяйству.

Перед тем, как перейти к описанию свадебных обрядов и свадьбы, коротко остановимся на терминологии родства.

«Катта-бобо» — отец отца отца (или матери); «катта-момо» (или просто «момо») — мать отца отца (или матери); «бобо» — отец отца (или матери); «ана» — мать отца (или матери); «ота» — отец; «она» — мать; «оға» — старший брат; «ини» — младший брат; «опа» — старшая сестра; «сингил» — младшая сестра; «ава»[20] — брат отца; «тоға» — брат матери; «амма» — сестра отца; «хола» — сестра матери.

Вышеуказанные термины родства в одинаковой степени относятся как к родственникам по отцовской линии, так и к родственникам по материнской линии.

Детей своих братьев, я и моя сестра, если они старшие, называем «оға», а если младше нас — «ини». Детей своих сестер и детей дяди по матери я называю «жиян», а они меня — «тоға» (дядя). Мои дети называют детей моих сестер «амма-бача», дети сестер называют друг друга взаимно «хола-бача», а после трех колен — «бўла-бача».

[20] Наряду с термином «ава» применяется термин «амаки», также обозначающий брата отца.

«Навера» —внук; «авера» — правнук; «чевора» — праправнук; «кайнота» — отец мужа, равно и отец жены; «кайнона» — мать мужа или мать жены; «кайноға» — брат мужа, а также брат жены; «кайн-ини» — младший брат жены или мужа; «келин» — жена брата. Жены братьев называют друг друга «авсун». Мужа сестры называют «поччо», а мужья сестер друг друга — «божа».

Брачным возрастом у карлуков для девочки считались 14—15 лет, для мальчика —17—18 лет. Иногда девочку выдавали замуж в 10—12 лет. Невеста выбиралась из среды своих родственников, брак обычно был эндогамный. Принято было жениться на двоюродных, троюродных сестрах по отцу, но за неимением таковых, женились на дочерях дяди или тети по матери.

Девушек за пределы своего рода не выдавали. Однако этого правила твердо не придерживались. Были случаи, вызванные нищетой, когда продавали своих дочерей мужчинам других народностей или выдавали за человека преклонного возраста. Например, житель селения Каллык Кассанского района Худайкул в 1906 г. продал свою 13-летнюю дочь Хурсан за 2000 танга 55-летнему туркмену из Каракульского района Матрасул-баю. Она была у него третьей женой. При бракосочетании Матрасул-бай сам не присутствовал, а отправил свой нож. Мулла, поставив нож на правое колено Хурсан, произнес соответствующую молитву и тем самым брак был заключен. Бракосочетание с ножом было нередким явлением среди карлуков Кассанского района.

Получение жен из другого рода и от другой народности также практиковалось, что являлось признаком ассимиляции карлуков с другими узбекскими и неузбекскими племенами и народностями.

Брак был патрилокальным — жена переходила жить в дом своего мужа. Не исключены были и пережитки матрилокальности. Главную роль в выборе невесты играла мать; для сына воля матери считалась законом.

После того, как выбор был сделан, к родителям девушки отправлялись две свахи (савчи) — тетка по отцу или матери и замужняя сестра. Прежде чем войти в юрту невесты, они говорили: «Қуллуқчиллика келдик», т. е.: «Пришли осчастливить вашу семью». Мать девушки (или близкая родственница) отвечала: «Хуш келибсизлар» — «Добро пожаловать», приглашая свах войти в юрту и усаживая их. После обычного чаепития одна из савчи сообщала о цели своего прихода.

Если мать девушки была рада будущему зятю, то заканчивая переговоры сообщала, что необходимо посоветываться с отцом, братьями, дядями дочери, а затем только дать окончательный ответ. Если она не желала выдавать дочь за данного жениха, то старалась вежливо уклониться от предложения. При этом она говорила: «Бизни қизимиз ҳали кияв талоб бўлгани йўқ», что означает: «Наша дочка еще молодая, ей еще не время выходить замуж»; или: «Бизни қизимиз, потиҳали», что означает: «Наша дочка имеет уже назначенного жениха».

Провожая свах, мать девушки говорила: «Хуш келибсизлар, яна келлиглар», что означает: «К добру пришли, еще раз приходите», т. е. для получения окончательного решения родителей.

Через 2—3 дня одна из свах вторично приходила в дом девушки. Мать девушки сообщала, что на домашнем совете решили, что жених вполне достоин их дочери и для окончательного решения просит прислать своих мужчин. С этими словами она передавала свахе завернутые в белый платок две простые и две сдобные лепешки (катлама), а также носовой платок, что являлось доказательством согласия родителей невесты на свадьбу. Узелок со всем содержимым передавался в руки матери жениха. Последняя, взяв простую и сдобную лепешки, крошила их на мелкие кусочки и раздавала всем присутствующим, произнося при этом «сизлар хам тўй куринглар» («чтобы и вы дожили до такой свадьбы»), а две другие лепешки и носовой платок отдавала свахе в знак благодарности и благополучного выполнения ее миссии.

После этого родители жениха собирали своих близких родственников на семейный совет (маслахат), где объявляли о решении женить сына и о том, кто является невестой. Тогда же выбирали двух сватов, которые в назначенный день отправлялись в дом будущей невесты. Здесь к приходу сватов также собирался семейный совет, где обсуждались достоинства и недостатки жениха, а также устанавливались расходы, связанные с предстоящей свадьбой. Исходя из этого, предварительно определяли размер калыма.

В калым входили деньги, различные виды продуктов, скот, одежда и материя. У карлуков Кассанского района калым выплачивался исключительно деньгами. При определении размера калыма учитывалось состояние родителей жениха и его родственные связи с ними. Если жених был близким родственником невесты, то калым назначался приблизительно тех же размеров, что и расходы родителей

невесты на свадьбу. Если жених был чужим, то калым брали завышенный. В этом случае представители жениха торговались и настаивали на уменьшении размера калыма. Весь процесс, связанный с определением калыма, назывался «қалым кести».

После того, как стороны приходили к соглашению о калыме, дядя невесты по матери (при его отсутствии — дядя по отцу) ломал лепешку на две части и, держа обе половинки в руках, произносил: «Вот две части одной лепешки, та, которая в левой руке, что близко моему сердцу, — доля невесты, моей племянницы, а которая в правой руке — доля моего будущего зятя. Пусть узы дружбы этих молодых скрепят и нашу дружбу». Ту половину лепешки, которую дядя назвал долей невесты, он передавал представителям жениха, а долю жениха отцу невесты. Последний крошил лепешку на мелкие кусочки и раздавал их присутствующим родственникам. Сваты съедали от своей половины лепешки по маленькому кусочку, а остальное передавали родителям жениха; эту часть лепешки также распределяли между всеми родственниками жениха, присутствующими при дележе. Этот обряд назывался «нон синдириш» (букв. — ломать лепешку), он символизировал согласие сторон установить близкие родственные связи.

Через 2—3 дня (или через неделю после прихода сватов) устраивался родовой совет (маслаҳат), на котором отец жениха сообщал о решении женить сына и называл имя невесты, а также докладывал о своем состоянии: что у него есть наличного, что нужно приобрести, хватит ли его средств на уплату калыма и на устройство свадьбы. Выслушав его, родственники предлагали свою помощь: один обещал дать определенное количество денег, другие — скот, третьи — муку, четвертые — различные виды сладостей и пр. Помощь являлась безвозмездной и не налагала на устроителя свадьбы никаких обязательств.

Когда собирали все необходимое, назначался день помолвки (потиҳа), которая как бы закрепляла намеченную девушку за женихом. За несколько дней до потиҳа в дом невесты отправляли 1/3 часть калыма. В назначенный день родители невесты организовывали небольшое угощение для своих родственников и уважаемых людей кишлака. Туда приходил и жених вместе с дядей по матери (если такового не имелось, то с другим близким родственником) и одним из товарищей. После угощения совершалась помолвка — мулла читал молитву, чем формально закреплял согласие отца и родственников невесты о выдаче девушки за данно-

го юношу. С этого момента девушка и жених считались «потиҳалик» (сговоренными).

По обычаю, с этого момента жених избегал встречи со старшими по возрасту родственниками невесты (қочув)[21], что являлось пережитком матриархальных отношений, матрилокального брака[22].

В период от потиха до свадьбы родители жениха обязаны были к каждому празднику отправлять невесте различного рода подарки (ширини). Эти подарки давались приблизительно в следующем размере: от одного до 4—5 пудов халвы, 2—3 пуда магиз (кишмиш), 1—2 пуда кандалат (конфеты с гороховой начинкой) и другие сладости, головной платок, отрез на платье (простой или шелковый), туфли. Из этого перечня видно, что сторона жениха фактически содержала невесту, а название «ширини» носит только внешний характер.

Некоторое время после потиҳа (в бедных семьях спустя 2—4 года) оформляли брак (никоҳ). Последний у карлуков Шурчинского района происходил на 1—2 года раньше, чем свадьба. По этому случаю у шурчинских карлуков устраивалось большое угощение (тўй), связанное с огромными расходами со стороны жениха. У карлуков Кассанского, Пахтакорского, Алатского районов никоҳ и тўй происходили в один день. Перед обрядом никоҳ уплачивалась дополнительно треть калыма и справлялся комплект одежды для невесты. Вечером в день никоҳ приходил жених со своими родственниками, а также с несколькими товарищами в дом невесты. Сельский мулла проводил формальность установления свидетелей — «вакил» (у карлуков Кассанского района они назывались «ақил ота»)[23] — жениха и невесты, у которых спрашивали согласие новобрачных на брак. Затем мулла читал текст (сура) специальной молитвы «никоҳ» и тем самым скреплял брачные узы. После этого голову жениха покрывали халатом и в сопровождении одного из товарищей вводили в юрту, где для невесты и жениха было устроено специальное место, отгороженное занавеской

[21] Обычай избегания жениха существовал у узбеков Ферганы и дельты Аму-Дарьи, у таджиков, казахов, киргизов, туркмен (см. статью Н. А. Кисляков а «Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии», КСИЭ АН СССР, т. XXVIII, 1957, стр. 24—25).

[22] Н. А. Кисляков, указ. статья, стр. 25.

[23] Ақил-ум (оқиллы — умный, ота — отец). Следовательно, «ақил ота» дословно — «умный отец». Но в переносном смысле означает — посаженный отец, который отвечает на все вопросы муллы от имени жениха или невесты.

(чимилдық) из орнаментированной материи (сюзани). Сюда же приводили и невесту. Перед тем как пройти за чимилдық, родственницы осыпали их конфетами, кишмишом и другими сластями, что называлось «сочалоқ». Жених оставался ночевать с невестой. В юрте вместе с ними ночевали две пожилые женщины со стороны жениха и две со стороны невесты, чтобы по поверью, охранять покой новобрачных от посягательства черта (жина). Однако в этом обычае нельзя не видеть пережитка матриархата, когда жених поселялся на жительство в доме матери невесты и жил в окружении женщин. Ранним утром следующего дня жених, покрыв голову халатом, уходил из дома невесты.

Таким образом, никоҳ являлся юридическим и фактическим оформлением брака. Оставалось только привести жену к себе домой. Однако в связи с материальными соображениями этот процесс затягивался очень надолго, иногда на 2—4 года. Жених по-прежнему избегал родителей и родственников жены. Но в то же время мог тайно видеться со своей женой в доме ее отца[24]. Тайное свидание жениха с невестой называлось «қаллуқ» или «қаннық». Это обычай, так же как и избегание женихом родни невесты, являлся пережитком матрилокального брака[25].

Посещение женихом дома невесты происходило только в то время, когда все в доме спали. Организаторами этих встреч являлись замужние сестры, тетки как со стороны невесты, так и со стороны жениха. Они же договаривались между собой о месте и времени встречи. Иногда встреча происходила в юрте родственников невесты. Активное участие в организации встречи принимала мать невесты. Отец, по обычаю, не мешал забавам молодых. Подобные посещения продолжались до дня свадьбы. За это время невеста могла стать беременной, будучи еще в доме отца, что не считалось позором. Более постыдным считалось, если в результате посещений невеста не забеременеет, тогда ее называли «кўти-куруқ», что означало «бесплодная».

Недели две спустя после помолвки у карлуков Кассанского района проводился обряд «тавоқ қайтармоқ» (букв. — возвращение блюда). Родители жениха посылали в дом невесты плов, сваренный из 10 *кг* риса, вареного барана (яхна-гўшт), 10—15 лепешек, столько же патир, около одного пуда сладостей (кишмиш, халва и проч.), четыре отреза

[24] Обычай тайного посещения дома невесты существовал и у узбеков Ферганы, у каракалпаков, туркмен, таджиков и у курдов Закавказья (см. Н. А. Кисляков, указ. статья, стр. 22—23).

[25] Н. А. Кисляков, указ. статья, стр. 22.

материи на платья, два головных платка (рўмол), туфли, отрез на платье для матери невесты и отрез для отца невесты. Все эти предметы назывались «тавоқ» (блюда)[26]. Родители невесты, получив тавоқ, в свою очередь возвращали его с пловом, сваренным в доме невесты, лепешкой и потиром в том же количестве, которое получили; халат, поясной платок (белқарс), носовой платок (қўл рўмол), вышитый узорами невестой, тюбетейку, отрез на платье и на рубахи для матери и отца жениха. Основное значение этого обряда заключалось в установлении прочных родственных отношений.

Задолго до свадьбы карлуки Кассанского района отправляли в дом невесты также «тўққуз». В него должно было входить девять предметов по девять штук каждый, например, 9 овец (две из которых обязательно должны были быть зарезаны, а мясо сваренным), 9 пудов или батманов (исходя из состояния жениха) риса, 9 пудов кишмиша, 9 платьев для невесты, 9 кусков разной материи, 9 различных предметов одежды для родителей невесты и т. д.

В день отправки тўққуза в доме жениха и невесты начиналось торжество. К вечеру этого же дня тўққуз в сопровождении двух женщин и двух мужчин отправлялся в дом невесты, где собравшиеся женщины и подруги невесты осматривали привезенные вещи, хвалили жениха и его родителей.

После получения части калыма и тўққуза родители невесты готовили для своей дочери приданое (сеп), и постельные принадлежности, собранные в большой узел (бўғжома), ковры или паласы, одежду невесты, вложенную в продолговатый мешок (қарчин), посуду и т. д. Состоятельные карлуки Шурчинского района, кроме того, давали юрту и все принадлежности к ней. У карлуков Кассанского района остов юрты и войлок к нему приобретал жених, а принадлежности к юрте (тесьма, дверная занавеска, разных размеров веревки) приготовлялись родителями невесты из материала, также доставляемого женихом.

Тесьма ткалась на станке силами родственников невесты, а плетение «сочиқ» и вышивание узоров на дверной занавеске производилось коллективно (кўмак), при участии подруг невесты. Все работы велись обычно в торжественной обстановке. В тот день, когда начиналось плетение сочика, родители невесты резали барана, а родители жениха отправляли «дастурхон» с различными угощениями. Производство сочиқа длилось два дня, в нем участвовали 10—15 девушек, при этом присутствовали мать и сестры жениха. Через два-три дня после того, как сделан сочиқ, с таким же торжеством 5—8 девушек начинали шить узоры на дверной занавеске (эшик).

Из приведенного нами материала видно, что фактически родители невесты тратили на приданое и на различные виды торжеств такие большие средства, которые порой превышали сумму денег и стоимость продуктов, материи и скота, которые отдавались родителям жениха в качестве калыма. Поэтому рассматривать в этих случаях калым как куплю-продажу девушки нельзя.

Большую долю расходов в составлении приданого, а также в устройстве свадебного угощения несли дяди, тетки, близкие и дальние родственники как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Одни давали муку, другие рис, третьи скот, четвертые справляли одежду и т. д. Эта помощь по свадьбе у карлуков Кассанского и Пахтакорского районов называлась «кўшма», а у карлуков Шурчинского района — «совун».

Свадьба (тўй) у карлуков и окружающих их узбеков проводилась, как правило, осенью (после уборки урожая) или зимой (до начала весенних полевых работ). На свадьбу приглашались иногда жители ближних и дальних кишлаков.

За 8—10 дней до свадьбы в доме родителей жениха собирался большой совет (катта маслаҳат), куда, кроме родственников и представителей рода, приглашались и уважаемые люди кишлака во главе с аксакалом. На этом совете отец, а в случае его отсутствия дядя жениха, сообщал о том, насколько они готовы к свадьбе. Там же назначались три ответственных лица (тўй жавобгарлари) по проведению свадьбы: один из них назывался «бакавул»[27] (старшина), двое — «ёрдамчи бакавул», т. е. помощники бакавула. Обычно бакавулом избирался аксакал кишлака (теперь избирается председатель колхоза). В их ведение поступали деньги, идущие на расходы по свадьбе, а также продукты, скот и другие предметы. Два человека назначались заведующими кладовой (шарватхона), где хранились продукты, двое — для изготовления плова и шурпы (ош-паз), двое должны были организовать подачу блюд гостям, двое — подачу лепешек, в обязанности двух человек входил прием гостей (меҳмондўз), три человека должны были оповестить жителей дальних и близлежащих селений о дне свадьбы.

[26] Количество предметов при «тавоқ кайтармоқ» зависело от состояния родителей обеих сторон. Более зажиточные отправляли продукты и одежду в значительно большем размере, чем указано выше.

[27] Бакавул — узбекское слово, видимо, искаженная передача термина «бек-авул», т. е. старший по аулу.

Женщины в свою очередь намечали двух старших (кайвони) по приему и угощению гостей, организации веселья и приему невесты на женской половине. Таким образом, на большом совете предусматривались все детали по организации и проведению свадьбы .

После решения большого совета во дворе жениха в торжественной обстановке устанавливалась юрта — «ўй-тикиш». По этому случаю приглашалось несколько женщин и девушек, резали барана. Родители невесты в свою очередь отправляли жениху все принадлежности юрты и большое деревянное блюдо (чўп-тавоқ) с жаренными в сале кусочками теста (буғурсоқ). Все это приносили две женщины из родственников жениха. После установления юрты двое мужчин отвозили в дом невесты, остаток калыма и продукты. Если родители невесты оставались довольными калымом и вообще всеми стараниями родственников жениха, то мазали им губы мукой если нет, то золой.

У карлуков Кассанского района на свадьбе присутствовали только пожилые женщины своего рода, а молодые приглашались и из других родов. При этом им вручались кусочки катламы, что являлось как бы своего рода «пригласительным билетом» на свадебное торжество (чина).

Свадьба начиналась ранним утром с угощения пловом или шурпой. Для гостей во дворе отводились специальные места, застеленные циновкой. Гости усаживались на нее в круг, называемый «қур». Гостей угощали группами, по мере их прихода. К 10—12 часам дня в доме успевали угостить не только жителей своего кишлака, но и прибывших из других кишлаков. С середины дня состоятельные хозяева организовывали различные развлечения — «кўпкори» или «улоқ» (игра с козлом), «отлиқ пойга» (конные скачки), «пойга» (бег), «кураш» (борьба).

К этому времени брат или кто-либо из родственников невесты привозил из дома невесты одежду жениха (сарпо): халат, стеганный на вате, летний халат, рубашку и штаны, тюбетейку, чалму из белой ткани, поясной платок и два носовых платка, окаймленные бахромой. Для мужчин из семьи жениха он привозил по одному поясному платку, за что взамен получал от них тюбетейку.

Жениха одевал самый старший по возрасту человек. Родственники осыпали жениха сладостями (сочалоқ), поздравляли его с нарядом. Затем он в сопровождении 10—15 товарищей и стольких же женщин направлялся для приветствия к родителям невесты (кияв салом), которую на этот раз ему не показывали: в это время она находилась в соседней юрте в окружении подруг (дугона), а несколько пожилых женщин обряжали ее. На невесту вначале надевали белую рубашку, полы которой не подшивались, поверх надевали халат, стеганный на вате, на ноги туфли из зеленой кожи, вышитые узорами (кўк кавуш), лицо закрывалось белой материей, голова покрывалась платком (қапдон), а сверху накидывалась паранджа; прическа оставалась девичьей, волосы заплетались в многочисленные мелкие косички.

Вечером того же дня, после захода солнца жених в сопровождении своих товарищей и родственников вторично приходил в дом невесты, что отвести ее к себе домой. Новобрачных заводили в юрту за занавеску (чимилдық). После этого отец и мать невесты по очереди приглашали их сесть, произнося при этом: «Утиринг кияв, утиринг давлатимизни шеригисиз, қизимизни сизга топширдик, сизин худога», что означает: «Садитесь зять, садитесь, вы являетесь соучастником нашего богатства (т. е. богатство наше принадлежит также и вам), нашу дочь поручаем вам, а вас — богу». Приблизительно с такими же словами обращались и к дочери, которая продолжала стоять, ожидая приглашения братьев и дядей (особенно дяди по матери). Только по просьбе последних она садилась рядом с мужем, затем две женщины приносили зеркало в которое новобрачные должны были одновременно смотреть, а потом положить его в чехол (ойнахалта) и оставить в юрте. За принесенное зеркало жених обязан был дать женщинам деньги. Потом за чимилдық приглашались три-четыре самых близких его товарища. Для них стелили скатерть с лепешкой, катламой, мясом и различными сладостями. Перед новобрачными ставили мясо (задняя часть ноги барана до колена), называемое «тўқмалоқ». Друзья новобрачного давали деньги женщинам, принесшим скатерть и подававшим угощение, после чего жених с товарищами уходил. К еде никто не притрагивался — она носила только обрядовый характер. Молодой часть съестного раздавал присутствующим тут же детям и подросткам, а остальное заворачивал и передавал родственницам, которые относили все это в дом новобрачного. Жених, перед тем как покинуть юрту, забирал зеркало и занавеску.

Перед юртой отца разводился большой костер, вокруг которого собирались родители и родственники новобрачной. Выйдя из юрты, она обходила вокруг огня и затем падала ниц перед отцом, обнимая его ноги, прикасаясь лбом к обуви отца и говоря: «Берган нонингизга тузингизга раҳмат», т. е. благодарила за хлеб и соль. Отец поднимал дочь и, при-

нимая благодарность, прощался с ней. Если девушку отдавали против ее воли и если она имела другого избранника, то при прощании с отцом она говорила приблизительно следующее: «Берган тузингизга, нонингизга раҳмат, лекин сиз мени кўнглим тортмаган кишига бердингиз, бунга хеч рози эмас ман», что означало: «Благодарю за хлеб-соль. Однако вы выдаете меня за того, кого я не желаю, поэтому я никогда не буду довольна». Бывали случаи, когда девушка, выдаваемая насильно замуж, накануне свадьбы бежала из отцовского дома вместе со своим любимым. Бежавшие в течение года скрывались в других кишлаках. Хотя родители и родственники не разговаривали с новобрачным и его родителями и дочерью, но тем не менее они по истечении года не мешали их совместной жизни в родном кишлаке. При этом со стороны молодого не платили никакого калыма. Если девушку уводили насильно, то в этих случаях платили определенную сумму денег и давали скот «за ущерб», понесенный родителями девушки.

После прощания с отцом новобрачная прощалась с матерью, благодарила ее за материнское молоко, затем с братьями и другими родственниками. Она не торопилась с уходом, старалась подольше задержаться в родительском доме. В то время как родственники и товарищи молодого торопили ее, женщины с ее стороны пели свадебную песню — «ўлан»[28].

Затем новобрачную сажали на лошадь, которая должна была перешагнуть через специально разведенный костер. На вторую лошадь садился брат или дядя по матери. Отец желал счастливого пути и девушка выезжала из отцовского двора; за ней выходили молодой супруг, его друзья и родственники. Выехав со двора, новобрачная пропускала вперед себя мужчин, сопровождающих процессию, и поезд трогался в путь. Друзья молодого зажигали факелы, новобрачную окружали женщины, позади всех вели верблюда, нагруженного приданым. В пути мужчины обычно пели песни.

Тем временем в доме новобрачного веселились гости. Мужчины боролись, танцевали, пели песни. На женской половине проводилась «чина» — молодые женщины в нарядных костюмах играли на бубне, танцевали. Танцы чина у карлучек Кассанского района имеют свои особенности. Все женщины, участницы чина, устраивали широкий замкнутый круг, в центре которого горел большой костер. Несколько

[28] Пение ўлана отмечено нами только у карлуков Кассанского района, а остальные карлуки о нем ничего не знали.

женщин играли на бубне. 10—20 женщин, разделившись на две группы, двигались навстречу друг другу. Сам танец несложен, движения производятся медленно, но ритмично, руки откидываются то направо, то налево, при этом танцующие издают слабый звук «исс... исс». Затем в том же ритме танцевали попарно и в одиночку, вовлекая из круга других женщин в танец. Мужчины, особенно молодожены, свободно могли наблюдать за танцем, что нисколько не смущало женщин, на головах которых во время танца был только платок (қапдон).

Когда прибывала молодая, муж снимал ее с лошади и, подняв на руках, три раза обносил вокруг костра, а затем вводил в юрту. У двери юрты стояли две женщины, — одна была со стороны жены, а другая со стороны мужа, — которые вводили новобрачную за чимилдық. Сюда же входил и молодой супруг, после чего занавеску опускали, оставляя новобрачных на несколько минут наедине. Здесь молодые вели короткую борьбу, которая заканчивалась тем, что один из них должен был наступить первым на ногу другого. Если первой наступит девушка, то она якобы будет верховодить над мужем в совместной жизни, а если наступит юноша, то он будет распоряжаться в доме. Женщины не спускали глаз, наблюдая через занавеску за ходом борьбы. Победителя встречали общим возгласом одобрения. В чью бы пользу не решался этот поединок, главенствующую роль в семье, разумеется, играл мужчина. Однако сам характер этого обряда являлся, безусловно, пережитком первобытной эпохи. По-видимому, не будет ошибкой видеть в этом обряде борьбу патриархальных начал против матриархальных.

Затем в юрту заходили мать, отец и вся родня новобрачного, которых молодая должна была приветствовать (келин салом). У карлуков Шурчинского района это приветствие сопровождалось пением песен юмористического характера. Затем молодую приводили к юрте дяди по матери мужа[29], где она должна была коснуться лбом порога его жилища; после этого молодая возвращалась обратно в юрту мужа, родители которого по очереди приглашали ее сесть.

Утром следующего дня новобрачная, встав раньше всех,

[29] Если юрта дяди была поблизости от юрты молодого, то новобрачная шла в эту же ночь на поклон к порогу дяди, а если далеко, то на следующий день. Отметим, что порог юрты у карлуков считался святым. Если кто-либо наступал на него нечаянно, то он должен был перейти обратно порог и три раза его поцеловать, а если кто из взрослых наступал умышленно, то подвергался избиению. Заметим, что наступление на порог в прошлом считалось грехом и у монголов (см. «Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 30).

шила себе «лачаг» из той материи, которой она покрывала лицо при переходе в дом мужа. Затем собравшись, женщины проводили «бош боғлаш», т. е. надевание женского головного убора и наряда. Приносили немного муки, и молодая должна была прикоснуться к ней обеими руками. Руководящие обрядом женщины приговаривали: «Умри оқ булсин, қўли хамирдан узилмасин», что означало: «Пусть будет светла ее жизнь, руки чтобы были всегда в тесте» (т. е. чтобы было изобилие, чтобы она не знала недостатка в жизни). Затем давали ей немного масла и велели вылить его в горячий очаг, при этом говорили: «Қўлинг ёғлук бўлсин» — «Пусть будет твоя рука в масле». В течение 40 дней (чилла) новобрачную не допускали к варке пищи якобы для того, чтобы сажа котла не сделала ее жизнь «черной».

Спустя месяц или один год родители новобрачной приглашали молодых к себе, что называлось «чаллар». Жена отправлялась на чаллар на два-три дня раньше, чем муж. До чаллара родители новобрачной ни разу не могли прийти навестить свою дочь, и она не ходила к ним. После чаллара обе стороны регулярно посещали друг друга.

В прошлом у карлуков, как и у других народов Средней Азии, было распространено многоженство. Крупные карлукские баи и главы зажиточных семей имели двух-трех жен, живущих в одном дворе, но в различных юртах. Жены одного мужчины называли друг друга «кундош» (сожительница), между ними на почве ревности происходили постоянные ссоры, нередко доходившие до драки.

У карлуков существовала еще одна форма брака — переход мужчины на жительство в дом родителей жены. Это происходило в том случае, если у родителей девушки не было сыновей, и они принимали жениха к себе в качестве рабочей силы: такой жених назывался «куч-кияв» — переселившийся зять. Жених подбирался среди бедных родственников или сирот, хотя бы из другого рода. При такой форме брака калым не уплачивался.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ТРАУР

При погребальных обрядах карлуки, как и другие узбекские народности, придерживались в основном предписаний шариата. Однако в этих обрядах не могли не сохраниться элементы доисламских культов и верований, как, например, анимистическое представление о душе (жон), духе (арвоҳ) и о загробной жизни (у дуньё).

Карлуки считали, что душа умершего человека живет

на том свете, а дух его остается на земле и сопутствует своим родственникам, оставшимся в живых. В ночь перед мусульманскими праздниками Рўза-ҳайит и Қурбан-ҳайит, а также в ночь под пятницу и воскресенье жарили боғурсоқ, посвящая их духам умерших родителей, которые, почуяв запах масла, якобы приходят посетить своих родичей. Тогда же зажигали светильники и ставили их в западной стороне юрты, где никто не имел права сидеть, так как она должна была оставаться свободной для духов. Когда провожали своих близких и родных в путь, говорили: «Ота бобонгни арвоҳлари ёр бўлсун» — «Да сопутствуют тебе духи отцов и дедов». При посещении мазаров святых или кладбища, оставляя жертвенные деньги, говорили: «Отамни, онамни орвоҳларига бағишладим» — «Жертвую (деньги) духу отца и матери». Когда в Курбон-ҳайит приносили в жертву овцу или другое животное, также говорили, что приносится жертва духам отца и матери или вообще духам предков: «Ота боболар орвоҳлари шод болсин» — «Пусть радуются духи отцов и дедов».

Тело покойного карлуки Шурчинского района помещали в центре юрты, а карлуки Кассанского района — прямо против входа в юрту (тўр), головой на север, ногами к входу. Покойника покрывали дорогими вещами, однако держать его в глинобитном жилище считалось оскорблением. Этот обычай исходит, видимо, из убеждения, что дух умерших должен приходить в юрту, которая является постоянным жилищем карлуков.

Если умирал мужчина, то его жена, мать в знак траура надевали рубашку и штаны, сделанные из синей материи, а головы покрывали белым платком (чорсу). У карлуков Кассанского района жена умершего снимала головной убор «шох-бош», оставляя при этом только белую чалму. Цветной головной платок заменялся белым, снимались также все виды украшений.

Три дня после смерти в доме покойника, а также в дни мусульманских праздников, на его могиле проводился обряд оплакивания (садир-тепиш)[30]. В нем участвовали только родственницы покойного: мать, жена, замужние сестры и дочери, тетки, снохи. При этом надевали самые дорогие и даже цветные одеяния (помимо жены или матери покой-

[30] У карлуков Кассанского района обряд «садир-тепиш» проводился перед юртой, позади ее сидели или стояли мужчины. А у карлуков Шурчинского района этот обряд проводился внутри юрты, так как тело покойника находилось посредине жилища. Обряд оплакивания соблюдался в тех случаях, если умерший — мужчина.

ного, которые одевались в синее). Оплакивали стоя, ударяя себя кулаком по груди, выкрикивали: «о гулим» («о цветок мой»), если умерший был молодым или сыном; «о шохим» («о рога мои»), если умерший — муж; «о жигорим» («о печень моя»), если умерший — родственник. По детям до 10 лет обряд оплакивания не проводился.

Если смерть наступала до середины дня, то похороны устраивались в тот же день, а если во второй половине дня, то похороны откладывались на следующий день. Обмывали покойника сами же родственники. Если обмывал посторонний, то он получал всю одежду умершего. После обмывания тело заворачивалось в саван из белой материи (кафан), который завязывался в трех местах (у головы, у колен и у щиколоток). Затем покойника клали на специальные деревянные носилки (табут), покрытые белой материей.

Перед выносом тела мулла читал молитву (жаноза), после чего мужчинам давали по небольшому куску белой материи и деньги (от 3 до 5 рублей). Женщины получали немного сластей (конфеты, сахар и пр.). Когда мужчины поднимали носилки, один из родственников покойного (или покойницы) сыпал поверх носилок мелкие монеты[31]. На расстоянии 50—100 шагов от двора носилки снова ставили на землю и опять читался жаноза. Провожали покойного в основном родственники, оставшихся в доме угощали супом (шўрво) или пловом.

Қарлуки Кассанского района вплоть до революции хоронили своих покойников на четырех кладбищах. Одно из них — Қўзи-қўчқор — находилось недалеко от кишлака Қаллык, к северо-востоку от него. Здесь хоронили детей, не достигших совершеннолетия, а также бедных жителей кишлака, так как для доставки тела на отдаленное кладбище требовались перевозочные средства. Второе кладбище — Мавлон-Богауддин — находилось в 8—10 *км* на юго-запад от кишлака; сюда возили взрослых покойников. Третье кладбище — Ходжкаб — находилось примерно в 150 *км* от указанного кишлака, на территории Қаганского района Бухарской области, между железнодорожными станциями Қаган и Куюмазар, и четвертое — в 75—80 *км* к северу от кишлака, в местности Қарнаб, на территории Пахтакорского района Самаркандской области. На последних двух кладбищах хоронили покойников те карлуки, которые считали себя выходцами из этих районов.

Носилки с телом покойного до кладбища Қўзи-қўчқор

[31] Монетами осыпали мужчину или женщину только пожилого возраста.

несли мужчины, а на отдаленные кладбища покойника везли на верблюде. В этом случае на животное вьючились два больших мешка (қанор), набитых соломой, поверх их прикреплялись носилки с телом. Вел верблюда до кладбища самый близкий родственник покойного (сын, брат, дядя).

Обычно два-три человека заранее отправлялись на кладбище копать могилу (гўркав). В их числе находился один из близких покойного, знавший место захоронения ранее умерших родственников. Вначале копали яму, глубина которой была для мужчины до пояса, а для женщины до уровня груди. Вдоль основания ямы копалась специальная ниша (лаҳат) такой высоты, чтобы покойник мог сидеть в ней: по поверью, во время «допроса ангелов» (мункир и нанкир) покойник должен сидеть. Покойника (или покойницу) в нишу клали дядя по матери или сын, а за неимением их — другие родственники.

Покойника клали головой на север, а лицом на запад (в сторону «священной» Мекки), при этом шнурки савана развязывали. Присутствующие на похоронах брали по горсти земли, клали в полы халата одного из родственников, который высыпал землю у головы покойного. Затем проход в нишу закладывали камнями, а яма засыпалась землей. Над могилой складывали кучу камней или ставили палки, чтобы при повторном посещении легко можно было найти могилу. На детских могилах оставляли подушки, горшки, обломки люльки или целую люльку. Присутствующие при захоронении усаживались на землю и слушали заупокойную молитву, которую читал мулла. После этого пересаживались на новое место и прослушивали несколько глав из корана, а затем отправлялись в обратный путь. Женщины и оставшиеся дома родственники встречали участников похорон громким плачем.

В первую же пятницу или воскресенье родители или родственники покойного (или покойницы) резали барана, устраивали угощение (худои), на которое, не дожидаясь специального приглашения, приходили односельчане почтить память умершего. Это называлось также «етти,» т. е. поминки, устраиваемые по истечении семи дней после смерти. Следующие поминки устраивались на сороковой день (қирқи), на них жарили в масле тонкие лепешки (чўзма) в количестве 40 штук (фактически делали и больше) и раздавали по одной или по две штуки соседям, родственникам; этот обряд у карлуков назывался «қирқ синдириш». Разносили чўзму обычно дети в возрасте 10—12 лет. Спустя 9—11 месяцев после смерти устраивались последние по-

минки — «йили». Снова резали барана, устраивали угощение односельчанам — «худои» или «йилоши» (кушанье по истечении года).

В течение первого года после смерти по вечерам каждую пятницу или воскресенье, а часто также по истечении года в те же вечера близкие родственники покойного зажигали светильник в северо-западном углу юрты, куда по поверью должен приходить дух покойника.

Вдова и близкие родственницы покойного соблюдали траур в течение года. Если же у вдовы было много детей или она не желала выходить замуж за другого, то соблюдала траур в течение 4—5 лет. В годовщину смерти, мужа вдова обычно дарила родственницам, соблюдавшим траур, красные платки; с этого момента родственницы переставали носить траур. Однако сама вдова, мать покойного и другие родственницы пожилого возраста от синей траурной одежды переходили к ношению одежды, сделанной из белой материи, и только по истечении еще одного года могли носить общую одежду.

Таковы некоторые обряды и обычаи, существовавшие в быту карлуков в течение многих веков. Анализ их выявляет немало архаических черт, унаследованных еще от дофеодального и дорабовладельческого общества. Исследование этих обычаев и традиций представляет большой интерес с точки зрения этнографии и изучения исторического прошлого карлуков.

Глава V

ОФИЦИАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Огромную роль в жизни карлуков, как и у подавляющего большинства населения Средней Азии, играла религия. Законы шариата, наложившие суровую печать на все стороны общественной и семейной жизни мусульман, явились сильнейшим тормозом в развитии экономики, культуры и быта среднеазиатских народов. Например, до революции карлуки были сплошь неграмотными, лишь в начале XX в. в отдельных кишлаках появилось 2—3 человека, учившихся в сельской школе (мактаб).

Официальной религией у карлуков считался ислам суннитского толка, насильно насаждавшийся различными представителями мусульманского духовенства, главным образом ишанами. Последние ходили по дворам и под видом сбора «назр», т. е. пожертвований на содержание могил святых, фактически грабили карлукское население. В назр давали деньги, баранов; при снятии урожая — определенное количество зерна (кафсан). Ишаны взимали также сборы за прочтение молитв для исцеления больных, в случае различных семейных событий и др.

Кроме того, на известную долю общественного дохода претендовали так называемые «пир» — лица, предки которых когда-то были ишанами, но потом по каким-либо причинам переехали в другое место. Они ежегодно приезжали в кишлак Каллык, обходили все дворы и собирали деньги, каракулевые шкурки, шерсть и т. д.

В тесном переплетении с исламом существовали и доисламские верования. По своим религиозным убеждениям до середины IX в. карлуки были в основном шаманистами. Пережитки этого религиозного культа, носителями которого явля-

лись шаманы — «бахши»[1], сохранились у них вплоть до наших дней.

Бахши у карлуков могли быть как мужчины, так и женщины. Главным инструментом бахши при выполнении культовых действий служил бубен (чилдирма, заѓома или даб[2]). Бубен был обтянут выделанной козьей шкурой, кругом по ободу набиты многочисленные подвески — кольца (ҳалқа) и жестяные пластинки (шилдироқ), видимо, от этого термина произошло одно из названий бубна — «чилдирма». Специальных костюмов у карлукских бахши не существовало.

Один профессиональный бахши обычно обслуживал несколько кишлаков. Но были и такие бахши, которые занимались этим делом от случая к случаю, считая себя потомками какого-либо крупного, славившегося в прошлом бахши.

Основная функция карлукского бахши сводилась к лечению разного рода болезней, он же давал больным «лечебные» советы, при этом старался внушить им веру в злых и добрых духов, в силу бахши и т. д. Осматривая больного, он прежде всего «определял» вид болезни, которые обычно подразделялись на «дев урибти» (побил демон), «албасты тегибти» (прикоснулась албасты[3]), «ажина урибти» (побила ажина[4]), «арвоҳ урибти» (побил или наказал дух предков), «кўз тегибти» (сглазили) и «сух кирибти» (об этом несколько ниже).

Все болезни бахши лечили следующими приемами: «кўчурма» (переселение злых духов из тела больного в тела птиц и животных), «алас» (изгнание духов путем применения огня) и «қоқиш» (букв. — вытряхивать — лечение путем избиения).

Сеанс «лечения» проводился в специально отведенном для этого месте («бахши хана», «алас хона», а иногда «чилтан» — т. е. место «обитания сорока святых»)[5], которое выбиралось

---

[1] Термин «бахши», видимо, происходит от тюркского слова «боқмоқ», т. е. смотреть, лечить. Бахши у карлуков назывались также народные певцы. У казахов и киргизов шаманы также назывались бахши (баксы). См. И. А. Чеканинский, Баксыллык. Записки Семипалатинского отдела общества по изучению Казахстана, Семипалатинск, 1929, т. I, стр. 74—86; А. А. Диваев, Баксы как лекарь и колдун. ИОА ИЭКУ, XV, вып. 3, 1899; С. М. Абрамзон, К характеристике шаманства в старом быту киргизов, КСИЭ, вып. XXX, стр. 143—150).

[2] Даб — у карлуков Шурчинского района.

[3] Албасты — злой дух, наносящий вред роженицам.

[4] Ажина — злой дух женского пола. По убеждению карлуков, если аджина побила кого-либо, то он делается сумасшедшим (дивана).

[5] О чилтане (от тадж. «чил» — сорок и «тан» — тело, человек), см. М. С. Андреев, Чилтаны в среднеазиатских верованиях, в сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.

недалеко от жилища бахши, в стороне от дороги, т. е. там, где было менее людно. Иногда это было помещение, а то и просто какие-нибудь развалины. Если больной не мог двигаться, бахши сам приходил к нему в жилище.

Для обряда кўчурма больной приносил бахши петуха или курицу, а иногда барана или козу; затем разводился небольшой костер (однако не всегда), поблизости от которого должен сидеть или лежать больной, рядом с ним привязывалось животное. Бахши, играя на бубне, «выгонял» злых духов из тела больного и «переселял» их в тело животного, при этом он призывал на помощь пророков Сулеймана (Соломин) и Мухаммеда, святых Богоутдина и Чўпан-ата, мифических покровительниц женщин — Биби-Зухра и Биби-Фатыма, а также «сорок святых» — чилтанов. Действия бахши при проведении обряда кўчурма назывались «бахши ўйин» — «игра (или танец) бахши».

Для «излечения» больных женщин исполнялся обряд, называемый у карлуков Кассана «момо-ош» (угощение для старух). Женщины садились в юрте вокруг больной, а шаманка играла на бубне и произносила заклинания, доводя всех до экстаза. Если больной не становилось легче, говорили, что в ней сидят «сильные духи» и звали новую шаманку.

Лечение способом «алас» проводилось следующим образом. На тонкую палочку длиной 50—60 *см* наматывалась масляная тряпка и зажигалась. Бахши обводил горячей тряпкой вокруг головы больного до семи раз, затем бросал палочку в костер. Другой способ проведения аласа таков. Бахши наматывал на две палочки масляные тряпки, зажигал их и в горящем виде оставлял в жилище больного. Если тряпки на палочках полностью сгорают, то говорили, что злые духи вышли из тела больного, а если сгорят неполностью, то духи якобы вышли частично.

При проведении лечения способом «қоқиш» бахши играл на бубне и, доведя себя до исступления, кулаком или прутом, специально приготовленным для этого, бил больного по спине или по тем местам, где чувствовалась боль.

Подвергались лечению также «суқ» и «кўз». «Суқ» примерно можно перевести как вялость, тяжесть всего организма, при этом человек много зевает, его тянет к постели. Говорят, что эта тяжесть переходит от других лиц, которые завидуют положению, здоровью и внешности данного человека. В таком понимании «суқ» представляется в виде духа, переходящего от людей, в обществе которых находился больной. Обычно говорили «суқ кирибти» — «вошел в его тело суқ».

Выгонял «суқ» из тела бахши (в основном бахши-женщина).

Бахши, взявшаяся выгонять «суқ» у больного, брала в руки кусочек хлеба и, прикасаясь хлебом к разным местам тела (поверх одежды), произносила «суқ-суқ», «чиқ-чиқ» или, обращаясь как бы к «суқу», говорила:

Даштларга бор — Иди в степь,
Чўлларга бор — Иди в пустыню,
Эски тегирмонларга бор — Иди на старую мельницу,
Мени баламга нима ишинг бор — Какое тебе дело до моего ребенка.

Кусочек хлеба, которым пользовались при лечении, отдавали собаке и, таким образом, «суқ» считался выдворенным из тела больного.

«Кўз» — значит глаз; «кўз тегди» — «сглазили»; самая болезнь «сглаза» называется «учинмок» или «учинибти»; человека,имеющего дурной глаз, от взгляда которого якобы можно заболеть, называли «кузли» или «кузлик» — глазастый».

Один из способов лечения от сглаза назывался «кўз қоқма» (изгнание сглаза). Больного сажали на корточки, перед ним на пол ставилась чашка, наполненная водой, зажигали пучок соломы или камыша и держали в горящем виде над чашкой. При этом больной, не сводя глаз, должен был смотреть на огонь и чашку. После того, как сгорит пучок, больной, склоняясь над чашкой, произносил несколько раз «куҳ-куҳ», а бахши при этом слегка бил рукой по спине больного. От пепла сгоревшей соломы, падающего в чашку, на воде образовывались мелкие кружочки; показывая на них, бахши говорил: «Вот эти глаза тебя мучали, они теперь вышли».

Помимо непосредственного «лечения», бахши давал «советы» по лечению от сглаза и других видов болезни. Например, человеку, которого сглазили, бахши рекомендовал взять со следа того человека, который подозревается в сглазе, землю и помазать ею все тело или же незаметным образом отрезать от его одежды небольшой лоскуток (или кусок ваты из его халата) и сжечь.

Советовали также окуривать больного, которого сглазили, дымом сушеной степной травы исвона (paganum harmala). Бесплодным женщинам, желающим иметь детей, советовали обнимать дерево[6] или столб на священной гробнице — мазаре; лежать голым животом на камне у мазара, а также мазать живот, взяв горсть земли с мазара и т. д.

[6] На могилах «святых» — мазарах — ставили длинные жерди, на которые повязывали белую тряпку; посещающие мазар люди прикасались обеими руками к жерди три раза и обтирали рукой лицо, что называлось «зиёрат» — поклонение или посещение. Возле этой жерди имелся обычно камень, куда клали жертвенные деньги (назр).

Болеющим корью бахши советовали пить настойку красного степного мака (лола қизғалдоқ); больным кожными болезнями — взять синюю тряпку или платок, пойти на перекресток дорог, обтереть тряпкой больное место и, бросив тряпку на перекресток, не оглядываясь назад, уйти прочь.

Бахши давал советы, выполнение которых якобы предохраняло от заболевания той или иной болезнью. Например, чтобы предостеречь детей от дурного глаза, приготовляли из муки несоленое тесто, делали из него шарики величиной с голубиное яйцо — «кўз» (глаза), из этого теста лепили статуэтку человека — «кўз боши» (старший над глазами). Затем статуэтку жарили так же, как и шарики из теста, в масле, после того как они остынут, нанизывали все на нитку в виде бус и подвешивали на стену. Рекомендовалось также привешивать к одежде детей, подростков, а иногда и взрослых черные бусы с белыми глазками (кўз минчок) или вешать их на руки в виде браслета; пришивать на головной убор ребенка перья совы (бой ўғлы), беркута (бургут), ястреба (кирғы), которые якобы предостерегают детей от посягательств албасты и прочих злых духов; или подвешивали отрезанную часть пуповины новорожденного на люльку, клали под голову ребенка лук, красный перец, лепешку; на лошадином, бараньем или козьем черепе рисовали черные кружки и вешали его на внешнюю или внутреннюю стену жилища, что также якобы предохраняло от сглаза.

Предохранительные средства от сглаза применялись и по отношению к животным, которых окуривали дымом исвона, вешали на них амулеты.

Аналогичные меры применялись и к земельным участкам, где сажали дыни, арбузы и другие культуры. Для предохранения огородов от дурного глаза в нескольких местах его ставили продетый на палку череп лошади, овцы или козы с нанесенными на нем черными кружочками.

Помимо шаманов, в карлукских кишлаках были и другие лица, которые занимались магической практикой, например колдуны (сиҳиргар), которые якобы могли влиять на духов, узнавать душевные секреты людей и путем колдовства изменять силы природы в желаемом направлении.

Колдуньями были исключительно женщины преклонного возраста. Жители кишлаков относились к ним недоверчиво и считали их опасными. К колдунье обращались те, кто имел недобрые намерения по отношению к другому лицу.

Заговоры колдуний касались больше всего любовных дел. Например, если женщина или девушка хотела удержать или вернуть любимого человека, то она обращалась к колдунье,

которая рекомендовала разного рода средства. Так, например, она предлагала добыть несколько прядей волос соперницы и совершала над ними заклинания, сжигала их, после чего, как предполагалось, соперница должна была умереть; или же на следе, оставшемся от ноги соперницы, колдунья проводила черточки (в поперечном направлении), произнося при этом заклинания, что также якобы приводило к смерти. Применялся следующий вид заговора. Колдунья брала кусочек бараньего сала, колдовала над ним и, завернув в тряпку, закапывала у порога юрты того человека, против которого было направлено колдовство, и три раза повторяла его. Если оно было направлено против мужчины, любовь которого хотела вернуть жена или любившая его девушка, то по мере таяния указанного сала этот мужчина якобы начинал болеть; ему становилось тяжко, он начинал скучать о прежней жене или девушке, которая любила его, и в конечном счете должен был вернуться к ней. Если заклинание было направлено на уничтожение мужчины, то после того, как сало растает, должна была наступить его смерть.

У карлуков гадальщиками были как мужчины, так и женщины. Необходимо оговориться, что кроме специальных гадальщиков, гаданьем занимались и бахши; инструментом на котором они гадали, был тот же бубен. Профессиональные гадальщики гадали на различных предметах — на специальных камушках (қайрокча), на сухом помете овец, коз (қумалоқ) ,на коже змей (илон териси), на человеческих волосах (соч), на лопатке бараньей туши (курак) и костях (àльчики) овец и коз.

Карлукские гадальщики больше всего гадали на лопатке (полбин — «видящая судьбу»). После того, как ее очистят от мяса и хрящей, гадальщик делал на ней несколько черных кружочков, по которым и производились гаданья. Для пресечения гаданий мясники, зарезав животное, очищали лопатку от мяса, разрубали ее на несколько частей, плевали на них три раза и выбрасывали.

Следует отметить, что служители мусульманского культа (муллы, ишаны и проч.) не одобряли шаманских обрядов, действия колдунов, знахарей, гадальщиков, считали их представителями шайтана (черта). Муллы и ишаны требовали от населения, чтобы оно обращалось со всеми болезнями к ним и лечило больных чтением специальных «лечебных» текстов (молитв) или давало их в письменном виде (написанными чернилами на бумаге); они рекомендовали развести чернила с молитвенной бумагой в воде и пить или же носить бумажку с молитвой на головном уборе, на груди, под мышкой, сложенную в треугольник и зашитую в материю в качестве амулета — «тумор», иногда же молитвенные бумажки свертывали в трубочку и также зашивали в материю или же вкладывали в металлический (иногда золотой, серебряный) цилиндрический футляр — «бозбанд».

Карлуки, как и окружающие их население, верили в существование «дева» и «аждаҳо». Дев представлялся в образе человека, черного великана, обладающего огромной силой. Согласно поверьям, когда-то на земле было очень много девов и они ходили открыто, но появился Сулейман-пайгамбар (пророк Сулейман), который вступил в борьбу с девами и победил их. Оставшиеся девы скрылись в «кӯҳи қоп»[7] и превратились в невидимые существа. Девы видят людей и приносят им вред и зло. От их прикосновения или удара люди болеют параличом или сходят с ума. Местом временного обиталища девов считалась старая заброшенная крепость, колодец или конюшня. Лошадь обычно отождествлялась с девом и потому ночью, когда лошадь спит, заходить в конюшню запрещалось.

Аждаҳо (дракон) представляли в виде большой змеи одно- или двух-, трех-, четырехголовой. Последний считался самым сильным. Местом обитания аждахо были искусственные холмы (тепа), где якобы с незапамятных времен царями было оставлено в сосудах золото, которое охраняют аждаҳо. Всякого, кто попытался похитить золото, аждаҳо проглатывал (аждаҳо тортади). Родители наказывали своим детям не ходить к этим холмам.

У карлуков существовало также поверье, что в водах рек, в глубинных местах (гум) или в водоворотах (ғарғара) обитает «убба» — злой дух, который якобы топит людей. Когда человек подойдет к такому месту, особенно во время полноводья (весной и летом), то убба зовет человека по имени и пришедший, услышав знакомый голос (родителей, товарищей, подруг, любимого), идет прямо на него; убба, ухватив свою жертву, тащит ее в воду; высосав кровь из человека, он выбрасывает его на поверхность.

В дореволюционные годы приносили в жертву убба баранов и коз. Животное резали около того места, где по предположению обитает злой дух, кровь стекала в воду, тушу также бросали в воду. По поверью, насытившись жертвой, духи переставали звать и завлекать людей.

В верованиях карлуков особое место занимал Чӯпон-ата

[7] Кӯҳи қоп или кӯҳи каф — мифические горы, которые в виде кольца опоясывают всю землю. Под кӯхи коп иногда понимали и Кавказские горы.

(покровитель чабанов-овцеводов), они верили в его могущество и силу. В своих молитвах они просили его умножить стада, дать здоровье владельцам этих стад. В несчастных случаях (потеря скота или его болезнь, болезнь кого-либо из близких) карлуки просили Чўпон-ата помочь в беде и обещали ему принести в жертву (курбонлиқ) одного или несколько баранов[8].

Вместе с мусульманством, видимо, через оседлых земледельцев, в верования карлуков прочно вошел и культ Хизира. Он представлялся невидимым святым странствующим пророком, который способен принести людям счастье. От него зависит обилие и скудость урожая. Хизир временами появляется в образе седобородого, доброго старца, пожилого всадника с пытливым взглядом, в образе нищего и т. п.

Следует отметить также существующий у карлуков культ очага как отдаленный пережиток домусульманских верований. Почтение огня сохранилось у карлуков в ряде обычаев. Если по вечерам в данном жилище огонь горит постоянно, то говорят — это счастье, т. е., что горящий огонь является счастьем данной семьи. Нельзя мочиться, плевать в очаг, в огонь и в золу, что считалось тягчайшим преступлением. Огонь из очага давался до захода солнца только тем лицам, с которыми состояли в родственных отношениях. Отдать огонь означало отдать счастье из данного жилища. Огонь очищал и от разных видов нечистот. Когда девушка выходила замуж, перед уходом из отцовского дома она три раза обходила вокруг горящего костра. Приезжая в дом мужа, она также три раза обходила огонь.

Все описанные здесь поверья являются пережитками далекого прошлого. Из них наиболее характерным являются пережитки шаманизма ,которые тесно связаны и переплетены с исламом, с колдовством, знахарством и гаданьем, хотя каждое из них существовало самостоятельно.

---

[8] Жертва эта осуществлялась разными способами. Жертвователь мог зарезать барана и устроить угощение односельчанам или же привести барана в специальное место, которое называлось «чўпон-ата назр қилган жой» (место, которое посещал чўпон-ата), и там оставить барана в живом виде. Иногда отводили жертвенного барана в священные места (авлиё), там резали и устраивали угощение паломникам или же отдавали барана в живом виде.

Глава VI

ДЕТСКИЕ ИГРЫ И УВЕСЕЛЕНЬЯ

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Карлукские дети 8—10-летнего возраста, как девочки, так и мальчики, играли вместе. Отдельно от мальчиков девочки играли лишь в куклы (зочак). Куклу делали сами же девочки или же при помощи старших из тонкой (с палец) палочки длиной от 8—10 до 20—30 *см* и более. К верхней части этой палочки привязывали поперек другую палочку такой же толщины, но значительно короче по длине, она называлась «қўли» — руки. Наматывая различных цветов тряпки, делали кукле голову, лицо, глаза, рот, нос, а из черной шерсти — волосы. Затем кукле шили платье, рубашки, штаны, халат, головные уборы и т. д. Игра в куклу прививала девочкам известные навыки, приучала их к шитью и вообще к домашнему труду.

Меҳмон-меҳмон (гости-гости). В эту игру играли девочки вместе с мальчиками до 7—10 лет. Играющие разделялись на две группы. Одна группа объявлялась «владельцами дома», а другая — «гостями». Владельцы дома приготовляли из глины различную «пищу», «кипятили чай», т. е. готовились к встрече гостей.

Встречали гостей вежливо и после угощения провожали. Гости, уходя, взаимно приглашают владельцев дома к себе.

Она-ота (мама-папа) — совместная игра детей в возрасте от 6 до 10 лет. Одна из играющих девочек объявлялась «она» (мама), а один из мальчиков — «ота» (папа), другие девочки — «дочерями», мальчики — «сыновьями». «Мать» занималась домашними делами, причем она всегда вслух говорила, что делает, и производила движения, передающие те действия, которые взрослые или же сами девочки делают в семье на самом деле, — убирают комнату, подметают двор, доят коз или коров, готовят пищу и т. п. Хозяин до-

ма — «ота» — также занят «домашними делами», он распоряжается или же лежит на боку, подражая взрослому хозяину.

Яшинмачок (игра в прятки). В эту игру играют девочки до 10—11 лет, а мальчики до 17—18 лет, если они еще неженатые. Не прочь были поиграть в прятки и женатые до появления первого ребенка. Играли в эту игру обычно осенью, с наступлением темноты. Несколько ребят, собравшись на улице, громким голосом кричат: «Ҳо, келавер, ҳо келавер, ўйнайдигонинг келавер!» — «Приходите, приходите, играющие, приходите!». После сбора определенного числа желающих начинается игра. Она имеет несколько вариантов. Укажем на два главные из них.

1. Играющие разделяются на две партии. В каждой партии выбирается старший — бек, который наблюдает за ходом игры и соблюдением правил. Определяется место (его обозначают определенным знаком), куда должны приходить прячущиеся, его называют «марра». Одна партия остается на исходном месте и, закрыв глаза, дает возможность прятаться играющим другой партии. После того, как вожак спрятавшихся крикнет «кўқ», оставшиеся у марра идут искать. Противники прячутся каждый самостоятельно. Ищущие, находя членов другой партии, захватывают и «бьют их», после чего «битый» обязан присоединиться к ищущим[1]. Напротив, прячущиеся стараются добежать до марра «небитыми». Поиски продолжаются до тех пор, пока не найдут всех до одного. После этого партии меняются ролями.

Другое условие игры заключается в том, что противники прячутся все в одном месте. После того, как другая партия отправляется искать их, они (прятавшиеся) стараются незаметным образом перебраться ближе к марра и с небольшого расстояния быстро (чтобы не захватили их оставшиеся для караула члены другой партии) добежать до него. Если всем членам этой группы удастся это сделать, то они идут прятаться еще раз. Другая партия должна найти прятавшихся и захватить хотя бы одного из них, после чего последние прекращают игру, и на этот раз прячется искавшая партия. В этот вариант пряток играют до 30-ти детей (в основном мальчики) в возрасте от 10—12 до 17—18 лет.

2. Этот вариант игры в прятки очень прост. Играют мальчики и девочки в возрасте до 10—11 лет. Один из играющих по жребию остается у марра и закрывает глаза, а остальные идут прятаться. После условного сигнала «кўқ» оставшийся

[1] Такие условия игры в прятки существовали и у таджиков (см. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 104—105).

идет искать. Условия игры: если каждому из прятавшихся удастся самостоятельно, незаметным образом добраться до марра, то он прекращает игру и дожидается остальных. Ищущий должен находить спрятавшихся и после того, как заметит их, догоняет первого попавшегося и бьет тюбетейкой. Если ему удастся ударить кого-нибудь из прятавшихся, то игра начинается снова. «Битый» на этот раз остается у марра, а остальные идут прятаться. Другое условие этого варианта: оставшийся по жребию после условного знака «кўқ» идет искать прятавшихся, если он заметит хотя бы одного из спрятавшихся (здесь достаточно увидеть его, даже если бы прятавшийся находился на значительном расстоянии), то игра начинается снова. Тот, кто был замечен, на этот раз остается у марра, зажмурив глаза.

Тош отар (игра в камешки)[2]. Играют в летний период мальчики и девочки до 10—12 лет. Для игры берут пять круглых камешков небольшого размера или же делают мелкие кружочки (билля тош) из черепков гончарной посуды.

Участников игры — двое, начиналась она по жребию. Играющий кладет все камешки на землю, затем, подобрав один из них, подбрасывает его вверх. Пока первый камешек в воздухе, он берет с земли второй с таким расчетом, чтобы успеть поймать на лету подброшенный камешек. Так он ловит по одному все камешки. Подобным же образом, начиная игру снова, ловит по два камешка, в следующий тур ловит три и один, а в последний тур — сразу четыре камешка. Затем переходит к другому номеру игры с камешками, называемому «дарвоза» (ворота). При помощи указательного и большого пальцев левой руки, прижимая их к земле, играющий образует «проход» или «ворота». Собрав все камешки в правую руку, рассыпает их на землю, взяв один из них, подбрасывает его вверх, и пока камешек находится в воздухе, он ловким движением правой руки перебрасывает по одному (камешки, находящиеся на земле) через «ворота». Перебросив каждый камешек, играющий должен успеть поймать падающий на лету. Затем, подбрасывая тот же камешек в воздух, забирает все пропущенные через «ворота» камешки в правую руку и ловит тот камешек, который находился на лету. Опять рассыпает их по земле и переходит к следующему номеру игры — «гумбаз» (купол). Упираясь пятью пальцами левой руки в землю, игрок образует «купол», оставляя открытыми промежутки

[2] Игра в камешки была очень распространена как среди оседлых, так и полукочевых народов Средней Азии. Подобная игра имелась и среди таджиков (см. М. С. Андреев, указ. соч., стр. 112—113).

между пальцами. Задача играющего в этом номере заключается в том, чтобы подбрасывая каждый раз один из камешков вверх, остальные четыре камешка пропустить через промежутки между пальцами. Следующий номер называется «халта» (мешок). Здесь держат все пальцы левой руки полусогнутыми, упираясь ими в землю, оставляя при этом отверстия между указательным и большим пальцами. Игрок должен ловким движением, пока подброшенный им один камешек находится в воздухе, по одному пробросить все четыре камешка в «мешок». Подобных номеров в этой игре имеется несколько. Все они рассчитаны на ловкость игрока. Если при исполнении любого номера тот камешек, который подбрасывается вверх, не будет пойман и упадет на землю, то игра переходит к другому партнеру.

Урди-қочди (бить и убегать). Играющие (как девочки, так и мальчики до 10—11 лет) разделяются на две партии и строятся в одну шеренгу фронтом друг против друга на расстоянии 30—40 шагов. Между ними проводится черта. Игра начинается по жребию.

По очереди с левого фланга каждый из членов играющей партии выходит из строя и идет к противоположной ему шеренге, где его ждет противник, протягивает руку вперед. Подошедший (противник) ударяет одного или двух и убегает. «Битые» должны догнать и поймать бьющего до обозначенной черты. Если «битый» до этой черты не может поймать убегающего, то тогда сам переходит к ним (нападающим). Выигрывает та партия, у которой наберется больше «битых» или захваченных.

Чурум-кести. Играют в эту игру 15—20 и более мальчиков до 16—18-летнего возраста. Играющие разделяются на две партии — А и Б, участники которых на расстоянии 30—40 шагов чертят большие круги, куда вмещаются все члены данной партии. Один из членов партии Б выбегает из круга и, дойдя до шеренги партии А, ударяет кого-либо из членов ее и бежит обратно. «Битый» должен бежать в круг партии Б. В тот момент, когда член партии Б ударяет одного из членов партии А, другой член партии А выбегает и старается пробежать за спиной игрока из партии Б. Если это случится до того, как игрок из партии Б не успел скрыться в кругу, то тогда считается, что он «отрезан» и должен присоединиться к партии А. В этом смысл игры — отрезать убегающего противника с тыла (чурум-кести) и присоединить его к своим. Выигрывает та партия, у которой осталось больше игроков. Эта игра требует от игроков ловкости и расчетливости.

Оқ сўнак (белая кость)[3], или сунак отди (бросание кости). Играют в лунную ночь 15—20 мальчиков до 17—18-летнего возраста. Одного из играющих назначают старшим (бек), он стоит на определенном месте (марра) и закидывают как можно дальше специально предназначенную для игры кость. После этого играющие бегут искать ее. Тот, кто найдет кость, должен кричать «топдим» (нашел) и бегом доставить ее беку, что удается сделать только отдельным смельчаком. После того, как заметят, что такой-то нашел кость, на него набрасываются все играющие, стараясь отнять ее, а нашедший, чтобы не быть смятым, бросает кость и тем самым освобождает себя. Тот, кому удастся вручить кость беку, сам становится им, а прежний бек — рядовым участником игры.

Аккол (игра в чиж). Для этой игры нужны две палочки. Одна, толщиной с большой палец и длиной 60—70 *см*, называется «аккол-даста» (черенок), другая, такой же толщины, длиной 15—20 *см*, называется «аккол» (чиж), отсюда название игры. Чиж устанавливается поперек длинной (25—30 *см*) узкой щели, сделанной специально в земле. При игре в щель под чиж пропускают черенок, приподнимая чиж несколько вверх (до уровня груди), и бьют его со всего размаха. Играют только осенью.

Имеется несколько вариантов этой игры. В нее могли играть вдвоем или группой мальчики до 17—18 летнего возраста. Если играют двое, то тогда один (по жребию) из них остается у щели — марра, а другой идет на поле. Играющий бьет чиж, а тот, кто на поле, ловит его. Если ему удастся поймать чиж на лету, то игра переходит к нему, а если нет, то тогда он кидает чиж к щели, над которой лежит (по длине щели) черенок. Кидая чиж, игрок старается задеть черенок или попасть в щель или же кидает чиж с таким расчетом, чтобы он лег на расстояние не более длины черенка от щели. В этом случае игра также переходит к нему. Если всего этого не удается сделать, то играющий продолжает игру, бьет по кончику чижа, старается приподнять его с земли и затем отбить дальше. Тот, кто на поле, кидает чиж с таким расчетом, как описано выше. Если чиж упал на значительное расстояние от щели, то тогда измеряется черенком расстояние от чижа до щели и полученное количество черенков записывается в пользу игрока. В начале игры играющие договари-

[3] Игры «урди-қочди», «чурум-кести» и «оқ сўнак» приняты у туркменских детей (см. С. Л. Паролов, Туркменские игры, Ашхабад, 1931, стр. 21—22, 26 и 36—37).

ваются, чтобы довести счет, например, до 100. Когда один из играющих наберет указанное количество очков, проигравший делается «ослом», т. е. везет на спине выигравшего до определенного места, или же, держа в руке чиж, игрок со всего размаха бьет его черенком до трех раз. С того места, куда попал чиж после третьего удара, до щели проигрывающий должен бежать, набрав полную грудь воздуха и не выпускать его сразу. В процессе бега проигравший, постепенно выпуская воздух через нос, должен издавать звук «зум... м...м», что на языке играющих называется «зум-зум».

Еще одно условие игры заключается в том, что проигравший должен проскакать на одной ноге все расстояние от места падения чижа после третьего удара до щели. Такое условие игры называется «ҳаккилатиш» (т. е. подпрыгивать).

Групповая игра в чиж происходит таким же образом, только здесь играющие разделяются на две партии. Одна группа остается у щели, забивая по очереди чиж, а другая — бегает по полю и ловит его. Условия игры такие же, как описано выше.

Бўкурма-таёк. Играют мальчики 17—18 лет. Число участников — 10—15 человек. Для игры каждый из них должен иметь по одной палке длиной от 60—70 *см* до 1,5 *м*, диаметром 1—2 *см*. Так как в эту игру играют обычно весной, то для этого привлекается палка-копалка (шумак) длиной около 70—80 *см*, которой мальчики копают дикорастущие съедобные растения. Перед игрой проводится обычная жеребьевка. Один из играющих, собрав все палки, перебрасывает их через свою голову. Если чья-либо палка при этом будет лежать поверх остальных палок, то ее отделяют, а остальные продолжают перебрасывать через голову до тех пор, пока одна из палок не останется. Владелец этой последней палки устанавливает свою палку вертикально, втыкая узкий конец на 10—15 *см* в землю. От этого места отсчитываются по прямой линии десять равных дистанций, приблизительно по 1,5 *м*, и обозначаются черточкой, называемой «пилла» (ступенька); самая дальняя дистанция объявляется марра, откуда каждый по очереди кидает свою палку в ту, которая установлена вертикально. Если ему удастся сбить палку, то тогда он обязан, подпрыгивая на одной ноге, собрать заброшенные палки других игроков и, не наступая на другую ногу, принести их до марра[4]. После того, как будет выполнено это

[4] Если попадут по установленной палке двое, трое и т. д. игроков, то все они, подпрыгивая на одной ноге, собирают заброшенные палки и относят их к марра. Остальные игроки (которые не попали), ждут у марра, пока им не принесут их палки.

условие, он переходит на следующую (на одну ступень ближе к установленной палке) пилля и бьет с нее во вновь поставленную на место палку. Для того чтобы пройти все десять пилля, необходимо игроку попасть в установленную палку десять раз. Если ему удастся это сделать, то он своей палкой изо всех сил бьет по установленной в земле палке — три раза вперед и три раза назад. Одна из палок может быть при таком ударе сломанной или треснуть. Если сломается палка бьющего, то он выходит из игры, если сломается палка, установленная вертикально, то из игры выходит ее владелец. В этом и заключается смысл этой игры — «бўкурма таёқ», что означает «палка трещит» (букв. — палка орет).

Предположим, что никто из бросавших не смог попасть в установленную палку. Тогда ее владелец (который обязан стоять недалеко от своей палки, с таким расчетом, чтобы бросаемые палки не попали в него), схватив палку, бежит к марра, а те, которые бросали палки, также бегут, чтобы забрать свои палки, стараясь не остаться (на обратном пути) позади других играющих. Тот, кто останется последним, обязан устанавливать свою палку. Игра в таком порядке продолжается до тех пор, пока кто-либо не приблизится к установленной палке, попав в нее десять раз. Тогда этот игрок, ударив шесть раз по установленной палке, начинает игру сначала. Так делают все остальные участники, если им удастся пройти все десять ступеней — пилля. Таким образом, игра продолжается вкруговую до тех пор, пока не сломается несколько палок. У кого сломается палка, тот выбывает из игры.

Ошиқ ўйин (игра в кости). Играют осенью и зимой дети с 7—8 до 17—18 лет и взрослые до 20—25-летнего возраста, а некоторые приемы этой игры, особенно азартные (қимор), в ходу среди азартных игроков до наступления старости.

Основным предметом игры служит соединительная кость задней ноги овец и коз, называемая «ошиқ». Эти кости подразделяются на «гена» — простые или рядовые — и на «сақ-қа» — ведущую или главную кость. У каждого игрока должен быть один сақка; в качестве сақка берется соединительная кость задней ноги барана или овцы гиссарской породы, поэтому она крупнее, чем соединительная кость простой овцы или козы. Ценится сақка дороже, чем обычная простая кость — гена. Один сақка (исходя из его качества) равнялся 5—10 генам или стоил от одного до 3—5 руб. Иметь хороший сақ-қа — значит иметь больше шансов на выигрыш, учитывая при этом, несомненно, и умелость игрока.

Игральная кость — ошик — имеет четыре стороны: лицевая

сторона, где находится ямочка, называется «чиққа»; противоположная сторона, гладкая и несколько выпуклая, — «пукка»; одна из боковых сторон, которая имеет длинную желобообразную углубленную щель, называется «олчи»; другая боковая сторона, более или менее ровная, — «харра».

Число участников — от двух и более. Предположим, что играют двое — А и Б. Оба игрока устанавливают на землю по одной кости — гена — в одну линию, затем бросают жребий с помощью саққа. Чья кость встанет на ребро (боковую сторону) первой, тот и начнет игру. Допустим, что начинает игру А. Он бросает свой саққа (находясь на линии установленных костей) вперед, на расстояние 3—4 шагов. Если саққа при этом встанет, то он с того места бросает его обратно, целясь выбить одну из ген с установленной линии. В случае, если игрок А выведет гену с линии на расстояние трех ступеней (уч пой) и более, то считается, что он выиграл гену. Затем он таким же путем старается выбить другую гену.

Предположим, что у игрока А при броске саққа не встал, а лег плашмя, тогда бросает свой саққа вперед Б. Если у обоих игроков саққа не встанет, они кидают их обратно, к установленным генам. У кого при этом броске саққа встанет, тот с близкого расстояния бьет одну за другой две установленные гены. Когда игрок кидает свой саққа к установленным генам и если он встает на ребро, игрок обязательно произносит слово «дуззи» или «дуззича», посвистывая при этом. Тем самым игрок предупреждает своего партнера, что саққа встал, без такого предупреждения вставание саққа игрока считается не действительным.

Предположим, что А в первом же туре игры (после того как его саққа встал при броске вперед), когда он кидал обратно свой саққа, не смог выбить гену с линии, но, пролетев мимо гены, его саққа опять встал; в этом случае он имеет право еще на одну попытку выбить гену с линии. Таким образом, игрок, если у него при каждом броске встает саққа, имеет право на три попытки. В случае, если А выбил одну из ген с линии на расстояние трех ступеней, а вторую не смог выбить, то Б кидает свой саққа в саққа А (который ранее выиграл одну из ген), чтобы одним ударом по саққа последнего выиграть обе гены. После того, как все гены выиграны, начнется второй, третий и т. д. тур. Порядок при групповой игре в кости тот же, что при игре двух описанных нами игроков.

Имеется еще ряд других вариантов игры в кости. Один из них называется «олчи қўпар». Условия этой игры: каждый из игроков выставляет (для первого тура) по одной кости — гене. Собрав гены, один из игроков кидает их с высоты 15—20 *см* на землю. Если одна из брошенных костей встанет на ребро стороной «олчи» кверху, владелец этой кости забирает кости, лежащие в положении кверху — «чиққа»; если встанет на «харра», то он забирает кости, лежащие в положении кверху — «пукка». Если из всех брошенных костей одна встает «олчи», а другая «харра», то владелец кости, которая встала «олчи», забирает все кости, в каком бы положении они не лежали («чиккa», «пукка»), включая и «харра». Бывает и так, что одна из брошенных костей встала «олчи», другая «чиккa», третья «пукка», тогда «олчи» забирает «чиккa», а «пукка» старается щелчком повернуть в положение «чиккa» и тогда имеет право забрать и эту кость. Если из трех брошенных костей одна встает «харра», то он забирает «пукка», а кость, лежащую в положении «чиккa», тем же способом, как описывали выше, оборачивает в «пукка» и забирает себе **как выигрыш.**

После первого тура, опять сложив по одной кости — гене, продолжают игру и так до тех пор, пока один или несколько из игроков не проиграют окончательно свои кости — гены, а также деньги[5].

Қ и м о р — один из видов игры в кости. Играли осенью и зимой. Эта игра считается азартной и к тому же наиболее древней. Қарлуки были большими любителями кимора. Еще арабский географ X в. Абу-Долеф, характеризуя эту сторону жизни карлуков, писал, что «игроки они страстные: играют на жен, сыновей, дочерей, матерей. Пока играющие считаются на игорном сборище, проигравшему предоставляется право выкупать проигранное, но если он, не сделав этого, уйдет, то выигравший считается владельцем проигранного и продает его купцам как полную свою собственность»[6].

Играли в эту игру с юношеских лет вплоть до старости. Играющих могло быть два и более человек. Для игры заранее приготовляли три кости — ошиқ, гладко подточив боковые стороны, чтобы при игре кость легко вставала на бок. Игрок, кидая их об стенку, должен приложить правую руку (если он играет правой рукой) к левой стороне груди и крикнуть «гаркам». Если при этом встает на бок одна из трех костей, то этот игрок выигрывает 1/3 часть выставленных выигрышей, встают две — 1/2 выигрышей, три — весь выигрыш.

Қаждый игрок бросает кости по очереди. Если с первого

[5] Проигравший все свои кости игрок может купить их и продолжать **игру.**

[6] См. В. Григорьев, Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе, стр. 35.

же броска не встает ни одна из брошенных костей, то тогда этот игрок проиграл, а право бросать кости переходит к другому. Предположим, что играющих трое — А, Б и В, А бросает кости, спрашивая при этом Б, сколько он ставит денег, скажем, последний ставит 60 руб. Ни одна из брошенных игроком А костей не встает. В таком случае А проиграл Б указанные 60 руб. Теперь получает право бросать кости Б, который спрашивает В, сколько тот ставит денег, предположим, тот ставит 90 руб. Б бросает кости, встали две из них, значит, он выиграл у В 60 руб. (т. е. 2/3 выставленных В денег); затем он спрашивает А, последний, предположим, ставит 120 руб. В бросает кости, из которых встают, например, все три. Значит, весь выигрыш его. Таким же порядком один и тот же игрок, в данном случае Б, продолжает играть и выигрывать до тех пор, пока его броски будут удачными, после чего игра переходит к следующему.

Ишти-ўйин (игра на шариках). Играли осенью. Для этой игры изготовлялись шарики из черной гальки или из камня известняковой породы диаметром 2—3 *см*. Существовали и чугунные шарики, видимо, изготовленные в кустарных мастерских. В игру играли мальчики с 8—10 лет, а также взрослые мужчины.

Играют два и более лица. Для игры выбирают дорожку, где на расстоянии одного шага одна от другой делали небольшие круглые выемки — гнезда (ўйя или хона), на краях которых устанавливаются шарики. Количество гнезд делается по числу играющих. Начальное гнездо называется «бош-хона», а последнее — «қич-хона»; на краю последнего шарик не устанавливается.

В начале игры бросают жребий с помощью костей — сшиқ. Чья кость встанет первой, тот и будет кидать свой шарик, т. е. начнет игру, а чья кость встанет второй, устанавливает свой шарик у первого гнезда, третий — у второго и т. д. Для бросания шарика определяется место в 5—6 шагах от первого гнезда; оттуда игрок, на чью долю выпало начать игру, бросает свой шарик по другим установленным у гнезд шарикам. Условия игры: каждый удачный удар считается за один выигрыш. Если игрок, бросив свой шар, заденет первый шарик, а его шарик войдет в гнездо (хона олиш), то он имеет право бить повторно тот шарик, который уже бил; приблизившись этим ударом к следующей ямке, он бьет следующий шарик. В случае, если брошенный им шарик не заденет ни один из шариков, то начинают играть по очереди другие игроки, первым — тот, кто установил свой шарик у первого гнезда. Предположим, что этому игроку удастся побить все

шарики, установленные у гнезд, после чего его шарик, скажем, займет последнее гнездо (кич-хона), тогда он имеет право бить повторно все шарики, которые уже бил до этого. В таком случае игрок сможет в одном туре играть и выигрывать дважды.

Здесь коротко описаны далеко не все виды игр у карлуков. Многие из них имели полезные стороны. Например, игра в куклу (меҳмон-меҳмон, ота-она) приучала детей с малых лет к домашнему труду; такие игры, как «яшинмачок» (прятки), «урди-қочди» (бить и убегать) и др. помогали физическому развитию детей. Отдельные игры, будучи азартными, имели отрицательное значение.

УВЕСЕЛЕНИЯ

По случаю различных торжеств карлуки любили устраивать разного вида увеселения. В частности, большой популярностью у них пользовались пеший и конный бег — «пойга», борьба — «кураш», игра с козлом — «кўпкори» или «ўғлоқ», бои животных.

Для пешего бега (пойга) устанавливалась дистанция в 1000—2000 *м*. В нем могли участвовать все желающие в возрасте старше 18 лет. Бежали большой группой. Для пришедшего первым на финиш устанавливался ценный приз: лошадь, 2—3 овцы, шелковый халат или деньги; призы получали также прибежавшие вторым, третьим, редко четвертым. Все установленные призы оплачивались за счет того бая, который устраивал празднество.

Конный пробег (отлик пойга) проводился на дистанцию 4—6 *км*. Всаднику, прискакавшему первым, вручался ценный приз.

Борьба (кураш) устраивалась на свадьбах, обычно вечером, при свете большого костра (гулхан). Собравшиеся образовывали большой круг — «кенг давра». Для победителя также устанавливался приз: халат, тюбетейка, сапоги, поясной платок, деньги и т. п. Назначался старший — «бакавул», который наблюдал за правилами состязания, раздавал призы.

Борцов выпускали по очереди, с учетом возраста и физической силы. Борьбу начинали обычно дети 8—12 лет, затем подростки, а последними боролись несколько пар взрослых борцов — пахлаванов. Борцы одевали рубахи, подпоясанные платками. Один из них выходил на арену, разводил руки в сторону, прохаживался по арене, приговаривая «талаб-талаб» (просьба-просьба), тем самым бросая вызов другим борцам. Когда находился соперник, оба борца обходили три раза

арену и затем начинали борьбу, взяв друг друга за поясной платок; при этом каждый борец старался подставить другому ногу (илим солиш). Победителем считался тот, кто опрокинет противника на спину, т. е. уложит на лопатки. Зрители одновременно считались и судьями. Если борец правильно положил своего противника, все или большинство из них кричали «ҳалол» (честно), победитель получал установленный приз, а каждый из его друзей приветствовал его, сжимая в объятиях и прижимая три раза к груди.

Ўғлоқ[7] или кўпкори[8] (игра с козлом) — конно-спортивное состязание, которое очень развито среди узбеков и других среднеазиатских народов. Карлуки устраивали ўғлоқ обычно по случаю рождения сына, когда первый раз стригут сыну волосы (соч тўй), при обрезании (суннат тўй) и женитьбе сына. В игре могли участвовать только те, кто имел лошадей, — как из своего кишлака, так и приглашенные.

В одном состязании ўғлоқ участвовали 200—300 и более всадников. Для игры резали козлика или нескольких козлят (в зависимости от состояния хозяина, который устраивает это состязание). Для поддержания порядка во время игры назначался старший (бакавул-боши) и два помощника (бакавулы). Бакавул-боши объявлял призы и выдавал их победителям, т. е. являлся как бы судьей, а бакавулы должны были кидать в толпу всадников мертвого козленка. В качестве приза давались скот, одежда, ковры, деньги и прочие предметы. Размер их устанавливался также в зависимости от состояния хозяина.

Чтобы выиграть приз, необходимо было, схватив козла, вывезти его из толпы и вырваться от своих преследователей. Иногда же требовалось вывезти козла, отбив нападение других всадников, и довезти его до определенного места или предмета (қара), когда это выполнялось, бакавул-боши кричал «ҳалол» (честно) и вручал приз. Если правила игры нарушались, бакавул-боши кричал «харом» (нечестно), и приз в таком случае не выдавался.

После выдачи приза тушу козла приносят бакавулам, которые снова бросают ее в толпу. Так повторяется несколько раз, пока играющие окончательно не растерзают тушу. В этом

[7] Ўғлоқ — козленок. Описываемое нами состязание получило свое название оттого, что предметом его проведения является 6—8-месячный или годовалый козленок.

[8] О кўпкори писали: Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, стр. 68—69; А. П. Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 132—152; А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, стр. 329.

случае бросается другой козел. Игра продолжается до тех пор, пока не кончатся предметы, предназначенные для призов.

Описанное нами состязание ўғлоқ имеет большое спортивное значение, но невыдержанность всадников, чрезмерный азарт в этом состязании приводил нередко к убийствам и физическим увечьям.

Карлуки, как и другие скотоводческие народы Средней Азии, любили устраивать бои животных — верблюдов, баранов, козлов. Если для зрителей бой указанных животных был забавой, то для владельцев животных это нередко было азартной игрой. В этих состязаниях закладывали и проигрывали иногда значительные состояния.

Бой верблюдов[9] (туя уруши) проводился у карлуков зимой или в начале весны, т. е. в период случки, когда самцы бывают наиболее злыми. Для борьбы выбирались верблюды породы «нар». Пускали их для боя попарно. Для того, чтобы они не могли кусаться, морды им перевязывали шерстяной тесьмой. Начиная бой, верблюды толкали друг друга, а затем один из них старался закинуть свою шею поверх шеи противника и пригнуть его вниз к земле, дать подножку или же толкал ноги противника мордой. Побежденный падал на землю или же бежал, не принимая повторного боя. Владелец верблюда-победителя получал крупный выигрыш.

Бараньи бои (қўчқор уруши) устраивали осенью между специально обученными баранами с винтообразными рогами. Владельцы баранов ставили на них крупные ставки.

Двух баранов отводили на расстояние 8—10 шагов. Разбежавшись, они ударяли друг друга рогами и затем несколько ударов производили с короткого расстояния. Потом опять отходили назад и с разбегу снова наносили друг другу сильные удары. Сильные бараны могли выдержать сто и более ударов. Побежденный, не выдержав боя, бежал или падал, не возобновляя боя.

А. Вамбери, наблюдавший бой баранов среди бухарцев во второй половине XIX в., писал, что в результате этого боя «...очень часто один из бойцов (баранов. — *К. Ш.*) падает мертвым, с раскроенным черепом. Зрелище ужасное, но для Средней Азии позволительное»[10].

[9] О бое верблюдов см. Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, стр. 94; Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Ташкент, 1926, стр. 349—351.

[10] А. Вамбери, Очерки Средней Азии, стр. 164—165. О бое баранов, а также козлов см. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 11.

Бой козлов устраивался обычно чабанами на летних пастбищах. Қозлы, предварительно обученные для боя, били друг друга рогами. В результате владелец победившего козла получал выигрыш в виде определенного количества овец или коз.

Среди карлуков были широко распространены и другие развлечения, например, зимой, когда люди были свободны от полевых работ, собирались в общественных помещениях — «меҳмонхона». Здесь молодежь организовывала своеобразное товарищество — «оғайни» (букв. — старшие и младшие братья); выбранный оғобоши (глава собратьев) следил за порядком в меҳмонхона, организовывал в ней (по договоренности с другими членами) совместную еду и разные виды развлечений.

Общественные угощения, организуемые товариществом (джўра), устраивались вскладчину (ҳорпона) или каждый из его членов в порядке очередности[11] (гаштак) на свои средства устраивал угощение в меҳмонхоне. Здесь же проводились танцы красивых мальчиков (бачча ўйин) и разные азартные игры, в том числе «қимор» (см. выше).

Большие народные гуляния организовывались по случаю религиозных праздников, во время которых велась оживленная торговля, начиная от детских игрушек и кончая разными видами мануфактуры и украшений. Широко было распространено среди карлуков также празднование нового года (наврўз), совпадающего с праздником весны (баҳор) и проводившегося в марте. По случаю этого праздника также устраивались большая торговля и народное гулянье — «сайил», — продолжавшиеся 3—4 дня. В этих гуляньях участвовали как мужчины, так и женщины, однако последние развлекались отдельно от мужчин. Сайил обычно проводился на возвышенности (тепа), кладбище или же на месте погребения «святого»[12].

Таковы некоторые виды игр и общественных увеселений, имевших место среди карлуков. Многие из них встречались и у других племен и народностей, что объясняется культурным взаимовлиянием, существовавшим веками.

* *
*

Победа Великой Октябрьской революции в Туркестане положила начало освободительной борьбе народов Бухарского

[11] Отсюда и название, так как «гаштак» значит по-таджикски «очередность».

[12] Место, где проводился праздник сайил, называлось «сайилго».

эмирата (в пределах которого были расселены карлуки) против феодальной деспотии.

В 1920 г. народные массы Бухары под руководством Коммунистической партии, при помощи частей туркестанского фронта свергли ненавистный режим эмира. Бухара была провозглашена Народной Советской Республикой и позднее, в 1924 г., вошла в состав Узбекской Советской Социалистической Республики.

После национального размежевания (1925—1927 гг.) многие районы расселения карлуков отошли к Таджикской республике. А те карлуки, которые проживали на территории Сарыассийского, Шурчинского, Пахтакорского, Қассанского, Қаганского и Бухарского районов, остались в Узбекской ССР.

Исследуемые нами карлуки до настоящего времени живут в основном в тех районах, о которых говорилось выше. Однако после Бухарской революции 1920 г. многие дехкане и овцеводы, освободившиеся от феодальной зависимости, стали покидать родные кишлаки и устраиваться на работу и постоянное жительство на новых местах.

Значительное число карлуков, проживавших вблизи железных дорог (кишлаки Қассанского, Қаганского, Алатского и Пахтакорского районов), поступило работать на железнодорожный транспорт, в связи с чем немало карлукских семей переселилось на станции и разъезды по линии Чарджуй—Қаган—Термез, Қаган—Қаттакурган.

С победой колхозного строя серьезные изменения произошли в хозяйстве бывших полуоседлых карлуков, которые окончательно перешли к оседлому образу жизни. Те карлукские хозяйства, которые были в прошлом расположены в зоне орошаемого земледелия, объединившись в колхозы, стали заниматься хлопководством, сочетая его со скотоводством и выращиванием зерновых культур. Сюда относятся карлуки, проживающие в Сарыассийском, Шурчинском, Алатском, Пахтакорском, Қаганском и Бухарском районах. А те карлуки, которые расселялись до революции в зоне богарного земледелия и поблизости от пастбищных угодий, после революции в основном занимаются скотоводством, сочетая его с богарным земледелием. Сюда относятся карлуки Қассанского района, которые были объединены в крупные каракулеводческие совхозы «Мубарек» и «Қаракум». В настоящее время здесь работают 600 карлукских семей. Овцы, выращиваемые в этих совхозах, дают лучшие в мире каракульские смушки.

За годы Советской власти неузнаваемо преобразились бытовые и жилищные условия узбеков-карлуков; широко вошли в обиход однокомнатные, двух- и трехкомнатные жилые по-

мещения. В отличие от юрты, капа или глинобитного жилища старого типа в нынешних домах узбеков-карлуков кухня находится в отдельном помещении (ошхона), все чаще встречается разделение жилых помещений на детскую, спальню, которая одновременно служит гостиной, и комнату для престарелых; широкое распространение получили застекленные террасы и т. д. В значительной степени изменилось внутреннее убранство комнат, в домах введена мебель, имеется радио, телевизоры и т. д.

В карлукских кишлаках построено немало детских садов, яслей, культурно-просветительных учреждений. В Сарыассийском районе на месте бывшего карлукского кишлака возник шахтерский городок для шахтеров Шаргунского угольного месторождения.

Огромное внимание партия и правительство уделяет народному образованию сельских тружеников. В карлукских кишлаках нет теперь неграмотных, за исключением отдельных лиц престарелого возраста. Во всех карлукских селениях имеются начальные, восьмилетние школы, а в некоторых (в кишлаке Карлюк Шурчинского, Сарыассийского районов) — средние школы.

За годы Советской власти многие узбеки-карлуки получили высшее и среднее образование. Только в кишлаке Каллык Кассанского района насчитывается 18 человек с высшим образованием.

Из среды узбеков-карлуков выросли многочисленные кадры интеллигенции — врачи, учителя, агрономы, зоотехники, инженеры, деятели искусства и литературы. Многие из них находятся на партийной, советской и хозяйственной работе.

До революции сельское население Бухарского ханства было лишено элементарной медицинской помощи, вследствие чего широко были распространены различные эпидемические заболевания, ежегодно уносившие тысячи жизней. Теперь во всех районах, бывших местом расселения карлуков, создана широкая сеть медицинских учреждений, в которых работает немало специалистов коренной национальности.

Большие изменения произошли в одежде узбеков-карлуков. Наряду со старым покроем одежды, бытующим еще среди старшего поколения, повсеместно распространена одежда городского типа, пошитая исключительно из фабричных тканей.

Как известно, до революции женщины-узбечки были задавлены тяжким гнетом религиозных предписаний, были рабынями в семье и обществе. Хотя карлучки по сравнению с женщинами оседлых районов были несколько свободнее, однако эта свобода была ограничена узкими рамками семейной жизни и религией. Великая Октябрьская революция навсегда раскрепостила женщину Советского Востока и вывела ее на широкую дорогу строительства новой жизни.

После победы Великой Октябрьской революции ускорился процесс стирания родов у карлуков, постепенно исчезает их племенная замкнутость, устанавливается национальное самосознание как узбеков.

В ходе социалистического строительства карлуки, как и некоторые другие этнические группы, расселившиеся на территории Узбекистана, вошли составным компонентом в сложившуюся за годы Советской власти узбекскую социалистическую нацию — равную среди равных в братской семье народов Советского Союза, строящих коммунизм.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЭРЭ — Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции.
ВДИ — Вестник древней истории.
Зап. АН ИФО — Записки Академии наук по историко-филологическому отделению.
ЗВО — Записки восточного отделения.
ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
ЗРГО — Записки Русского географического общества.
Изв. АН СССР ООН — Известия Академии наук СССР, по отделению общественных наук.
ИАНСОН — Известия Академии наук УзССР, серия общественных наук.
Изв. Сред. Аз. отд. РГО — Известия Средне-Азиатского отдела Русского географического общества.
ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества.
ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИООАН — Известия отделения общественных наук Академии наук ТаджССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории и материальной культуры.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
Сб. ГТМА — Сборник географических и топографических материалов по Азии.
Сб. МАЭ — Сборник материалов археологии и этнографии.
Сб. ТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции.
Сб. СИФНСА — Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию А. А. Семенова.
СЭ — Советская этнография.
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник.
ТВ — Туркестанские ведомости.
ТВОАО — Труды Восточного отделения археологического общества.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР.
ТИЭ — Труды Института этнографии.
ТОВ — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТТКОПОРГО — Труды Троицкосавского Кяхтинского отделения Приамурского отделения Русского географического общества.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ATIM — Die altürkischen Inschriften in der Mongolei.
BGA — Biblioteca geographorum arabicorum.
GMS — „E. J. W. Gibb Memorial" Series.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Черновые наброски, письма Маркса В. И. Засулич (8 марта 1881 г.), Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XVII, Партиздат при ЦК ВКП(б), 1935.

Маркс К. Хронологические выписки, в кн. «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, М., Госполитиздат, 1939.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Госполитиздат, 1940.

Маркс К. Объявление войны. К истории возникновения восточного вопроса, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10.

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 2. VI—1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 28.

Энгельс Ф. Продвижение России к Средней Азии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12.

Энгельс Ф. Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21.

Энгельс Ф. Марксу К. Письмо от 6 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 28.

Ленин В. И. Законопроект о национальном равноправии, Сочинения, т. 20.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение, Сочинения, т. 20.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма, Сочинения, т. 22.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы), Сочинения, т. 22.

Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции, Сочинения, т. 25.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г., Сочинения, т. 29.

Ленин В. И. Советская власть и положение женщин, Сочинения, т. 30.

Ленин В. И. Письмо к А. М. Горькому в декабре 1913 г., Сочинения, т. 35.

Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС. Материалы XXII съезда КПСС, М., Госполитиздат, 1961.

Первоисточники

Абул-Гази Бахадур хан. Родословное древо тюркэв, Соч. Абул-Гази, Хивинского хана. Пер. и предисловие Г. С. Саблукова с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова, Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, вып. 5—6, 1905, т. XXII, № 6, 1906, Отд. изд., Казань, 1906.

Ал-Идриси. „Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак", Geographie d'Edrisi traduite de l'arabe en francais par Amadèe Jaubert, vol. I—II, Paris, 1836—1840.

Ал-Мас'уди. „Китаб ат-танбих ва'льишраф" Kitab at-tanbih wal israf, autore al-Masudis, ed. M. J. de Goeje, BGA, VIII, Lugd.-Batavorum, 1894.

Ал-Макдиси. „Ахсан ат-такасим фи-ма рифат ал акалим" Descriptio Imperii Moslemici, autore Schamsoddin Abu Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn Abi-Bekr al-Banns al-Bisshari al-Makaddassi. Ed. M. J. de Goeje, BGA, III, Lugd.-Batavorum, 1872.

Ал-Истахри. „Китаб месалик ал-мемалик" Kitab mesalik wa Memalik, autore Abdu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Ed. M. J. de Goeje, Lugd.-Batavorum, 1870, изд. 2, 1927.

Ат-Табари. „Тарих ар-Расул ва-л-мулук" Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Djarir at Tabari, Cum aliis, ed. M. J. de Goeje, Lugd.-Batavorum, 1879—1901.

Ал-Я'куби. „Китаб ал булдан", autore Ahmed ibn Abi Jakubi ibn Wadhih al-Jakubi. Ed. M. J. de Goeje, BGA, VII, Lugd. Batavorum, 1892.

Бабур Захириддин Мухаммед, Бабур-наме, перевод М. Салье, Ташкент, 1958.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, Издание второе, т. I и II, М.—Л., 1950, т. III, М.—Л., 1953.

Гардизи. „Китаб зайн ал-ахбар", перевод главы о тюрках В. Бартольда, см. его „Отчет о поездке в Среднюю Азию", 1893—1894 гг. Зап. АН ИФО, II, № 4, СПб., 1897.

Джувейни. „Тарих-и-Джехан Гуша" изд. Мирзы Мухаммеда Казвина, GMS. Volume XVI, Leiden-London, pt. I, 1912, pt. II, 1916, pt. III, 1937.

Ибн Хаукаль. „Китаб ал-месалик ва-л-мемалик", Viae et Regne. Descriptio ditionis moslemicae, autore Abul Kasim ibn Haukal, BGA, II. Lugd-Batavorum, 1873.

Ибн-ал-факих. „Китаб ахбор ал-булдан". Мешхедская рукопись, Compendium Libri kitab al-Boldan autore ibn al Fakih al-Hamadani, ed. M. J. de Goeje, BGA, V, Lugd. Batavorum, 1885.

Ибн-Руста. „Китаб ал-а'лак ан-Нафис", Kitab al-a-lak an-Nafisi, VII, autore Abu Ali Ahmed ibn-Omal ibn-Rusteh. Ed. M. J. de, Goeje, BGA, VII, Lugd.-Batavorum, 1892.

Ибн Хордадбех. „Китаб ал-месалик ва-л-мемалик". Kitab al-Masalik wa'l Memalik, autore Abul Kasim Obaidallan ibn Ab-dallah ibn Khordadbeh, BGA, VI, Lugd.-Batavorum, 1889.

Махмуд Кашгарский, Диван Лугат-ат-турк. (на узб. языке), перевел и подготовил к печати С. Муталибов, т. I, Ташкент, 1960; т. II, 1961; т. III, 1963.

Мухаммед ибн Наджиб Бекран, «Джехан-нама», МИТТ, т. I.

Рашид ад-Дин, Джами ат-таварик. Сборник летописей, т. I, кн. I и 2, М.-Л., 1952; т. II, 1960; т. III, 1962.

«Худуд ал-алем». Рукопись Туманского, изд. с введением и указателями В. В. Бартольда, Л., Изд-во АН СССР, 1930.

Исследования и статьи

Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946.
Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, ТИЭ, т. XIV, 1951.
Абрамзон С. М. К характеристике шаманства в старом быту киргизов, КСИЭ, АН СССР, вып. XXX.
Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII.
Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV века, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских народностей и племен, журн. «Живая старина», вып. III и IV, СПб., 1896.
Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), вып. I, АН ТаджССР, 1953 и вып. II, 1958.
Арандаренко Т. В. Значение власти аксакалов в отдельных кишлаках, ТВ, 1874, № 25.
Арандаренко Т. В. О метеорологических познаниях туземцев Зеравшанского округа, ТВ, 1877, № 22.
Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВО, т. VIII, 1893—1894, СПб., 1894.
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., Записки ОИФ АН СССР, т. I, № 4, СПб., 1897.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, Тексты, СПб., 1898; ч. II, Исследование, СПб., 1900.
Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченской области, Верный, 1898; изд. 2-е, Фрунзе, 1948.
Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., ЗРГО, по отд. этнографии, т. 34, 1909.
Бартольд В. В. История Туркестана, Труды Туркестанского Государственного университета, вып. 2, Ташкент, 1922.
Бартольд В. В. Киргизы (Исторический очерк), Фрунзе, 1927.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа, Сб. «Туркмения», т. V, Л., Изд-во АН СССР, 1929.
Бартольд В. В. Новые исследования об архонских памятниках, ЖМНП, вып. 9—10.
Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, Труды Института языкознания АН СССР, т. I, 1952.
Баскаков Н. А. Алтайский язык, М., 1958.
Басов Д. Пайкалы Ширабадской долины, журн. «За реконструкцию сельского хозяйства», Самарканд, 1929, № 2, стр. 117—126.
Бернштам А. Н. К исторической топографии Чуйской долины, ВДИ, 1940, № 2.
Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины, под ред. и с пред. А. Ю. Якубовского, Алма-Ата, 1941.
Бернштам А. Н. Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942.
Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943.
Бернштам А. Н. Социально-экономический строй Орхоно-Енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и киргизы, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.
Бернштам А. Н. Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, СЭ, 1948, № 4.

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, Советская археология, т. II, 1949.
Бернштам А. Н. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае, КСИИМК, вып. XXXVIII, М.—Л., 1949.
Бернштам А. Н. Древняя Фергана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951.
Бернштам А. Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой-Чао (726), ВДИ, 1952, № I.
Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности, КСИЭ, т. XXVI, М., 1957.
Бикжанова М. Семья в колхозе, в кн. «Прошлое и настоящее села Айкыран», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.
Борнс Александр. Путешествие в Бухару, изд. П. В. Голубкова, М., 1849.
Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка, III, Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. XVI, М.—Л., 1958.
Бурхан-уд-дин хан Кушкеки. Путеводитель по Каттагану и Бадахшану, Ташкент, 1926.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г., изд. 1-е, М., 1867; изд. 2-ое, 1874.
Васильева Г. П. Туркмены-нохурли, ТИЭ, новая серия, т. XXI, М., 1954.
Васильева Г. П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952.
Васильев В. П. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме, сб. ГОЭ, СПб., 1897.
Винников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, Среднеазиатский этнографический сборник, II, ТИЭ, новая серия, т. XVII, М., 1959.
Воронина В. Л. Узбекское народное жилище, СЭ, 1949, № 2.
Воронина В. Л. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, Среднеазиатский этнографический сборник, II, ТИЭ, XVII, М., 1959.
Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, Известия Среднеазиатского отдела Русского географического общества, т. XVIII, Ташкент, 1928.
Гинзбург В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э.), Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая, т. 21, 1954.
Гребенкин А. Этнографический очерк Зеравшанского округа, ТВ, 1872, № 45.
Гребенкин А. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872.
Греков Б. А. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.
Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии, ЖМНП, 1872, № 9.
Григорьев В. В. Дополнение к переводу немецкой книги: К. Риттер. «Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных отношениях с Россией», Восточный Туркестан, вып. второй, СПб., 1873.
Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннахре по Тарихи Мунеджим-баши, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, «Тру-

ды восточного отделения археологического общества», ч. XVII, СПб., 1874.
Григорьев В. В. Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами, ЖМНП, 1875, № 3.
Гордлевский В. Государство сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941.
Губаревич Е. Кухня сартов, «Наша пища», 1892, № 17.
Губаревич-Родобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб., 1905.
Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.
Гюзальян А. Т. и Дьяков М. М. Иранские миниатюры в рукописях «Шах-наме» ленинградских собраний, Л., 1935.
Ершов Н. Н. Традиция общинного водопользования у таджиков, КСИЭ, т. XXIV, М., 1957.
Жданко Т. А. Быт каракалпакского колхозного аула, СЭ, 1949, № 2.
Жданко Т. А. Очерки истории этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950.
Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса, АЭРХЭ, 1944—1948, М., 1952.
Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края, Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, № 9, Л., 1925.
Зарубин И. И. Население Самаркандской области, Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 10, Л., 1926.
Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи, АЭРХЭ, 1945—1948, I, М., 1952.
Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Изд-во АН ТаджССР, 1954.
Кармышева Б. Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, КСИЭ, т. XXVII, М., 1955.
Кармышева Б. Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1956, № 10—11.
Кармышева Б. Х. Этнографическая группа тюрок в составе узбеков, СЭ, 1960, № 1.
Кандоуров А. Н. Патриархальная домашняя община у ягнобцев, М.—Л., 1940.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, М., 1951.
Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиа-боло, М.—Л., 1936.
Кисляков Н. А. Калым и приданое у таджиков, «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, 1951.
Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина, Изд-во АН ТаджССР, 1954.
Кисляков Н. А. Пережитки матриархата в брачных отношениях народов Средней Азии, КСИЭ, т. XXVIII, 1957.
Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков, ТИЭ, новая серия, т. XIV, М.—Л., 1959.
Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, М.—Л., 1962.
Кононов А. Н. «Родословная туркмен», Сочинения Абул-гази-хана хивинского, М.—Л., 1958.
Косвен М. О. Авункулат, СЭ, 1948, № 1.
Косвен М. О. Семейная община (опыт исторической характеристики), СЭ, 1948, № 3.

Косвен М. О. Об историческом соотношении рода и племени, СЭ, 1951, № 2.
Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры, М., Изд-во АН СССР, 1953.
Косвен М. О. Семейная община и патронимия, М., Изд-во АН СССР, 1963.
Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», СПб., 1909.
Корш Ф. Е. Классификация турецких племен по языкам (Отд. оттиск из этнограф. обозрения, кн. XXXIV—XXXV), М., 1910, стр. 1—14.
Крюкова Т. А. «Вождение русалки» в селе Оскине Воронежской области (По материалам экспедиции государственного музея этнографии, 1936), СЭ, 1947, № 1.
Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, Acta Orientalia, t. IV, F. 1—2, Budapest, 1955.
Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I—II, СПб., 1911.
Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, Петроград, 1916.
Лыкошин Н. С. Начнем с детей (этнография в дошкольном возрасте), Ташкент, 1919.
Лэн-Пул Стенли. Мусульманские династии, хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.
Магидович И. М. Материалы по районизированию Средней Азии, кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, Ташкент, 1926.
Маев Н. К вопросу о родственной связи среднеазиатских народов между собою, ТВ, 1875, № 16.
Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент, 1929.
Малов С. Е. Остатки шаманства у желтых уйгуров, «Живая старина», год XXI, СПб., 1912.
Малов С. Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана, Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук, т. IV, СПб., 1917.
Малов С. Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая, СЭ, 1947, № 1.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951.
Малов С. Е. Енисейская письменность, М.—Л., 1954.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
Массон М. Е. Проблемы изучения цистерн-сардоба, материалы Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935.
Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент Изд-во АН УзССР, 1953.
Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сыр-Дарьинской области, т. II, вып. 1, Ташкент, 1915.
Материалы Всероссийской переписи 1920 г., вып. II. Поселение. Итоги Аму-Дарьинской области, Ташкент, 1923.
Материалы Всероссийской переписи 1920 г., вып. V. Поселение. Итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924.
Материалы по районизированию Средней Азии, кн. I, часть I, Ташкент, 1926.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1938.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, Труды Института востоковедения АН СССР; Источники по истории народов СССР, т. I,, VII—XV вв., М.—Л., 1939.
Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Изд-во АН ТаджССР, 1954.
Мелиоранский П. М. Памятники в честь Кюльтегина, ЗВО, т. XII, СПб., 1899.
Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», СПб., 1902.
Морозова А. С. Культура домашнего быта каракалпаков. Начало XX века (к вопросу этногенеза), автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1955.
Мошкова В. Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, Труды Института истории и археологии, Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. 2, Ташкент, 1950.
Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., ИВ АН УзССР, Ташкент, 1954, № 1.
Мухсинова К. З. К истории выступлений бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в., журн. «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886.
Наливкин В. Особенности охоты у туземцев Туркестанского края, «Природа и охота», июнь, 1891.
Народное декоративное искусство Советского Узбекистана, Ташкент, 1954.
Очерки истории СССР, IX—XIII вв., М., 1953.
Ошанин Л. В. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии, СЭ, 1947, № 6—7.
Ошанин Л. В. Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии, в сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Ташкент, 1953.
Ошанин Л. В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана, ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XV, 1957.
Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, ТСГУ, новая серия, вып. XVI, исторические науки, кн. 16, Ереван, 1957.
Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 2, Ереван, 1957.
Пален К. К. Орошение в Туркестане (отчет по ревизии Туркестанского края), СПб., 1910.
Пален К. К. К характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. I, СПб., 1910.
Паролов С. Л. Туркменские игры, Ашхабад, 1931.
Пашино П. Туркестанский край в 1866 г., СПб., 1868.
Пещерева Е. М. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана, Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, 1925, № 11.
Пещерева Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924—1935 гг.), Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. 17, 1957.
Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, ТИЭ, т. XII, М.—Л., 1959.

Поливанов Я. Д. Этнографическая характеристика узбеков, вып. I, Ташкент, 1926.
Полозов В. А. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи УзССР, журн. «Народное хозяйство Средней Азии», № 7, Ташкент, 1925.
Писарчик А. К. Жилой городской дом Бухары и Хивы, журн. «Архитектура СССР», 1937, № 1.
Писарчик А. К., Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1953.
Покотило А. Н. Путешествие в Центральную Бухару в 1886 г., ИРГО, т. XXV, вып. VI, СПб., 1889.
Потапов Л. П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков «Кунград», журн. «Научная мысль», № 1, Ташкент, 1930.
Потапов Л. П. Ранние формы отношений у кочевников, Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. I, Абакан, 1947.
Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953.
Потапов Л. П. Народы Южной Сибири (Новосибирск), Новосибирское книжн. изд., 1953.
Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.
Потапов Л. П. Новые данные о древнетюркском «Ötükän», СЭ, 1957, № 1.
Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, М., 1957.
Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана в XV — первой половине XVI в. по данным миниатюр, Тр. САГУ, Археология Средней Азии, новая серия, вып. XXXI, кн. 2, Ташкент, 1956.
Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина, ЗРГО, т. VI, 1880.
Радлов В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, пер. с немецкого, Томск, 1887.
Радлов В. В. и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Сб. ТОЭ, вып. IV, СПб., 1887.
Радлов В. В. К вопросу об уйгурах, пред. к изданию «Кудатку билик», Записки АН, т. 72, кн. 1, СПб., 1893.
Рамстедт Г. И. Как был найден Селенгинский камень, ТТКОПОРГО, т. XV, СПб., 1914.
Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня, ТТКОПОРГО, т. XV, СПб., 1914.
Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1956, № 10—11.
Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма, АЭРХЭ, 1945—1948, М., 1952.
Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Труды Петроградского Института живых восточных языков, вып. 4, Петроград, 1922.
Самойлович А. Н. К истории литературного среднеазиатского тюркского языка, Собрание «Мир-Али-Шер», Л., 1928.
Сессия по этногенезу Средней Азии, СЭ, 1947, № 6—8.
Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры, «Таджикистан», Сборник статей, Ташкент, 1925.

Семенов А. А. Очерки поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, Труды, САГУ, сер. II, вып. I, Ташкент, 1929.
Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Материалы по истории таджиков и узбеков, Средней Азии, вып. I, Труды АН ТаджССР, т. XII, 1953.
Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, Труды АН ТаджССР, т. XII, 1953.
Ситняковский. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, Изв. Ср. Аз. отд. РГО, т. I, вып. 2, Ташкент, 1900.
Снесарев А. Восточная Бухара (Военный географический очерк), Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии в XIX в., СПб., 1906.
Снесарев Г. П. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма, СЭ, 1957, № 2.
Соболев Л. Н. Географические и статические сведения о Зеравшанском округе. Записки Русского географического об-ва, т. IV, 1874.
Список народностей СССР, состав. под ред. И. И. Зарубина, Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 13, Л., 1927.
Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской ССР, вып. I—VIII, Самарканд, 1923—1926.
«Средняя Азия» 1910, апрель, кн. 3—4.
Сухарева О. А. К истории костюма населения Самарканда, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 11—12.
Сухарева О. А. К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950.
Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, № 1, ТИЭ, новая серия, т. XXI, М., 1954.
Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.
Тагор Рабиндранат. Крушение, соч., т. I, Государственное издательство художественной литературы, М., 1955.
Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии, ВДИ, 1938, № 1.
Толстов С. П. Основные вопросы истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1.
Толстов С. П. Тирания Абруя, Исторические записки, ВДИ, 1938, № 3.
Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана, ИЯЛИ, УзФАН, «Библиотечка бойца», Ташкент, 1943.
Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии (тезисы доклада), СЭ, 1947, № 6—7.
Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948.
Токарев С. А. Сущность и происхождение магии, СЭ, 1947, № 1.
Умняков И. И. Самая древняя карта мира (XI в.), Труды Самаркандского Гос. пед. института им. А. М. Горького, т. I, вып. 1, Самарканд, 1940.
Фридрих Н. А. Бухара, Этнографический очерк, СПб., 1910.
Ханыков Н. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.
Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, Этнографическое обозрение, № 1—3.

Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб., 1876.
Цвилинг Г. Бухарская смута, журн., «Средняя Азия», кн. II, 1910.
Шалекенов У. Х. Жилище каракалпакского колхозного крестьянства, КСИЭ, XXVIII, 1957.
Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае, 1908.
«Шейбаниада», анонимное сочинение, изд. И. Н. Березиным, Казань, 1849.
Шишов А. Сарты, часть первая, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, 1904, вып. XI.
Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933.
Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Материалы по истории народов СССР, вып. 3, Л., 1933.
Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.
Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., СЭ, 1947, № 3.
Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурско-Туфанском княжестве в IX—X веках, ТОВ, т. IV, Л., 1947.
Якубовский А. Ю. Восстание Муканны (движение людей в белых одеждах), журн «Советское востоковедение», вып. V, 1948.
Якубовский А. Ю. Ибн Сина, в кн. «Ибн Сина», Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летнему юбилею Ибн Сины, Ташкент, 1953.

Литература на иностранных языках

Barthold W. Die alttürkischen Inschriften in den arabischen Quellen, ATIM, zweite Folge, 1899.
Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, ATIM, neue Folge, 1897.
Barthold W. Art. „Karluk" in Enzyklopädie des Islams, B. II, Leiden, 1913.
Barthold W. Art. „Khaladj" in Enzyklopädie des Islams, B. II, Leiden, 1913.
Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, Сб. ТОЭ, VI, СПб., 1903.
Jacobson H. Rise of Turkish power in Central Asia, History of the Eastern Turks, University of Chicago, Chicago, 1941.
Jarring G. On the distribution of Turk tribes in Afghanistan. An attempt of a preliminary classification, Lund—Leipzig, 1939 (Lunds Universitets Arsskrift, N. F., Avd. I, B. 35, Nr. 4).
Jarring G. The contest of the Fruits, An Eastern Turki Allegory, Lund, 1936 (Lunds Universitets Arsskrift, N. F., Avd. 1, B. 32, Nr. 4).
Jarring G. Uzbek text from Afghan Turkestan, with glossary, Lund—Leipzig, 1938, V (Lunds Universitets Arsskrift, N. F., Avd. 1, B. 34, Nr. 21).
Hirth F. Nachworte zur Inschriften des Tonjukuk, Zeit des Ku-tu-lu (Ilteres Khan), ATIM, zweite Folge, SS. 1—140.
Kotwich W. A., Samoilovitch. Le monument turk d'Ilkhekekhuchotu en Mongolie Centrale, Rocznik orientalistyczny, Lwów, 1928, t. VI, pp. 60—107.
Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, SS. 30—38 u. ssq.

Menges K. Zum Üzbekischen vom Nord-Afghanistan in „Anthropos", XLI—XLIV (1946—1949), SS. 673—716.
Orkun, Hüsejn Namik. Eski türkyazitlari, Istanbul, 1936, t. 1, ss. 133—155.
Orkun, Hüsejn Namik. Türk tarihi, Ankara, 1946.
Radloff W. Die alttürkischen Inschriften in der Mongolei, ATIM, B. I—III.
Radloff W. „Der Kül Tschur der Tardusche scheint in einer der Inschriften am Chottotemir genannt zu sein". („Historische Bedeutung", S. 18).
Radloff W. Phonetik der nördlichen Türkssprachen, Leipzig, 1882.
Raverty H. J. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan, geographical, ethnographical and historical, extracted from the writings of the little known Afghan and Tadzhik Historians, Geographers and Genealogists the Histories of the Ghuris, the Turk sovereigns of the Dihli Kingdom, the Mughal Sovereigns of the House of Timur, and other Muhammadan chronicles and from personal observations, London, 1881.
Raverty G. Art. On the Turks, Tatars and Mughals in Travaux de la troisieme session du Congres international des Orientalistes, t. II, St.—Petersbourg, 1879, pp. 74—124.
Tiesenhausen W. Recueil de Materiaux relatifs a l'histoire de la Horde d'Or, t. I, St.-Petersbourg, 1884.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
Глава I. Исторические сведения о карлуках (происхождение, расселение и продвижение карлуков) 12
Глава II. Хозяйство 45
Земледелие и водопользование . . . . . —
Скотоводство 68
Ремесло и домашние промыслы 80
Охота 85
Средства передвижения 86
Глава III. Материальная культура 91
Жилище и предметы домашнего обихода . . . . —
Одежда 104
Пища 124
Глава IV. Общественные и семейные отношения 130
Родоплеменные деления карлуков . . . . . —
Социальные отношения 132
Семья и брак 137
Погребальные обряды и траур. 152
Глава V. Официальная религия и народные верования . . . 157
Глава VI. Детские игры и увеселения 165
Детские игры . . . . . —
Увеселения 175
Условные сокращения 182
Библиография 183